

Библиотека Казахской Литературы

Ж а м б ы л Ж А Б А Е В

Избранные произведения

Библиотека Казахской Литературы

СЕРИИ КНИГ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
"КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ" ИЗДАЮТСЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ
ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА НАЗАРБАЕВА

Ж а м б ы л Ж А Б А Е В

Избранные произведения

УДК 82-03.512.122-161.1
ББК 84(Каз-Рус)
Ж 12

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакционная коллегия:

Каскабасов С.А. (*председатель*), Кул-Мухаммед М.А.,
Кирабаев С.С., Елеукенов Ш.Р., Исмагулов Ж.И., Нургалиев Р.Н.,
Абдрахманов С.А., Исмакова А.С., Бейсенгалиев З.Г.,
Абдезулы К., Майтанов Б.К., Болтанова Ж.К.

*Составитель, автор вступительной статьи
и комментариев С.А. Каскабасов*

Жабаев Жамбыл

Ж12 Избранные произведения. / *Жамбыл Жабаев.*
Перевод с казахского. Астана: Аударма, 2010. – 464 стр.

Список книг серии “Библиотека Казахской Литературы”
утвержден Ученым советом Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (протокол №9 от 26 июня 2009 г.).

В оформлении суперобложки использованы фрагменты из картин
художников А. Курганбаева и О. Нуржумаева.

ISBN 9965-18-309-0

УДК 82-03.512.122-161.1
ББК 84(Каз-Рус)

ISBN 9965-18-309-0

© Издательство “Аударма”, 2010
© Иллюстр. “Музей современного
искусства”

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

На русском языке сочинения акына издавались отдельным томом неоднократно. Наиболее полное и научное издание осуществилось в 1958 году к Декаде казахской литературы и искусства в Москве. Эта книга затем переиздавалась без изменения 1980, 1981 и 1996 гг.

Настоящий том подготовлен на основе издания 1958 года, но он не повторяет его точь-в-точь. В нем имеется ряд отличий: а) отдельные произведения, которые были данью времени и не являлись достойным образцом поэтического искусства акына, исключены; б) с новых позиций написана вступительная статья; в) все комментарии к текстам написаны заново. Ибо при составлении тома и написании комментариев обнаружилось, что сведения об истории возникновения некоторых стихов неточны и разноречивы. Наряду с этим в ранних изданиях (как на казахском, так и на русском языках) имели место произвольные вмешательства в тексты, делались редакторские правки, производились сокращения и объединения песен, изменялись их названия и т.п. Некоторые из них устранены по мере возможности, сведения о произведениях уточнены, измененные названия восстановлены по первым публикациям и т.д.

Исправление всех имеющихся ошибок и искажений требует большой работы и значительного времени. Необходимо тщательный текстологический анализ всех произведений Жамбыла. Следует осуществить академическое издание поэтического наследия акына с определением точного срока и причины создания той или иной песни, даты ее записи и первой публикации с установлением личностей, упоминаемых в стихотворениях Жамбыла. На основании

академического издания казахских текстов можно выпустить полное собрание сочинений акына на русском языке, для чего необходимо осуществить новый перевод его песен. Все это – дело будущего. Пока же мы ограничились имеющимися переводами, принадлежащими талантливым переводчикам 1930-1940 годов.

Предлагая читателям эту книгу, мы надеемся, что, ознакомившись с нею, они получат полное представление о могуществе поэтического дарования Жамбыла Жабаева, о его жизни и творчестве, о его поэзии, вобравшей в себя две эпохи казахской действительности, которые мудрый акын отобразил в сопоставлении и противопоставлении.

В русских текстах настоящего издания сохранено старое написание фамилии и имени акына – Джамбул Джабаев. Это вызвано тем, что, во-первых, имя акына стало известно русскоязычному читателю бывшего СССР в таком написании, во-вторых, такое написание было употреблено в русских переводах еще при жизни акына, в-третьих, в переводных текстах, где акын говорит о себе, его имя дано в транскрипции Джамбул, и изменение его нарушило бы рифмо-ритмическую структуру русских текстов. При сравнении их с казахскими оригиналами было установлено, что они переведены по изданию полного собрания сочинений Жамбыла к 100-летию со дня его рождения в 1946 году.

ЖАМБЫЛ: ЕГО ВРЕМЯ И ПОЭЗИЯ

Редкостной судьбы человек – Жамбыл Жабаев. Пожалуй, история не знает ей аналога: в 90 лет он стал всемирно известным и еще 10 лет провел в стремительном творческом почете, а затем стал объектом спора и сомнений – был ли Жамбыл вообще.

Воистину фортуна лукава и переменчива. В течение многих лет Жамбылом восхищались, его переводили на многие языки и большими тиражами издавали как в бывшем СССР, так и за рубежом. О нем слагали стихи и поэмы, писали рассказы, очерки и роман, создавали фильмы и симфонии. Среди тех, кто писал о Жамбыле, были Р. Роллан, М. Шолохов, П. Тычина, Н. Тихонов, К. Симонов и другие видные поэты, писатели и ученые.

Всеобщее признание и восхищение сменилось нигилистическим отношением к имени и творческому наследию Жамбыла после того, как был разоблачен культ личности Сталина. Те, кто недавно превозносил великого акына, теперь объявляли поэзию Жамбыла услужливой и заказной, предлагали исключить его из истории литературы... Такие суждения нет-нет да высказываются и ныне. Так правомерно ли сегодня говорить о Жамбыле как о великом поэте-импромвизаторе? Безусловно.

Конечно, было бы проще сказать, что Жамбыл – фигура трагическая, как это модно сейчас говорить. Что он был одновременно поэтом-художником и поэтом, выполнявшим социальный заказ партии и государства, что он прославлял капитарменно-феодальный социализм, который принес народам неисчислимые бедствия и т.д... Думается, что это – не главное. Для понимания и оценки творчества Жамбыла необходимо вскрыть причину, породившую литературу, которая служила государству и партии, была их орудием, став частью официальной партийно-государственной идеологии советской власти.

Как известно, большевистская партия, пришедшая к власти в 1917 году, нуждалась в поддержке широких масс. Она искала пути и способы донесения своих идей до людей и проводником своей идеологии избрала творческую интеллигенцию, которую надо было привлечь на свою сторону. Для этой цели создавались творческие ассоциации и союзы, через которые

партия воздействовала на деятелей культуры. В то же время партия путем жестокой идеологической борьбы искоренила в творческой среде дух свободомыслия и укоренила чувство неуверенности и преданности только одной, коммунистической идеологии. Была также утверждена в науке марксистско-ленинская методология, признанная единственно верной, что на деле представляло собой насилие над личным мировоззрением человека. В результате осуществленной под этими идеологическими и методологическими лозунгами культурной революции в литературе и искусстве воцарился принцип их партийности и классовости, а писатели, поэты, художники и композиторы стали творить только по методу социалистического реализма, благодаря чему вся советская культура стала ангажированной. Она изображала действительность только с позиций коммунистической идеологии, показывала лишь светлые стороны жизни, приукрашивала ее, воспевала социалистическое государство, коммунистическую партию и ее вождей, особенно Ленина и Сталина.

Впрочем, создание литературы государственного служения не является чем-то новым, придуманным коммунистической партией и советским государством. Такая литература, как известно, была создана в России в XVIII веке, когда после петровских реформ в обществе господствовала идея сильной государственности и служения государю-батюшке. Вспомним оды Тредиаковского, Ломоносова, Петрова, Сумарокова, Державина, в которых они прославляли монархов, их деяния, приписывая им в заслугу все, что было положительного в России, и ставя служение им выше служения обществу. Традиция оды и воспевания монарха была нарушена великим Пушкиным. Но через сто лет она вернулась через творчество Маяковского и окончательно утвердилась в советской литературе, когда маститые уже поэты и писатели Исаковский, Антакольский, Сурков, Михалков, Тихонов, Рыльский и другие писали о Сталине, о советской власти и ставили интересы государства и партии выше интересов общества и личности.

Подобная же картина обнаруживается и в истории казахской литературы. В период возникновения на развалинах Золотой орды и становления Казахского ханства литература выполняла роль идеологии и проповедовала идею этатизма и

ханской власти. Асан-Кайгы, Казтуган, Доспамбет, Шалкииз, Бухар и другие жырау, жившие в XV-XVIII вв., свое назначение видели в служении хану и государству, воспевали сильную монархическую личность и государственность. Только великому Абаю удалось освободить литературу от государственного служения, повернуть ее к человеку и вернуть ей и начальную, эстетическую функцию. Но с установлением советской власти и партийно-классовой идеологии во всем Советском Союзе в казахской литературе, как и в русской, возобладала идея сильной советской государственности и великого ее руководителя, заменившего теперь в литературе образ монарха. Писатели, поэты, драматурги и другие деятели культуры наперегонки создавали произведения о партии, о Ленине, Сталине и внесли большой вклад в развитие литературы и искусства партийного и государственного служения, в канонизацию образов партийных вождей и утверждение их культа. Они считали себя помощниками и солдатами партии, решения партийных съездов и пленумов несли в массы. При такой мощной идеологической обработке и жестко проводимой партийно-классовой политике, естественно, не мог неграмотный и престарелый Жамбыл не верить большевистской пропаганде и не воспевать жизнь, которую все восхваляли, не славить партию и ее вождей. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и того, что Жамбыл не был искушен в политике, и он искренне верил в идеалы социализма, поскольку он своими глазами видел экспроприацию экспроприаторов и все те изменения, которые происходили в социальной, экономической и культурной жизни общества.

Как бы то ни было, бесспорно одно: Жамбыл Жабаев являл собою яркий талант и выдающиеся исполнительские способности устной акынской поэзии, вобравший в себя многовековой опыт импровизаторской традиции жырау, жырышы и акынов. Он обогатил ее во многих отношениях: и по содержанию, и по тематике, и по поэтике, расширил ее функциональный диапазон, повысил ее роль и значение. Благодаря этому Жамбыл превратился во всесоюзного трибуна, оперативно откликавшегося на все важные события в жизни страны, став поэтическим летописцем двух веков и двух жизней.

Казахская литература в течение многих столетий творилась, жила и развивалась в двух формах: устной и письменной. Письменная литература создавалась преимущественно в придворной среде профессиональными поэтами или писцами-хронистами, находившимися на государственной службе у правителя, как это было широко распространено на средневековом Востоке. Причем авторы, как правило, посвящали свои произведения султану или же приносили свои творения в дар правителю, за что получали вознаграждение в различной форме.

Устная же поэзия, создававшаяся акынами и жырау, бытовала и сохранялась путем устной передачи от наставника к ученику, от отца к сыну. Но это не означало, что произведения, сохраняемые в памяти и передаваемые устно, лишались первоначальной оригинальности и теряли авторскую индивидуальность. Традиция передачи от наставника к ученику требовала обязательного соблюдения авторского текста таким, каким он его перенимал от своего предшественника. Исключение допускалось лишь в отношении анонимных произведений, а также традиционных героических и любовных сказаний, которые создавались и исполнялись не одним поколением сказителей – жырышы.

Устная литературная традиция предполагала прохождение начинающими акынами серьезной поэтической школы у прославленных поэтов-импровизаторов. Жамбыл не был исключением в поэтической культуре казахов, и как поэт он сформировался в русле традиций импровизаторского искусства. Он прошел блестящую школу поэтического мастерства у своего знаменитого наставника Суюнбая Аронова и других не менее известных акынов Семиречья и Южного Казахстана.

Основными творцами устной авторской литературы были жырау и акыны. Жырау представляли собой тип поэта-импровизатора, который постоянно находился при правителе, был его советником и идеологом. Он выступал с импровизацией по важнейшим вопросам жизни и государства и адресовал свои слова непосредственно хану или султану. Его выступление происходило на ханском совете или на народном собрании и носило форму поэтического размышления-толгау либо посвящения-арнау, в которых он в назидательно-

философском плане говорил об эпохе своей и минувшей и сравнивал их, оценивал ситуацию в стране и излагал свое мнение о происходящих событиях, давал советы и рекомендации, а иногда высказывал свое отрицательное отношение к тому или иному поступку самого хана.

Жырау как носители идеи казахской государственности сошли с исторической арены вместе с распадом Казахского ханства вследствие завоевания его Российской империей.

На арену вышли акыны, которые прежде занимались импровизацией на семейно-бытовые и другие различные темы народной жизни, участвовали в поэтических состязаниях, устраиваемых на свадебных пирах, годовых гризнах-поминках по умершим и прочих праздниках. Начиная с XIX века, роль акынов повысилась, диапазон их функций расширился, их поэзия стала общественно значимой. Поэтическая импровизация превратилась в их профессию, и акыны теперь стали ездить по аулам, благодаря чему познавали жизнь глубже и шире, обретали знания также по истории и культуре тех краев, которые сами посещали, нередко обучались арабской грамоте и приобщались к классической поэзии Востока. Все это позволяло акынам смотреть на общество и на его устройство другими, чем прежде, глазами, выдвинуться на передний план духовной жизни казахского народа и стать выразителями его социальных интересов, чаяний и ожиданий.

Жамбыл сочетал в себе оба типа поэта-импровизатора: и жырау, и акына. Он начинал свою творческую жизнь как акын аула. В 15 лет сочинил первые песни и в течение последующих 85 лет не переставал импровизировать. Сколько произведений им было сочинено и исполнено за это время, не счесть. К сожалению, его песни, толгау, айтысы и дастаны стали записываться только с 1936 года, когда он буквально в один день стал известен на весь Советский Союз, благодаря публикации в газете «Правда» (7 мая) его большого толгау «Моя Родина» («Туған елім»), в котором он вкратце рассказал об истории казахов, их судьбах в прошлом и охарактеризовал тогдашнюю жизнь Казахстана 20-30-х годов. Лишь после этого к Жамбылу прикрепили литературных секретарей, которые стали регулярно записывать новые импровизации акына, а также старые его произведения из собственных уст Жамбыла.

Жамбыл Жабаетов родился в феврале 1846 года у подножия горы Жамбыл. Это был период, когда казахи Жетысу, в частности, роды племени Шапырашты, куда входил род Екей, откуда были предки будущего акына, находились под игом кокандцев – с одной стороны, подвергались набегам киргизов – с другой стороны, и испытывали давление войск царской России – с третьей стороны.

Активная творческая деятельность Жамбыла началась в последней трети XIX века, когда Семиречье и Южный Казахстан полностью были присоединены к России и в результате реформ 1867-1868 гг. по управлению различными областями казахских степей в Казахстан были введены российские системы административно-территориального управления, которые окончательно разрушили многовековой уклад жизни казахов и привели казахские аулы к социально-экономическому кризису и серьезным общественно-политическим противоречиям. Жизнь усугублялась еще и тем, что царские власти переселяли в Казахстан безземельных крестьян и казаков, которым выделяли отобранные у казахов самые плодородные земли, лучшие луга и пастбища, а казахов вытесняли в пустынные засушливые зоны.

Жамбыл был свидетелем всего этого. На его глазах рушилась традиционная жизнь казахов, гибло все то, что было выработано предками в течение многих веков, нарушались обычаи, менялись нравы людей. Введенные в край новые российские порядки порождали недоверие между людьми, угодничество перед начальством, клеветничество и сутяжничество, т.е. все те пороки, которые возникают при государственно-чиновничьем управлении. В казахских аулах появились обман и несправедливость, насилие и подкуп, беззаконие и унижение.

Естественно, все это не могло не наложить отпечаток на творчество Жамбыла. Не только он один, а многие акыны-импровизаторы, как и представители письменной литературы, во всю мощь своего таланта и поэтического мастерства выражали интересы казахского народа, подвергали жестокой критике все отрицательные явления в общественной и семейной жизни, высмеивали лицемерие выбранных по указке царской администрации волостных управителей, брали под обстрел людские пороки. Особенно сильно звучали голоса

Махамбета, Дулата, Шернияза, Шортанбая, Суюнбая, Мурата и других. Был среди них и сравнительно молодой Жамбыл.

Жамбыл, как и другие акыны, часто свои песни посвящал кому-нибудь из таких людей, которые своим поведением либо поступком отличались от других, вызывая всеобщий смех или осуждение. Нередко он свои арнау адресовал знатным горожанам, богатым волостным или зажиточным однодворцам. Обычно, целью этих посвящений являлась не хвала, а какая-нибудь просьба. Если же тот, к кому обращены слова акына, отказывал в просьбе, то песня-арнау моментально превращалась в едкую сатиру. В песне «Шалтабаю», например, Жамбыл открыто высказывал волостному управителю свою обиду и развенчивал его двуличность и циничность.

Взором мрачным смотришь в дали,
Думая, что ты один. ,
Волостных мы повидали
И немало, господин.
Черным потом обливался
Ты на выборах своих.
И богатством ты швырялся,
Был приветлив, щедр и тих.
Был ты всем, как друг и брат,
Все кричал ты: «Жамагат».
А добился власти,
Никому ты стал не рад.
Не приветлив ты, не мил,
У тебя не раз я был.
Как не гневаться Джамбулу,
Коль с обидой уходил?

Такие песни-посвящения – излюбленная форма Жамбыла до советской эпохи. Поводом для подобных обращений могли быть различные жизненные ситуации, людские действия и нравы. В них Джамбул рассказывал о конкретных делах реального человека, давал оценку им со своих позиций, стыдил и корил жадных богачей за их скупость и бездушие, выставлял на посмешище воров и лжецов, зло высмеивал спесь баев и биев. За это власть имущие не любили Жамбыла, но Жамбыл не боялся и не заискивал перед ними. Он знал, что его поэзия неподвластна никому, ибо у казахов издревле был культ поэзии и красноречия. Не случайно в народе бытовало крылатое

выражение «Верх искусства – красноречие» («Өнер алды – кызыл тіл»). К тому же в казахском обществе с древности придерживались принципа «можно лишить головы, но не слова» («бас кеспек болса да, тіл кеспек жок»). И никто из подвергавшихся акыном осмеянию не имел права наказывать акына, не смел преследовать его. Наоборот, они старались умастить акына и одаривали его, потому что боялись, что песня акына разлетится по аулам, и о них пойдет дурная слава. Акыны, в том числе и Жамбыл, очень умело пользовались этими обстоятельствами.

Жамбыл – непревзойденный мастер айтыса – поэтического состязания акынов. Именно в айтысе наиболее ярко проявился его великий поэтический талант, он показал себя истинным художником слова, обладающим художественным мышлением, сочным языком и всеми качествами, необходимыми для победы в большом поэтическом марафоне. По традиции тот, кто импровизировал песни на разные темы и по разным поводам, мог заслужить звания акын лишь после участия в нескольких крупных айтысах и победы над одним из знаменитых акынов-айтыскеров. Айтысы бывали разные по форме и целевой установке: кайым-айтыс – любовно-шуточные состязания между молодыми парнями и девушками, туре-айтыс – спор в небольшой песенной форме между молодыми акынами (чаще джигитом и девушкой), суре-айтыс – эпическое поэтическое состязание маститых акынов с охватом больших проблем и разной тематики и т.д.

В творчестве Жамбыла есть все формы айтыса. Известны его любовно-шутливые айтысы с девушками. От самого Жамбыла записаны айтысы с девушкой Айкумыс и дочерью богача Болека. Эти айтысы носят не только любовно-шутливый характер. В них молодые люди в образно-поэтической форме говорят о своих проблемах, о несчастной судьбе девушки, засватанной за нелюбимого человека, о горе разлученных влюбленных:

Я могли к тебе, Айкумыс, не спешить?
Я молод, о скалы я бьюсь, чтоб любить.
Я ночью и днем лишь тобою живу,
Тебе ль для худого добычею быть, –

говорит Жамбыл.

На это Айкумыс отвечает:

Ты, самоуверенным, милый, не будь,
Как будто всех девушек спас ты, Джамбул.
Зачем же расстался с родным ястребком
Умеющий зорко предвидеть судьбу?

И Жамбыл, и Айкумыс иносказательно намекают на то, что Айкумыс засватана за «худого», т.е. недостойного ее жениха, а Жамбыл не по воле своей расстался с любимой девушкой (Бурым, которая в айтысе называется «родным ястребком»).

Жамбыл вступал в поэтический спор со многими представителями акынами из разных регионов Казахстана и Кыргызстана и ни в одном из них не проигрывал. Исследованиями зафиксированы тексты айтысов великого акына с Бактыбаем, Сары, Майкотом, Болтириком, Кулмамбетом, Сарбасом, Досмагамбетом, Шашубаем и другими. По сложившимся с давних пор правилам участники айтыса поочередно нападали друг на друга, защищались и парировали слова соперника, путем взаимных вопросов и ответов выясняли мнения и общую культуру друг друга, загадывали и отгадывали загадки. В пылу поэтической полемики допускалось выражать честь и достоинство противника, вплоть до намекательства над его физическими недостатками. Поскольку акыны выступали от имени своих родов, они безжалостно поносили роды друг друга, восхваляли свой род и прославляли его старейшин и других знатных соплеменников. Жамбыл тоже пользовался всеми этими приемами, за исключением одного – унижения достоинства человека. И не только в этом было новшество его. Он ввел в айтыс абсолютно новые идеи и темы, непривычные подходы и оригинальные аргументы. И этим значительно обогатил и обновил жанр айтыса, вывел его из родоплеменного сознания и поднял на общенародный уровень, придал ему острую социальную направленность и возвысил его нравственную роль. В лучших своих айтысах Жамбыл родовому и сословному пониманию жизни противопоставлял всенародное значение героики подвигов выдающихся личностей, сыгравших большую роль в борьбе за независимость родины. В этом отношении особенно показательны айтыс Жамбыла с виднейшим акыном Семиречья Кулмамбетом, состоявшийся в 1881 году на большой ярмарке, в гостинной на берегу реки Или. Кулмамбет, победивший накануне 9 акынов и находящийся в экзальтации, весь свой

айтыс построил на восхвалениях родов Албан, Дулат и богатых людей этих родов. Жамбыл же, наоборот, пел о батырах, защищавших родную землю от посягательств чужеземцев, о бедных по количеству скота, но благородных душой и по поступкам людям. С первых же слов, желая сбить Жамбыла с толку, Кулмамбет набрасывается на Жамбыла и его род Шапырашты.

О всемогущий творец. Видишь ли ты?
День Кулмамбета настал – в страхе шуты.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Там ковыляет жалкий Шапрашты.

Жалок тот род: в слезах молодуха там,
Баи там скот пасут, голодуха там.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Шапрашты не собраться с духом там...

Эх, Джамбул, со мной ты не вкусишь удач,
Ждал ты веселья, но здесь ждет тебя плач.
Если б только Нуркан свой пригнал табун,
В землю б он втоптал шапраштинских кляч.

Затем Кулмамбет перечисляет всех известных богачей из родов Албан и Дулат, дает каждому из них высочайшую характеристику, возводя их до небес.

В ответ Кулмамбету Жамбыл, нисколько не горячась и не кичась, спокойно и степенно говорит:

...Если мощен ты, Кулмамбет,
Должен принять вызов врага.
Знатному роду ты слуга,
За богача прячешься ты,
С ним еще наплачешься ты,
Пусть у Бабы вдосталь ягнят –
Предки плохо тебя хранят.

Нечем, пока я здесь, козырнуть тебе,
Трудно из рук моих ускользнуть тебе.
О Карынбае не пой, о скряге нам,
О богатырской спел бы присяге нам.
Нам о народном единстве лучше спой,
Спой о доблести ты, об отваге нам!

В противовес богачам родов Албана и Дулата Жамбыл прославляет героические свершения батыров Суранши,

Саурька, Карасая, Наурызбая, Али, Кашке, Кожамбета, Утегена и Казыбека, благородные дела Байтелс, Калена, Жапека, Даулета и других. А о тех баях и знати, которых похвалил Кулмамбет, Жамбыл говорит:

Эй!.. Прислушайся, Кулмамбет,
В баях твоих смысла нет.
Даром ты тратишь столько слов
На дураков и ослов.
Дрязги, сплетни и клевета –
Вот чем ваша знать занята.
Тень на народ баи кладут,
Будешь и ты в этой тени.
Баям вовек не буду сродни.
Байским добром не бахвалюсь я,
Бедностью не опечалюсь я.

В мощи народа – сила моя,
Цель народу ясна моя.
Богатырям я честь воздаю,
Вот на какой я земле стою!
Не уступлю, Кулмамбет, тебе!

Не родоплеменные и не сословные интересы движут мыслями Жамбыла. Он движим заботой о всем народе, о его чести, думами о судьбе и защите его. Именно эта направленность айтысов, да и всей поэзии Жамбыла, стала главенствующей в творчестве акына в советское время, став своеобразной основой для возрождения традиций древних жырау. Если в прежнее время Жамбыл сочинял песни по разным поводам, то теперь в советскую эпоху, особенно начиная с конца 1920-х годов, он стал слагать по случаям, имевшим значимость для всего общества. Его широко-известные толгау и стихи 30-40-х годов предназначались, как и у средневековых жырау, в основном для торжественного церемониального исполнения перед большой аудиторией. После того, как стал известен на весь Союз, Жамбыл неоднократно выступал с импровизацией на торжественных собраниях, посвященных очередной годовщине Октябрьской революции, на сессиях Верховного Совета республики, на юбилейных заседаниях пленумов Союза писателей СССР, Союза писателей Казахстана и Союза писателей Грузии. И в

будничные дни он импровизировал перед колхозниками и школьниками. Естественно, при такой ситуации эти произведения сочинялись в высоком стиле и наполнялись духом социально-политического и героико-патриотического пафоса. Если раньше процессы сочинения и исполнения шли одновременно, то теперь они стали разделяться. Литературные секретари Жамбыла отныне занимались не только записыванием экспромтов акына, но и читали ему газеты, информировали его о происходящих в республике и стране событиях, сообщали новости, рассказывали разные истории из биографии поэтов и писателей страны, читали их отдельные произведения. Так расширялся кругозор Жамбыла, и он чувствовал себя участником всего того, что совершалось тогда в Советском Союзе.

Постепенно у акына, как и у миллионов людей, возникла иллюзия личной причастности к решению важных государственных дел во всем СССР, и то, что он в своих толгау смело говорил об общегосударственных проблемах, вполне естественно. Конечно, нельзя тут отрицать и тот факт, что многие его произведения 30-40-х годов были созданы по желанию властей, которые в завуалированном виде выполнялись литературными секретарями акына. Тем не менее, надо признать, что эти толгау и стихи по своей идейно-эмоциональной силе и поэтическим достоинствам несколько не уступают лучшим поэмам и стихам профессиональной письменной литературы того времени. Они в сущности представляют собою классические образцы высокой поэзии жырау в условиях первой половины XX столетия. В этот период Жамбыл был и как жырау, и как поэт, т.е. он сочинял стихи устно, но потом их шлифовал при помощи литературных секретарей. Только после такой редакционной правки стихи предавались обнародованию. Один из литературных секретарей акына, видный поэт Таир Жароков писал: «...Джамбул импровизировал под домбру, не любил, когда за ним не успевали записывать. Он просил и даже требовал, чтобы ему обязательно читали запись. Когда Джамбулу не нравилось записанное, он снова импровизировал неудачные строки, а потом просил перечитать исправленный вариант и спрашивал, что еще нужно улучшить...» Здесь кроется одна из причин того, что некоторые его стихи, посвященные вождям

партии, особенно, толгау-размышления о прожитой им жизни по образной мощи, метафоричности и обобщенности превосходны и недостижимы. В них налицо целенаправленный отбор фактов действительности, их обобщение и превращение в художественный вымысел. При этом Жамбыл широко пользовался многовековым опытом фольклора, своеобразной поэтикой устной литературы и преобразовывал их в свой образный мир. В результате, он резко оживил жанр хвалебной песни-посвящения, в которой в манере жырау воспевал руководителей партии и государства.

Мы слышали твой голос, кипящий, как горный поток,
Как мощь водопада, дробящего скалы в каменья.
Он льется на север, на запад, на юг, на восток,
Он рвет все плотины – всемогуч, могуч и глубок.
Мы слышим твой голос, батыр человечества – Ленин!

Песня-посвящение стала почти излюбленным жанром Жамбыла, поскольку от него требовалась поддержка всех действий коммунистической партии и советской власти и оперативный отклик на знаменательные даты и события. Он стал как бы поэтом-летописцем страны и посвящал стихи активистам, воинам Красной Армии, испанцам-республиканцам, папашинцам, ученым, комсомолу, молодежи и др. Немало у Жамбыла было и персональных посвящений и обращений, стихов о больших индустриальных городах, о Москве, Ленинграде и т.п. Все эти произведения не лишены художественности, и они не могут заслонить яркую фигуру Жамбыла, его образное мировосприятие и подлинно поэтическое самовыражение.

История народа и степные события вереницей проходят перед его глазами, когда он импровизирует о «Беге времени», о «Родине», о «Рождении жизни». В них он повествует о прошлом и настоящем, противопоставляет их, минувшее рисует как время лихое, бедственное, а настоящее как светлую и радостную жизнь, выдавая порою желаемое за действительное.

Судьба народа и личная судьба Жамбыла неотделимы, поэтому в своих толгау и стихах он создал свой образ, сходный с образом народа. Он так же, как народ, страдал в прошлом, находился под тройным гнетом, терпел лишения и бедствия, но не сломился:

Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутье последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды.

Так характеризовал он себя, говоря о прошлом.

Полностью противоположный свой образ создал акын, сравнивая минувшее и настоящее: «Сед я, столетний, но всеми любим; Сед я, столетний, но думами юн». Впрочем, образ «я» акына в поэзии советского времени и образ «я» акына в айтысе заметно различны. Если в поэзии 30-40-х годов «я» акына представлено в основном в социальном плане и как свидетель двух эпох, как мудрый старец, то в айтысе его «я» охарактеризовано чисто в художественном стиле, где образные сравнения и метафоры возвели личность акына в подлинно поэтический образ: «Я – скакун перед тобой, облезлым одром», «Я – речистый, как река», «Как горный кряж, я поднимаюсь над тобой. Я – та основа, что скрепляет дом большой», «Я – костер, горю в выси, Буря слов – врага коси», «Я же – сокол, полный сил», «Клад народа – это я, Речь народа – это я», «Я, как молния, ударю и хребет сломаю твой», «Я – ковер, что степью шит из живых цветов и песен» и т. д.

Вообще, следует подчеркнуть, что Жамбыл, будучи представителем устной поэзии, вышел за ее рамки, расширил ее изобразительные возможности, раздвинул ее границы. Как истый профессиональный поэт он сложил стихи о природе и временах года, о поэзии и искусстве, о поэтах, музыкантах и артистах. Даже в толгау, айтысах и дастанах он описывает природу, что весьма нетрадиционно для устной поэзии, а в отдельных стихах рисует живописную картину:

С неба выпал белый нежный снег..
Серебристый, свежий утолил
Жажду расцветающей земли.
Пей, земля любимая, легко,
Белый снег соси, как молоко.

Или:

Дождь серебристый прошел,
В тучах вымылся орел.
У подножия Ала-Тау,
Поклонясь медовым травам,

На заре тюльпан расцвел.
Тополя листвою шумят,
Буйно воды Чу кипят.
На зеркальные озера
С криком лебеди летят.

А вот и «Колыбельной песне»:

...Спят кузнечики в траве,
Рыбки спят в Амударье.
Тишине глубокой внемля,
Над рекою спит камыш,
Спят цветы, озера, земли.
Отчего же ты не дремлешь,
Черноглазый мой ма́лыш?

В поэзии Жамбыла военных лет основное место, естественно, заняла тема защиты родины и дружбы народов. Все в течение года он неустанно создавал произведения о воинах, о партизанах, о Москве, Ленинграде. Весь мир облетела его поэма «Ленинградцы, дети мои!». Многие из этих творений Жамбыла были настоящими шедеврами патриотической поэзии. Это было вполне закономерно, если учесть, что Жамбыл вобрал в себя всю многовековую устную поэзию, где доминантой была воинская и повстанческая. К тому же, его широкое импровизаторское мастерство позволяло оперативно осваивать песню на злободневную тему.

Однако годы брали свое, и Жамбыл, так же, как и его предшественники, начал говорить о старости. В устной литературе казахов была традиция, описывающая особенности разных возрастов человека, в том числе и старость. Почти все выдающиеся акыны слагали такие песни. И Жамбыл, начиная с 1941 года, время от времени пел об этом. Но у него она была иная, чем у предшественников, здесь физическое и душевное состояние человека передается через сравнения:

Достиг я, шагая, вершины горы,
А век бесконечен, как песня домбры.
Расходятся ноги, как струны дрожат,
Стоять не могу, мои ноги стары.

Я ветхой кибитке подобен. В груди,
В глазах и в ушах моих ветер гудит.
Нет сил моих прежних управиться с ним,
А старость не вылечишь. Что же впереди?

Война не обошла ни одной семьи. И Жамбыл потерял любимого сына Алгадая. Его гибель принесла акыну огромное горе, от которого он долго не мог оправиться. Он скорбел и сложил несколько песен о своем сыне, которые звучали и как традиционное «жоктау-причитание», и как реквием по всем погибшим и убиенным на войне:

Если я обойду Ала-Тау в тоске,
Алгадая найду ль?
Если травы обшарю в Сары-Арке,
Соколенка вспугну ль?

Горе не сломило Жамбыла. Он продолжал петь, правда, все реже и реже. Одна из последних песен была посвящена акынам, своим соратникам и продолжателям многовековой устной поэтической традиции. Это было своего рода песенным завещанием великого акына и напутствием тем, кто брал эстафету импровизаторского искусства. Произошло это выступление в декабре 1943 года на республиканском айтысе акынов. Это был год гибели его сына, и война была в разгаре. А Жамбыл верил в победу и ждал ее. Не терял надежды и тогда, когда в декабре 1944 года он спел свое «Последнее слово»:

Кто мой костер потушил?
Кто мои уши закрыл?
Слабый румянец горит,
В постели лежу без сил.
Я не владею собой,
Слаб я, пора на покой...

Жамбыл дожил до дня Победы, он воочию увидел радость и ликование народа. Словно удовлетворенный этим и исполнивший свой долг, 99-летний Джамбул ушел из жизни 22 июня 1945 года, накануне Парада Победы.

Сейт КАСКАБАСОВ,
академик НАН РК,
лауреат Государственной премии РК

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**
(1859-1917)

ЖАЛОБА

Вьется у муллы в руках
Ивовый зеленый прут...
Вся спина моя болит,
Как теленок я избит,
Мое тело раны жгут.
Эти частые побои
Мне покоя не дают.

- Твой язык, мальчишка, злой,
Получай за это прут!
Лучше б не учиться мне,
Путь не преграждайте мне...
В чем так провинился я?
Объяснение дайте мне.

Разве школа у муллы?
Сгорбив плечи, ходит злынь,
Из халата, как из торбы,
Ловит жертву глазом злым.
В белой он чалме, урод,
Верблюдицей он ревет,
Что же это за урок?

Слово к сердцу не идет.
Школа горькая, прощай!
Мне во сне явилась песня,
Сердце, песней закипай!
Мой отец! К мулле насильно
Ты идти не заставляй!

ОТЦУ

Это было время, когда я начал слагать первые песни. Послал меня отец к мулле учиться. Мы были на джайлау «Үш қия». Пришел к мулле, когда перешагнул через порог, я почувствовал, как будто вошел в тесную клетку. После урока сразу же нырнул в лес и исчез. Все же меня нашли. Отец хотел насильно послать к мулле. Помню, и тогда обратился к нему со следующими стихами:

К мулле не пойду на урок.
Чему он меня научит?
Придешь – он глядит на мешок,
Ждет, что подарок получит.
Потом, запрокинув чалму,
Гнусит – а чего? Неизвестно.
Не научит он ничему.
Я лучше в степи исчезну.
Так сжальтесь же вы, наконец,
К лицу ли насилье, отец?

После этой песни отец ничего не сказал мне.

САРЫБАЮ

Сареке, принес на суд я этот стих,
Взвесьте тайны наши, разберитесь в них.
В руки взяв домбру, желаньем я горю...
Сын ваш ждет оценки слов и дум своих.

У худого человека, Сареке,
Дума в небе, голова же на песке.
Ростом мал добряк, но в мыслях – исполин...
Дар почтенья разве будет им один?

Вот один сгибает всех казной своей,
Слово умное не терпит богатей.
Весь на свете черный мусор он собрал,
Ищет яму, где б свалить его скорей.

А другой вразвалку ходит, не поймет,
Что же делать? Всем заглядывает в рот...
Третий знает все дороги и пути,
Но сарканенному можно ли идти?

А четвертый думой мчится в небосклон
И луну, и солнце жадно ловит он...
Пятый сделал красноречие кнутом,
Сев на лебедя, кулана ловит он...

С кем из них мне быть у жизни на пиру?
Вы обидитесь, коль сам я избираю.
О Суйеке, подумав, скажете вы мне:
– Только песня в жизни самый верный друг!

АКЫНУ ЖАНЫСУ

Мой наставник Суюмбай
Пел и звал: «Не унывай!»
Дар его сердечных слов
Я несу из края в край.
«Суюмбай», – скажу лишь я,
Черным вихрем пролетает
Слов гремучая струя.
От стремительного вихря
Встречному не устоять.
Вдаль лечу, не задыхаясь,
Я, похожий на коня.
Будь ты трижды иноходец –
Не ускачешь от меня,
Не считаю и за муху
Я хвастливого шпыня!
Ты меня не удивил,
Спой-ка, если хватит сил,
Иль считаешь ты Джамбула
За Шыбыл, что битым был?

ТАБУНЩИК

Долгий меня утомляет путь,
В ночь на пути ресниц не сомкнуть,
Днем на морозе уюта не знать,
Днем скитаться и ночью опять.
Как пес, безпризорен пастух от тоски,
Он ищет коня, он проходит пески,
Простор Саркемира, Сартау пески.
Эх, конь не найдется – накажут меня,
Своя голова мне дороже коня.
От теплой постели на птичьем пуху
Придется отречься теперь пастуху.

ДЕВУШКА КЕМШАТ

Красой Кемшат душа моя хмельна!
В бобровой шапочке, кокетливо она
Лисицею алтайской изгибаясь,
Не подпускает близко скакуна.

Как сокол с высоты б ее схватил,
Была б лицом ко мне обращена!
К высокогрудой сердцем я взлетал,
В байге к копытам пыль не подпускал.

Стервятник падаль ел, а я, орлом
Взлетая ввысь, на выбор дичь хватал.
Для белой щуки в озере степном
Был с молоду упругим я крючком.

Непривлекателен я внешне, но душа
У вольного поэта хороша.
Лицо с душой не сходны иногда –
Должна она понять, моя Кемшат.

Весенний не увянет ли цветок?
Красе прелестниц не пройдет ли срок?
Не кажется ли тусклым целый мир,
Когда закат приходит на порог?

Примером свою речь я украшал,
Словами говорит моя душа,
Язык мой беспокоен, о Кемшат,
Что много думать, девушка? Решай!

Вечное создание красоты!
Взорами меня сжигаешь ты
И молчишь, а строгие черты
Укрывают страстные мечты.

Парчовым камзолом стеснена,
Смотришь, гордобровая, с коня.
Знать, и ты стыдишься с бедняком,
Отвернулась, вижу, от меня.

Я слышал о суженом твоём –
Зло и скупость совместились в нём,
Прозвище его Кас-Карымбай,
То-то будет сладко вам вдвоем!

Встретимся позднее – и поймешь,
Много ль с ним веселья ты найдешь!
Вспомнишь ты правдивые слова –
Будет поздно, счастья не вернешь!

ПОГОНЯ

У меня отняли двух коней,
Я в печали от беды своей.

Их с летовки – с майтюбинских гор
Почью свел в лощине скрытый вор.

Я – за ними. Я скачу туда,
По пути чуть видного следа.

То ли это Байеке? Не так
Прежде охранял Кыдыр косяк.

Я смотрю косяк его. Добро!
Здесь ли майтюбинское тавро?

Если я любимцев не найду,
Не отвратить мне свою беду.

ШАБДЕНУ

О великий хан Шабден!
Конь мой взмыленный устал,
Мой халат свободен стал,
Я в дороге отошал,
А угла в почетном месте
Мне никто не доставлял.
В белую твою орду
Я с приветствием войду.
Отдохнув, себя в порядок
Я с дороги приведу.
Здесь с тобой в хороших песнях
Свою душу отведу.
Солнце отойдет ко сну,
Встречу песнею луну!
Обольюсь ручьями пота,
Уподобясь скакуну.
Ала-Тау гордо вырос,
С края света он заметен.
К вам пришел я, о батыры,
Руку дайте, друга встретив!
Мой аул в степных просторах,
Конь мой тощ, халат дырявый...
К вам, могучие, как горы,
Голод гнал меня костлявый.
Джут в степях моих гулял,
Скот приплода не давал.
Жалобу свою и просьбу
В этой песне я сказал.

ДОЛЯ БЕДНЯКА

Кара-Тас, Узун-Агач
Калкабая слышат плачь:
Просит хлеба на пикетах
У почтовых передач.

От куска не будешь сыт.
Отбирает голод стыд,
Босоногий и без шапки
На снегу голодный спит.

Как не сжалиться над ним?
Время черное, тугое! ,
Труд и пот, пролитый им,
Ничего в степях не стоят!

Не идет и пища впрок,
Слабнут кости рук и ног,
И в глазах от доли страшной
Застывает огонек.

Безвозмездно что дается?
Даже близкий и родной
Скажут: «Он еще добьется,
Он не старый – молодой!»

СЫРТТАНУ

Сырттан мой, ты орел Кыдыралы,
Широк размах твоих свистящих крыльев.
Ты обгорал на солнце, жил средь мглы,
Ты многих мест дышал травой и пылью...

Не о тебе ли, смелый человек,
Побивши Эренталя при народе,
Воскликнул острословый Есимбек:
«Героя сын на что-нибудь да годен!»

Мамана род расчетами живет,
Привык он ложью черною кормиться.
Но ты, Сырттан, в орлиный взмыв полет,
Сумел от всех наветов оградиться!

Сынов ты хочешь грамоте учить,
В том городе, который сам не знаешь.
Таких, как ты, должны мы все ценить,
Ты на детей надежды возлагаешь!

Взрастишь сынов, их юность не губя, –
Они поддержат, будешь жить богато.
Я, сирота, надеюсь на тебя,
Как на старшего опытного брата!

МАМБЕТУ

О почтенный мой Мамбет!
Шесть ночей и дней
Славил твой аул поэт
Песнею своей.

Покорил тебя певец,
Песнями звеня.
Подобрел ты наконец –
Подарил коня.

Шесть ты месяцев скучал
И ко мне в аул ,
Ты впервые прискакал:
«Спой еще, Джамбул».

Но, увидев ветхий дом,
Испустил ты вздох.
Для тебя в дому худом
И хозяин плох...

Дом мой плох и нищ мой стол,
Нет на нем щедрот...
Почему ж сюда пришел
Мой степной народ?

Потому что я богат
Более тебя:
Мудрых слов и песен клад
Для народа я.

ПРИ ИЗБРАНИИ САТА

Ты расчесан, как ястребок,
И на вид ты наряжен, пригож,
Но опорой ты стать мне не мог,
Ветер весть мне несет: «Нехорош!»
У верблюдов зачали горбы,
И приплод не идет от кобыл.
Загружая поклажей народ,
Гололедицей зимней ты был,
От поборов устали твоих.
Опереться на что? – Всюду гнет.
Пусть не все я сказал. Ты притих.
Все поймет и рассудит народ!

ТЛЕМИСУ

Тлемис, Тлемис! Слова твои,
Как жало острое змеи.
Язык, притронувшись слегка,
Жжет крепким жаром уголька.
С тобой начать неравный спор –
Избитым быть наверняка.
И уstraшенные тобой,
Вступить не смея в устный бой,
И Ногайбай, и Кебекбай
Идут, наполнив рот водой.

3

АБЫШКА

Раз в ауле Мамбет-али
Меня приняли за старика,
Абышка меня нарекли,
Оскорбили меня свысока.

Видно, девушки глаз привык
Замечать рыжеватый клочок.
Я же вижу, что твой старик
Был от дома не так далек.

Ты не слышала голос мой?
Не охрипнет он до утра.
Нам с тобой на веселый той
Выйти вместе пришла пора.

Сомневаться ты не должна –
Справедливость возьмет свое.
Так легка ты и так стройна,
Что сама обнаружишь все.

ПРО МАНКЕ

Волостные Жанойлыка всюду ходят
И курносый носом, как по ветру, водят.
Ой, проныры все они. Глаза зажмурив,
Мзду везде себе находят.

Говорят они и хитро, и протяжно,
Раздирая горло свое болью.
Где пожива видится неважной,
Там несут мешок, набитый солью.

И кряхтя под тяжестью убого,
Недовольных сладко ублажают
А потом с поддержкою от бога
До краев карманы наполняют.

ЗАВЕЩАНИЕ

Эх-ма, эх, бранный мир – непокой,
Люди в нем – караван кочевой...
Мир веселый оставят. Пройдут
Через свой перевал вековой.
Входишь с голосом звонким ты в свет,
А при выходе голоса нет.
Кылышбай оставлял для сынов
Образец поучительных слов:
«Чистым сердцем, приятель, дыши!
В добром деле ты счастье найдешь,
Славных подвигов не совершив,
Что из жизни с собой унесешь?
Все сокровища мира собрав,
Не найдешь ты в богатстве добра.
Светлой памятью, вечной, святой,
Будет жить и сиять над тобой
Лишь добро, что ты миру несешь!
Остальное в могилу с собой
В белом саване ты не возьмешь».

ШАЛТАБАЮ

Взором мрачным смотришь в дали,
Думая, что ты один.
Волостных мы повидали
И немало, господин!
Черным потом обливался
Ты на выборах своих.
И богатством ты швырялся,
Был приветлив, щедр и тих.
Был ты всем, как друг и брат,
Все кричал ты: «Жамагат!»
А когда добился власти,
Никому ты стал не рад.
Не приветлив ты, не мил,
У тебя не раз я был.
Как не гневаться Джамбулу,
Коль с обидой уходил?
Голова твоя вскружилась!
Как баксы, что не найдет
У больного жизни жилу,
Изумляешь ты народ!

К КАЛИ

Эй, мой Кали, сын Ордабая.
Юрта белая большая
Над тобой кошмой блестит,
Рядом – черная стоит.
Слава громкая твоя
Не укрылась от меня.
И в подарок не прошу я
Ни верблюда, ни коня.
Сары-байбише ты сын,
Знаю я, что ты один
Из потомков Байдабека,
Сын Сартауских долин,
Ты кочуешь по степям.
Издавна живешь ты там.
Русские и волостные
Покровительствуют вам.
Странник мира это – я,
Низким ли сочтешь меня?
Если так, то сам ты низок,
Не боюсь, Кали, тебя!
Не обижен я никем,
А тебя, что насмех всем
Вышел в гордости кичливой,
Песней я в народе съем.

КОКИМУ

Садись поближе, мой Коким,
Давай с тобой поговорим.
Народом править кочевым
Решился ты путем каким?

Ты не криви свой хищный рот –
Ты продал совесть и народ.
Нажраться захотел, Коким,
За счет несчастных и сирот?

Ты захотел, чтоб не скучать,
Рыданье бедных услышать? '
Коким, тебя теперь прошу
Ответ, не медля, ясный дать!

СОБАКА БАЯ КАДЫРБАЯ

Конь мой усталый разбил свои ноги,
Конь мой ослеп и оглох на дороге,
Конь мой голодный не может идти,
Конь мой вздохнул и упал на пути...
Где же коня мне другого найти?

Ноги коню я кошмой обвязал,
Дари-траву к ушам привязал,
Мух малахаем от ран отогнал
И раздавил на спине у коня
Жирного, как чиновник, слепня.

Старый колодец в жарких песках
Я по верблюжьим следам отыскал,
Друга холодной водой напоил.
Гриву погладил и раны промыл.
Конь встрепенулся, конь задрожал.

Конь мой любимый тихо заржал.
Я на потник заезженный сел,
В степь посмотрел и песню запел:
– Ты, мой любимый, терпи до поры,
Нет нам помощника кроме домбры!

Солнце в далеких горах потонуло,
Вышла луна – вдохновенье Джамбула.
Вижу – с вязанкою саксаула
Едет джигит на буланом коне,
– Шырагым о-эй, узнаешь ли Джамбула?
Громче запел я. Он едет ко мне,
Кто ты, откуда, какого аула?
Хранит ли Аллах у тебя табуны?
Хватило ль калыма тебе для жены?
Сыты ли дети в юрте твоей?
Много ли у тебя сыновей?
Пышна ли дочери старшей коса?
Много ли в юрте твоей кумыса?

Плюнул джигит и оставил коня:
– Нет ни жены, ни детей у меня,
Ты ли в воде раздобудешь огня?

Ты ли не знаешь нашего бая?
Мяса поешь ли у Кадырбая?
Ты ли, изведавший столько дорог,
Ступишь на Кадырбаев порог?
Зол Кадырбай и невесел с утра –
Сдохла у бая собака вчера.
Был он смертелен – укус каракурта,
Пес, завывая, метался у юрты.
Бай Кадырбай над подохшей собакой
Выл, как шакал, и ругался, и плакал,
И приказал, чтоб со всех концов
В аул хабарчи привели певцов.

Бай обещает полсотни баранов,
Двух иноходцев и море айрана,
Новый халат в серебре и парче
И чаю душистого сто кирпичей,
И третью жену он свою отдает
Тому, кто его доброту воспоет,
И верность собаки его воспоет,
И жыр о богатстве несметном составит,
И кюями байскую силу прославит.

Пели жырши, день и ночь голосили,
Пели жырши, Кадырбая хвалили:
Ю-э-эх, заглянула б луна в табуны,
Зависть затмила б сиянье луны,
Меньше у неба звезд золотых,
Чем у тебя овец молодых.
Бай Кадырбай, ты и молод, и статен,
Род твой богатый и славен, и знатен,
Сам губернатор тебя уважает,

Сам губернатор к тебе приезжает,
А губернатор приедет не зря:
В милости ты, Кадырбай, у царя.
И атаманы казачьих станиц
Охотятся вместе с тобой на лисиц,
В юрте богатой испив кумыса,
Пальцами круто ведут по усам...

Пели жырши, Кадырбая хвалили,
Слезы они над собакою лили,
Вой разносили жырши по аулам.
Вспотели. Очередь за Джамбулом.
Бай приподнялся над белой кошмой,
Блещет нагайка с тесьмой золотой,
Бросил мне бай жирный мосол
И к сундукам своим отошел.
Лисьи свои прищурил глаза,
Выпил кисе кумыса и сказал:
«Слышал я, ты вольные песни поешь,
Слышал я, что ты не в ауле живешь,
А бродишь степями, как Коркыт бродил.
Слышал я, что зло ты в душе затаил.
Слышал я, что ты, называясь горою,
В долинах народ возмущаешь домброю.
Иди же поближе да, скинув пайпаки,
Спой ты мне песню о верной собаке!»

Кюй по аулам кречетом взвился,
Песней своей я к жырши обратился:
«Льстивы, блудливы ваши слова,
Гнулись они, как сухая трава,
Правда великая в них не жила,
Сила народная в них не цвела,
Горечь за вас мое сердце хлестнула,
Слушайте верную песню Джамбула:

Кто вольностью дышит – богатым не будет,
Кто лижет подметки – сапог не добудет,
Кто стонет да плачет над байским порогом,
Слез у того наберется немного.
Кто беден умом, тот овечкою блеет,
Кто песен не знает, тот жить не умеет,
Кто шею не гнул перед баем богатым,
Тот до могилы не будет горбатым.
Кто песню свою продает за барана,
Тот мухи ничтожней, трусливей кояна,
Блудливей хорька и трусливей тушкана.
Послушал, жырши, я ваши слова,
Они перед баем легли, как трава,
Злоба горячая в сердце хлестнула,
Бай Кадырбай, ты послушай Джамбула!
Собака твоя неплохая была,
Она табуны для степей берегла,
Которые ты, как голодный шакал,
В наших аулах безрадостных крал.
Собака твоя по зеленым увалам
Стаи голодных волков прогоняла,
С волком вступая в неравную схватку.
Зная собачью горячую хватку,
Волки боялись ее, как огня.
Она берегла и овцу, и коня,
Хвост свой пушистый не поджимала,
Волчьей кровью ковыль поливала.
В сопки волчицы неслись впопыхах,
Оберегая свои потроха.
Собака неплохо степям послужила,
Радостью нашей она дорожила,
Она и под солнцем, и при луне
О нашем заботилась табуне.
А ты, ненавистный, с ханскою сворой
Проходишь степями злодеем и вором,
Не дай тебе бог ничего кроме блох,
Жить бы собаке, а ты бы подох!

НА ВЫСТАВКЕ

Пути вздымая в пыльный прах,
Во весь опор, во весь размах
На выставку в Алма-Ату
Спешат на легких скакунах.

Уйсунوف главы и Найман.
Слепит их в городе туман.
Они свою забыли степь,
Они в поклонах гнут свой стан.

Они склонились камышом
Под набежавшим ветерком.
Мы угадали их судьбу,
Взглянув на их позор тайком.

Вы оскорбили честь мою.
Горюю я и так пою:
«Чем эту выставку смотреть –
Уж лучше быть в родном краю.

В поклонах не согнусь, как вы,
Не пужно вашей мне жратвы.
Моя надежда – песнь моя,
С ней не склоню я головы!»

ЧЕРНЫЙ УКАЗ

Пастбища нашей родной стороны –
Карабастау и Кулан-Саз!
В светлые годы моей весны
Здесь я бывал не раз.
Скорби сегодня не утаю,
Будет печален сказ.
Слушайте:

падают в песню мою
Слезы из многих глаз.
Болью налившись, плачь, струна,
В этот тоскливый час:
Ты услышала, моя страна,
Черный царский указ!

Вам ли, сыны, надевать ярем?
Голову молча гнуть?
Перед разлукой язык ваш нем,
Скорбь разрывает грудь.
Нынче с джайляу уйдут старики,
Вы же – в далекий путь...
Силою всей материнской тоски
Сына домой не вернуть...

«Эй, от кибиток, – кричит
Волостной, –
По одному от пяти!»
Сам есаул к нам в полуденный зной
Мчит по степному пути...
Будьте вы прокляты, эти дни!
Что там еще впереди?
Сердце трепещет, в висках звенит,
Воздуха нет в груди.
Будьте вы прокляты, бий да бай,
За то, что в людских сердцах,
Ясных, как мир, как родимый край,

Вы поселили страх.
Слышу: по согнутым спинам бьет
Родственник и сосед;
Слышу: сегодня рыдает народ,
А в вас сожаленья нет!

Что ж остается? Куда идти?
Сдаться ли злой судьбе
Или на скорбном своем пути
Счастье искать в борьбе?..

Мух на спине своей терпит скот,
Тот, кто подобен ему,
Пусть пропадает, пускай умрет.
Смерть собачья тому!

ПЕСНЯ ГНЕВНОГО СЕРДЦА

В Верном пером подписал генерал,
Черный, короткий приказ подписал.
«Наших сынов из аулов угонят», –
Вот что народ узнал.

Болью жестокой слова горят:
«Им никогда не вернуться назад!»
Сердце свое разрывая скорбью,
Старые матери голосят.

Нет лекарства от ран таких,
Солью слез растрavляешь их.
Нынче вошло к нам в кибитки горе
Для стариков и для молодых.

Пристав явился, твердит об одном:
«Сам не пойдешь ты – потащат силком!»
Но отвечали на это жигиты:
«Лучше у дома родного умрем!»

Парни-жигиты горды и тверды.
И, обругав их на все лады,
Пристав ушел, не добившись толку
И пригрозив им: «Дождетесь беды!»

У Каргалы, торопливой реки,
Парни собрались и старики.
«Силой – и то не заставят идти нас», –
Так говорят вожаки...

Царь не прощает бунтовщика!..
Помня в лицо их по именам,
Пристав в аул приезжает снова
Вместе с солдатами к нам.

Люди и скот не ели с утра.
Была ураза. И томила жара.

Бледные люди, гневные люди
Не ожидали добра.

Кончилась в этот день ураза.
В ауле безумная буря-гроза
Мимо промчалась, друзей вырывая
И ослепляя глаза...

Их увезли... Мой родной народ,
Ненависть в сердце твоём растёт!
Воздух горит, и пылает солнце...
Гнев твоё сердце жжёт!

Вот они все за тюремной стеной,
Не совладать с гнетущей тоской.
Братья-друзья у ворот закрытых
Топчутся день-деньской.

Сколько часов им прождать пришлось!..
Вот заключённых ведут на допрос.
Сам губернатор явился: «Знамя
Кто на джайляу пронес?».

«Ну, отвечайте!» Но все молчат.
«Может быть, ты это, Бекбулат?
Если виновен, то будешь повешен».
Слушают все – молчат...

Многим пришлось тогда умереть...
Долго над ними свистала плеть,
И пред скорбными их глазами
Стояла на страже смерть.

Вот и минута её пришла –
У двери большая арба ждала.
«Эй вы, несчастные, замолчите!
Нужен ли вам мулла?..»

В день тот в Самсу налетел Ботпай,
Звавший к восстанью родимый край,

Но опоздал он, и – казнь свершилась.
Бей же убийц, карай!..

Пристав с солдатами прибыл потом,
Встретил повстанцев ружейным огнем.
Сбившись в мечети ходжи Жаныбека,
Наши отбились с трудом.

Целую ночь не смыкали век,
Время тянулось, как долгий век.
Утром узнали: с друзьями своими
Ночью бежал Жаныбек...

Но поднимался народ простой,
Словно в озерах вода весной.
И прокатилась волна восстанья
По стороне родной.

Многих убили мы царских слуг,
Знает об этом и враг, и друг.
Только падет ли вооруженный
От безоружных рук?!..

Был за повстанцев и млад и стар,
Долго еще полыхал пожар.
Светлое пламя пошло на убыль
В час, как погиб Саттар...

Перед палачами велик был страх,
Прятались люди в скалистых горах,
Там по ущельям, по горным тропинкам
Бродили киргиз и казах.

Снова и пристав, и волостной
Гордо вернулись в мой край родной...
А кости борцов, не узнавших свободы,
Белеют в траве степной.

АЙТЫС С АЙКУМЫС

Джамбул

Коня я упарил, был путь мой далек,
Моя Айкумыс, моих дум огонек,
Весь пыл молодой для тебя я сберег,
Поспешность мою не считай за порок.

Айкумыс

Спеша, поздороваться даже забыл,
Никто тебя вежливости не учил!
Когда б твой ум с расторопностью жил,
Сокровище неба рукой ты б схватил.

Джамбул

Я мог ли к тебе, Айкумыс, не спешить?
Я молод, о скалы я бьюсь, чтоб любить,
Я ночью и днем лишь тобою живу,
Тебе ль для худого добычею быть?

Айкумыс

Никто о своей не узнает судьбе...
Гулять по аулам привычно тебе,
А я для кочевий чужих рождена,
Себя не тревожь, хлопоча обо мне!

Джамбул

Пойдешь за плохого ты в нерадостный час,
Ты птице чудесной подобна сейчас.
Тогда ж до могилы пробудешь в беде,
И синие мухи забьются у глаз.

Айкумыс

Ты самоуверенным, милый, не будь,
Как будто всех девушек спас ты, Джамбул.
Зачем же расстался с родным ястребком,
Умеющий зорко предвидеть судьбу?

Джамбул

Несчастный джигит и любимая с ним,
Коль смех и веселье неведомы им.
Душа ненасытная страстью горит,
И жду я, желанной надеждой томим.

Айкумыс

Надеждой джигит, как победой, живет,
Но дума покоя душе не дает.
Всезнайкой не будь и короче, мой свет,
Скажи поскорее желанье твое!

Джамбул

Хочу я не пуговицу надавить,
Хочу я не песней тебя удивить.
От слов не бежишь ты, а дело стоит,
Сама б поняла, не прося говорить.

Айкумыс

Джамбул, на слова ты скупой. Не дрожи,
Проси же яснее, язык развяжи...
Ну чем я пленила сегодня тебя,
Желанье свое, не таясь, ты скажи.

Джамбул

Аул мой летует на Кок-Сенгире,
Иссякло терпенье там ждать на заре.
Поймешь, коль позволишь мне тронуть сейчас
Твой холм на груди, что укрыт в серебре.

Айкумыс

Не дам прикоснуться, Джамбул, – не вини;
Я с праздника честь довезу до родни.
Есть сказ: добрым словом будь сыта, душа,
А нрав твой хороший пусть память хранит.

Джамбул

Моя Айкумыс, что же делать, прости!
Разъедемся, тайну не выдав в пути,
Лицо твое в памяти я сохраню,
Пока огонек не погаснет в груди.

ВСТРЕЧА С АКЫНОМ БАКТЫБАЕМ

Бактыбай

Каратал-аул лежит
На побережье Шангарка!
Я из дома выходил,
Ты со мною в мыслях был.

Я себя с тобой сравнил:
Огонек во мне остыл,
Знаю, старость, подойдет,
Посмотри в глаза судьбы!

Гневен бог на чабана,
Бьет же палкой шопана...
Мою голову, как плесень,
Покрывает седина.

И отваги прежней нет,
Издали не вижу след.
Из акынов у Найман
(Их одиннадцать певало)
Был приметнейшим Арстан,
С ним я схваток вел немало.

Днем и ночью пел наш стан.
Разве мне отстать от ровни?
Мчался в песне, как кулан...
А теперь – в глазах туман,
Мои ноги, как таган.
Про тебя молву я слышал,
Где зимует Кожакан.
Нам, Джамбул, для доброй встречи
Этот час счастливый дан!

Джамбул

Мой поклон тебе земной!
Старше ты меня годами,

В песне я пойду рысцой.
Сила есть в груди моей,
Вдохновясь, спою звучней.
Мы, друг друга уважая,
Покорим сердца людей.

На Майеке идя в атаку,
Славу ты себе добыл,
Род Абака, род Тарака
Ты, любезный, посетил.

Всю-то знаешь ты родню,
Близок кто и кто далек,
Пред тобою я пою
Песней пламенной высок.
Коль по нраву будет песня –
Внемли ей, благословя;
Не по нраву будет песня –
Отступись ты от меня.

Обо мне послушай ты:
Я живу в Кара-Кастеке,
Среди рода Шапрашты.
Май-тюбе – гора крутая,
Как вершина у мечты
Запевал свою я песню
Там с орлиной высоты,
И в долинах Ала-Тау
Эту песню слушал ты.

На раскат похожа песня
В ней моя живет душа.
И казах ее услышал,
И киргиз сберег в ушах.
Плыл, как гусь, прилежно я,
Песней правил нежно я,
Где Майкот и Кулмамбет –

Рядом – неизбежно я.
Кулуншак, Майлы-Кожа –
Каждый рядышком сажал.
Я их славе поклонялся,
Их примером дорожа.
Правда – слова колыбель,
Вот на этом и закончу,
Ибо в этом песни цель.

ДОЧЕРИ БОЛЕКА

Девушка

С клячей серой на ходу,
А с гнедою в поводу
Ты ко мне не подъезжай
И верблюдов не пугай.

Джамбул

У саврасой бег хорош,
Да и ты мне любя тож!
Разреши подъехать ближе,
От любви бросает в дрожь.

Девушка

Когда ж ты сватом стал для рода Балгалы?
Ты крутишься подобием юлы...
Нет, Балгалы благословения не даст,
Хотя б почтенно и со скотом явился ты.

Джамбул

Издревле в дружбе были роды мой и твой
И находили в дружбе радость и покой.
Дурным красавицам – ничто народный дух,
Гордятся легкомысленно собой!

В дороге дальней отоцал, кочуя, я,
Одеждой тоже беден стал, кочуя, я,
К теплу красы твоей приблизиться хотел,
Ты оскорбила, горделивая, меня.

Девушка

Я знаю, путник утомленный ждет покоя
С надеждою в семье ему чужой.
Ты к каравану, надоедливый, пристал,
Отстань-ка без обиды, светик мой.

Джамбул

Нет спора – путника дорога утомит,
Но утомленья он красотке не простит.
С саврасой если не поеду рядом я,
Мне той обиды дочь Болека не простит.

Девушка

Саврасая мой кош ведет и днем,
Сжав уши, схватки ждет она с твоим конем,
Коль не желаешь вдруг посмешищем ты стать,
Оставь мой кош и не показывайся в нем!

Джамбул

Как ни упрямся, не уйду я от тебя,
Все больше, больше возгораюсь страстью я.
И пусть твой конь укусит больно моего,
За божий знак укус коня приемлю я!

ИЗ АЙТЫСА С АКЫНОМ САРЫ

Сары

Ну, добрые мои друзья,
Теперь послушайте меня.
Вам скажет истину Сары:
Удача с нами – до поры.
Вот к Сарыбаю все спешат,
Его дела идут на лад.
Пока дела идут на лад,
Вам поклониться каждый рад.
Но лишь споткнетесь на пути –
И все скорей спешат уйти,
И разве можно где найти
Нам лекарей от зол и бед?
Ты, Сарыбай, давай ответ!
(После паузы)
Твои слова я слушать рад.
Ты, Сарыбай, умом богат.
А если мысль морщинит лоб,
То почему уста молчат?

Джамбул

По нраву будет или нет,
Но я хочу держать ответ.
Смутившись, Сареке молчит,
Тобой же Суйеке забыт!
Молчишь ты сам пред Суйеке,
Нет острых слов на языке,
И о тебе не говорят:
«Его дела идут на лад».
Найдешь ли лекаря себе?
Сумеешь победить в борьбе.
А не найдешь, то навсегда
Спина согнется от стыда.
Сумей же сам от зол в пути,

От неудач и бед уйти.
Здесь Суйеке сегодня нет,
Не то б тебе он дал ответ...
Но речь окончена моя...
Спасибо, добрые друзья!

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С КУЛМАМБЕТОМ

Кулмамбет

Я – Кулмамбет, по кличке Кулан-айан,
Знает творец, что это мне не в изьян.
Роду Албан я, роду Дулат я петь
Буду сейчас, вниманьем их осиян.

Я, Кулмамбет, Кулан-айаном слыву,
Слушайте в сердце вписанную молву.
Вас я, люди родов Албан и Дулат,
Всех собравшихся слушать меня зову.

Род мой – Кулан-айан, я – Кулмамбет
Песней увлечь вас ныне даю обет.
Пусть, если может, жалкий соперник мой
Даст мне достойный, даст мне смелый ответ.

Вызов мне слали певцы со всех сторон.
Быть мне рабами – общий для них закон.
Есть еще – как его? Этот, ну, Джамбул,
Он, мол, акын...– Зачем же таится он?

Ждет он, как бы врасплох застать меня,
Чуть зазеваюсь, начнет он таскать меня.
Мнит Сейтбатталом себя, самим Али...
Нет, не сумеет он запугать меня!

Вон курдюком не он ли, баран, тряхнул?
Нравится, что ль, вам скудный его нагул?
Пусть же выходит, коль вправду акын,
Этот – как его звать там? Ну, Джамбул!

Кликнул бы ты Джамбула, эй, куманек!
Мне на расправу живо б его привлек!
Я – иноходец в роде Албан-Дулат,
Сыщется ль равный мне по прыти конек?

Я ль не скакун на все четыре ноги?
С честью я выходил из всякой байги.
Если и он других обгонять горазд,
Кликни его и нам сойтись помоги.

Вызвал тогда Джамбула Худайберген,
Сдвинулись люди всех родов и колен,
И Кулмамбет среди них сказал, смеясь:
«Вот кто желает быть старшим – мне взамен!

Эй, – он сказал Джамбулу, – разинь-ка рот!
Многих акынов прошиб холодный пот;
Многим, тягаясь со мной, пришлось кряхтеть
Многих, ловчей чем ты, я брал в оборот».

Джамбул

Старшим – первое место в пору игры.
Жертву волчица ждет на склоне горы,
Стоит иных седин черный волос мой,
Я, чтобы честь снискать, прибыл к реке Или.

Кулмамбет

Рвешься ты в бой, приветом нас не почтив,
Вижу, что ты невежествен и спесив.
Долго ль в колодец упасть кувырком?
Что же, лети, уж если ты столь хвастлив.

Тут вот голь беспросветная сидит,
Зелень неразумная сидит;
Дерзко со мной соперничать норовя,
Руки свои почесывая, сидит.

Видишь, обсели меня, как мошкара.
Взять Кулмамбета вздумали на ура.
Девять их тут; пусть ты за троих сойдешь –
Будет битва и с одиннадцатью скоро.

Вздумал, ища траву, ты снег разгрести;
Грозным выглядеть хочешь в чужой шерсти.
Выдрин тулуп надев, не стал ты сильнее:
Собственный мех для счастья отрасти.

О всемогущий творец. Видишь ли ты?
День Кулмамбета настал – в страхе шуты.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Там ковыляет жалкий Шапрашты!

Жалок тот род: в слезах молодуха там,
Баи там скот пасут, голодуха там.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Шапрашты не собратся с духом там.

Род Албан-Дулат всем родам старшина,
Будет речь моя всюду разглашена.
Если поднял шум род Албан-Дулат,
Песнь Шапрашты шумом заглушена.

Думай сейчас – потом меня не кори,
Если не дрогнул – вызов свой повтори.
Нет для меня помехи, бурю я
Несся не раз через мертвые пустыри.

Белый я лунь, а ты – петух на суку,
«Кукареку» кричишь да «кукареку».
Ровно из ваших шел один Суюмбай,
Каждому прочему надо б дать клюку.

Эй, Джамбул, со мной ты не вкусишь удач,
Ждал ты веселья, но здесь ждет тебя плач.
Если б только Нуркан свой пригнал табун,
В землю б он втоптал шапраштинских кляч.

Вижу я сразу, что ты за соловей:
Станешь петь – ничьих не всколыхнешь бровей.

Голову ль мне твою с хилых плеч сорвать
Иль втоптать в такыр глубже степных корней?

Ниче славу Джамбул мнил своей женой,
Завтра увидит он – есть жених иной.
Наши встретив стада, свой утратит след,
Скажет: «Стала степь с пятку величиной...»

Истинных богачей видел ли ты, прыщ?
Ваш богач Шолакпай в наших глазах нищ.
Вот аул Майлыбай – у себя ты хоть раз
Мог ли видеть такой плотный строй жилищ?

Вот Бектембай, Тарпан и бек Токсеит.
Кто из ваших так, как они, знаменит?
Вот Ниязбек, Сарсенбаев знатный сын,
Днег сто тысяч в сундуке хранит.

Вот с чьим акыном тягаться ты дерзнул!
Масло не для тебя взбили мы, Джамбул!
Выпрямлюсь я, как прежде, тебя побив,
Ты ж назад поплетешься, хром и сутул.

Сын Утегенов был у вас Нуракан,
Дом их с ханом Шойбеком – черный курган.
Где Кобыкпай с Карабаем? След простыл.
Сатыбалды и Канаю стяг их дан.

Наш Усембай из рода Тлеукабыл,
Он соловьем народных сборищ прослыл,
Вам он давал коней для сбора плодов;
Разве, Джамбул, о нем ты теперь забыл?

Славен на весь Жайылмыс мулла Сатим:
Он, благоденствуя, нами всеми чтим.
Горд Сегизбек любим из тысяч коней
Каждым из них, словно гранат, налитым.

Дал Ормакаю Кыдыр сокровищ тьму,
В Мекке был Исмаил и надел чалму,
Их восприемником стал храбрый Манке:
Должное в песне как не воздать ему?

Есть Алпыспай еще и Малик у нас,
Беден, чтобы их описать, язык у нас.
Братья Татыны, Идрыс, муж Шоманак –
Каждый из них богат и знатен у нас.

Есть Аманжол в Каскарау и Ногайбай,
Скот без счета у них, им на земле рай,
Рано ложиться, поздно вставать им не грех,
Масло вкушают они, смакуют чай.

Вва, Малдыбай, от Кыдыра взявший сан!
Вва, Ажибай, что на помощь мною зван!
Мне замухрышка несчастный вызов шлет.
Разве прольется на землю мой айран?

В роде твоём, Джамбул, будто малых нет;
Якобы резвы все, мол, отсталых нет.
Но угрожавших киргизам предков их
Нет на равнинах, на перевалах нет.

В гости придя, не молчи, бровей не хмурь.
Дерзок со старшим ты. Стыдно, Джамбул, юн!
Черноволос ты, с виду ты неказист.
Нет, не таков я: взглядишь, глаза прищурь!

Дерзок со старшим ты. Стыдно, Джамбул, юн!
Разве на твой кобыз бог не надел струн?
Что же молчишь ты, будто живот болит?
Будто во рту у тебя вырос типун?

Как бы там ни было, есть один исход:
Будет родом моим твой унижен род.

Все мы богаты, вы же все – бедняки.
Век вам питаться милостыней господ.

Ждет мой род, чтоб я влать тебя отодрал.
Мне возражать не станет и генерал!
Ну, соберись же с духом и рот открой.
Если певцом назвавшись, ты не соврал!

Джамбул

Чванство, скажу я тебе, немалый грех,
Пет у тебя, как видно, других утех.
Был я спокоен, зачем беснуешься ты,
Трепleshь меня, кусаешь и рвешь при всех?

Я, коль заденут, грохну, как самопал,
Песни мои – ливень, пенный речной вал,
Речь моя льется из глубины души,
Кто мне перечит – наверняка пропал.

Вскачь помчится конь, возглас слыша «чу»!
Помощь от предков моих я получу.
Вихрем будет мне предок мой Карасай,
Смерчем клубясь, я недруга заверчу.

Пред Кулмамбетом мне вправду ль грош цена?
Мне ли отстать, как кляче, от скакуна?
В честь Карасая сбоку пойду в обгон,
Будет едва ли честь твоя спасена.

Птицы птиц не бьют, в небо не воспарив.
Ты, Кулмамбет, опрометчив, хотя сварлив.
Напустословил нынче ты сгоряча,
Шумной твоей похвальбы бесцелен разлив.

Я ведь тебе в отваге не уступлю,
Раньше тебя богатства я накоплю,
Я не теряю рассудка в час борьбы,
Я не подобен злобному кобелю.

Могут добром и дураки обладать.
Лживы, как лисы, счастье и благодать.
Хочешь ты, видно, про богачей бубня,
Им надоест, а нам посмешищем стать.

Сгинь, Кулмамбет, трескучий, сгинь,
Вместе с водой текучей сгинь!
Впрочем, не с ней: ведь воду пьют...
Лучше с попутной тучей сгинь!

Впрочем тучи влагу дают...
С солнцем, чьи ласки жгучи, сгинь!
Впрочем, к утру и солнца ждут...
Лучше с пылью сыпучей сгинь!

Нет, пылинки к нам пристают...
Лучше со мглой ползучей сгинь!
Нет, ее объятия степь обовьют...
Лучше с высокой кручей сгинь!
Впрочем, и там для нас приют...
Хоть в аду, приставучий, сгинь!
Как мне быть с тобой, Кулмамбет,
С лысой твоей башкой, Кулмамбет?
Что мне твой скот и твой приплод?
Я тебе, лысому, доложу:
Если за мной стоит народ,
Я всех баев превосхожу.
Зачинаются наши стада,
Где озера Алма-Ата.
До Кастека степь занята.
Нет рубежного знака нам:
Все до Каракыстака нам
Табунами занять пришлось.
Чтоб во лжи уличить меня,
Своего бы тебе коня
Десять дней подгонять пришлось.
Чтобы найти наш крайний табун,
Чтоб увидеть, что я не лгун.

Кулмамбет

Ишь, задрать норовит меня, озорник!
Хватит ли сил у него, сломить тростник?
Он бы подался назад, молокосос,
Если бы знатность и мощь наши постиг.

Лезет спорить со мной, словно сам богат!
Знаешь ли, сколько на той нужно затрат?
Кожа да кости – все, что ты накопил.
Чем ты похож на людей рода Дулат?

Овцам счет потеряло племя Баба.
Что ты пред ним? Подпруга твоя слаба.
Чем ты кичишься, жалкий Шапрашты?
Не смехотворна ль вся твоя похвальба?

Джамбул

Будь то Асыл, будь Шыбыл,а?
Всюду моя ступит нога.
Если мощен ты, Кулмамбет,
Должен принять вызов врага.
Знатному роду ты слуга,
За богача прячешься ты,
С ним еще наплачешься ты.

Пусть у Бабы вдосталь ягнят –
Предки плохо тебя хранят.

Нечем, пока я здесь, козырнуть тебе,
Трудно из рук моих ускользнуть тебе.
О Карынбае не пой, о скряге нам,
О богатырской спел бы присяге нам.
Нам о народном единстве лучше спой,
Спой о доблести ты, об отваге нам!

Кулмамбет

Кто богаче Дулата! Скажи, грубиян!
Даже Баба беднее, даже Албан.

Мыкают горе все твои земляки,
Нам богатейший край во владенье дан.

Овцы семь тысяч спин об изгородь трут,
Кони пять тысяч привязей буйно рвут.
Десять верблюдов золотом нагрузив,
Вьет Абеке шатер из шелковых пут.

Сын Утегена, бай Нуракан, гляди,
Сотни коней не у него ль позади?
Золотом я лохмотья твои набью –
Песня сама умолкнет в твоей груди.

Многих еще восславлю я, погоди!
Есть Шенет еще – речь о нем впереди.
Сатыбалды, Эстемес, Ламак, Салмак –
В силу богатства наши они вожди.

Джамбул

Мог бы и я поведать тут,
Как лопатой деньги гребут,
Как в мешки их сыплют у нас,
Как, самоцветами их покрыв,
На шестьдесят верблюдов кладут.
Даже верблюжий повод у нас
Из дорогого шелка плетут.

Но не об этом я петь хочу,
Я о богатстве таком смолчу.
Вдоль Ала-Тау мы полетим,
Мой родной Кастек посетим
И на другие богатства там
Мы с удивлением поглядим.

Славен не золотом мой Кастек:
Слава его – живой человек,
Слава его – батыры-друзья,

Мощные, как весенний поток.
Спрячешь ли мощь такую в мешок?

Не загрести лопатам ее,
Не обрести захватом ее.
Славятся благородством души
Наш Саурык и наш Суранши,
Копья сверкают у них в руках,
Луки и стрелы на кушаках,
Ткань их одежд чиста и бела,
Песни поются про их дела,
Нас в обиду они не дадут.

Каждый из них – подобье орла,
Плохо тому, кто мучит народ, –
Если мечами они взмахнут,
Если очами они сверкнут.
Надо, чтоб стих мой дальше откочевал:
Я Сыпатая славного не назвал.

Кто, как не он для Великой Сотни вождь,
Кто из батыров столь бесстрашен бывал?
Ласку его из вас постиг не один,
С вами не раз он сладкий чай распивал.
Духом богат он – бедных при нем не тронь,
Меч, а не деньги любит его ладонь.
Подвиг он любит, а ты здесь лень воспел.
Славишь никчемность, славишь байскую вонь.

Нет Сыпатаю равного молодца,
Пешему он, не моргнув, даст жеребца,
Даст и пешком пойдет – Сыпатай таков.
Вот от чего влекутся к нему сердца.
Вдоль Ала-Тау имя его гремит,
Мир не видал подобного храбреца.
Мой земляк не чета твоим.
Ну-ка, давай на юг поглядим,

Там один старик проживал,
Беден он был, любил он труд,
Сыр из Туркмении добывал.
Не Желмая, а простой верблюд
Скудную ношу таскал за ним.
Подвигами своих сыновей –
Вот чем славен тот человек:
То Байтеле, Камен, Джапек
И Даулет, четверкой всей
Ставшие частью земли своей.
Слушай меня, не перебивай.
Слушал ведь я тебя, Кулмамбет,
Ты мне успеешь дать ответ.
За Мырзабеком наши живут,
Иссиня-черными все слынут.
Хан их вышел из бедняков –
Разумом крепок народным он,
Духом тверд благородным он.
Весь Абельпейс у нас таков.

Слушай меня, не перебивай, –
Есть у нас батыр Нурабай,
Есть его брат, батыр Али,
Род от Кашке они повели.
Низменность их народ заселил.
Был Кашке по-народному прост:
Если он врага примечал,
Он коню подвязывал хвост,
Радостным криком степь оглашал.
Объединял он свой народ...
Что ж, моя песня, продолжим поход!

Стой, Кулмамбет, наступил мой час:
Станет твой взор могилы мрачней,
Если ты взглянешь на Серектас,
Грозное чудо наших дней.
Там Килыбаев сын, Кожамбет,
Мощи его пределов нет,

Он – огнедышащий самопал,
Он с небесами в бой вступал,
Он на луну скалил клыки.
Благословенные огоньки
Взорам его бог даровал.
Коль на рассвете свой путь начну,
Я и к полудню не отдохну.
Даром ружья не вскину я,
Даром рукой не двину я.
Про Утеген и Казбека страну
Я мимоходом упомяну.
Эти возвышенные места
Родиной были предкам моим.
Вспомнил о них я здесь неспроста:
Там шестерых своих сыновей,
Храбрых, как львы, взрастил Ибрагим.
Били врагов без страха они,
Были оплотом казахам они,
Каждый когтист и каждый зубаст –
Разве ваш род таких создаст?

Эй!.. Прислушайся, Кулмамбет,
В баях твоих смысла нет.
Даром ты тратишь столько слов
На дураков и на ослов.
Дрязги, сплетни и клевета –
Вот чем ваша знать занята.
Тень на народ баи кладут,
Будешь и ты в этой тени.
Баям вовек не буду сродни,
Байским добром не бахвалюсь я,
Бедностью не опечалюсь я,
В мощи народа – сила моя,
Цель народу ясна моя.
Богатырям я честь воздаю.
Вот на какой я земле стою!
Не уступлю, Кулмамбет, тебе.

Кулмамбет

Наш Бекетбай в Каскарау – с ним сравнись!
Наши Тарпан с Токсеитом – вот дивись!
Бай Телитай, многоконный, тоже наш.
Ну, откуда б у вас такие взялись?

Много ль у вас таких, скажи, богачей,
Как Шоманак, Шоранбай, в Жолсеите Шекей?
Есть на Шокпаре у нас даже султан...
Вва, молись о продленье жизни своей!

Шапрашты, ты жалкий бесхвостый пес!
Вот сковырнешься в яму – расквасишь нос.
Спесь нам твоя, заплатанный, не страшна,
В песне своей ты околесицу нес.
Буду сидеть в печенке у тебя.
Песни мои забурлят, как вешний плес.

Думал меня запугать ты – нет, шалишь!
Бая никем из бедняков не затмишь.
Лебеда наши орлы с лету когтят,
Вашим стервятникам гнать разве чтомышь.

Кем ты кичишься, кем ты послан на бой?
Вашей кишмя кишашею голытьбой?
Лучше б веревкой живот ты свой стянул –
Твой измочалю чепрак я под тобой!

Джамбул

Всякий соперник кажется мне смешным.
Власть мне дана над всяким зверем степным.
Брось! Не бесись, ленивцев не восхваляй,
Целые дни вдыхающих черный дым!

Знают все: народ трудолюбивый мы,
Но и не бредим, как вы, наживой мы.

Все мы в ремеслах искусны, знаем все,
Видели степи, горы, заливы мы.

Кровель столько в Алма-Ате,
Что с непривычки в глазах рябит.
Город Семей снегом скрипит,
И на кочевье пастух-овчар
Слышит, как строится Кызылжар.
К югу раскинулись – Наманган,
И Андижан, и Маргелан.
Связаны торгом с Ташкентом они,
С нами ведут обмен там они.
Русский с казахом дружен теперь,
Локоть к локтю идет он с ним,
Этот союз нужен теперь,
Это мы всем теперь объясним,
Всем, кто захочет слушать нас.

Кулмамбет

Я, иноходец, чуть лишь заслышу «чу»,
Жалкого шапрашты к могиле домчу.
Храбрость твоя ни к чему, шалый козел.
Сын нищеты вздумал дерзить богачу!

И Суранши наказан, и Саурык,
Про остальных не стоит чесать язык.
Твой Суранши сайрамским сартом сражен,
Надо ли было дразнить баев-владык?

Все, что ты пел про мужество, – дребедень.
Твой Суранши не к добру поднял кистень.
Тюкнул его хлипкий сайрамский сарт,
Шкуру снял с него в благословенный день.

Спели ль, что во спасенье его души?
Был погребен, как падаль, твой Суранши.
Страхом проникнись перед таким концом,
Лучше обряд молитвенный соверши...

Джамбул

Зло проверяют люди только добром.
Я – скакун пред тобой, облезлым одром.
Горд я делами наших богатырей,
Недруга нашего верный ждет разгром.

Да, Суранши с Саурыком – ныне прах,
Но не срамит их это в наших глазах.
Кровь за народ пролить – есть ли выше честь?
Чтит их память недаром бедный казах.

Был твой родич, Максут, как ты, пустобрех,
Жадный, он с ближним грызться мог из-за крох.
Разве, как вол, наевшийся белены,
В корчах у всех на виду он не издох?

Дней не продлишь, хоть мир весь съешь,
Кулмамбет.

С байством своим поберегись, Кулмамбет!
Хуже ты Карекула. Шайтан твою
Выгладил, мне сдается, плешь, Кулмамбет.

Отпрыск Уака, грех твой слишком велик:
Ты, человека убив, сюда проник.
Кто воспретит мне голову снять с тебя?
Много в траве Арки осталось улик.

Я, Кулмамбет, громом тебя поражу,
Руки твои за спиной крепко свяжу.
Беглый убийца, тебя на травы Арки
К судьям твоим я завтра препровожу.

Был ты певцом шаншарским – дулатским стал,
Прежде худой, толстяком ты спесивым стал.
За три бешмета баям себя продав,
Сам глумиться над горем бедняцким стал.

Совести нет у тебя, как нет волос.
Скрыл ты и то, что сделал, и то, где рос.
Пусть разберут Дюсенбай, Сат и Манке,
Правда ль в моих словах иль ложный донос!

Лопнули струны у Кулмамбета тогда,
Он не нашел сил для ответа тогда.
Спас от позора домбру свою Джамбул,
Честь он спас – и мир это понял тогда.

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С САРБАСОМ

Сарбас

Пришел я, захватив с собой домбру,
Я слово для сражения беру,
Когда я здесь, зачем стоишь передо мной,
Мальчишка черный, голоногий говорун?

Я – ваш Сарбас, из Каскарау родом я,
Дулата холм в Шапрашты раздольном я.
Не оскорбляй мою прапматерь Домалак,
Бог покарает злызычного тебя!

Из Каскарау я, зовут меня Сарбас,
С готовностью спою чудесный сказ.
На полуслове не поймаешь ты меня,
Иди домой, мальчишка черный, в добрый час.

Называюсь я Дулат...
Кто присмотрится, поймет:
Я, как озеро в разливе,
В пору самых полных вод.
Шапрашты же разве род?
Кто пример с тебя берет?
Я Майкота сын восьмой,
Я ходил, и подо мной
Смяты были все, как ты.
Племенем своим почтен,
Всем собранием почтен,
Я пришел на славный пир.
Моим дядей был Жалбыр
(С кличкой «Десять кабанов»),
Был не из худых родов,
Дед его – Алик-Аман.
О своем происхожденье
Не слышал порочных слов.
Кто в скачке хорош, кто на клячу похож,

Кто и смел, и пригож, кто и вовсе негож.
Черномазый стоит, озираясь глядит,
Уж не беками ль он для меня сохранен?
На тебя я посмотрю,
И, как в землю кол, забью!
Думаешь, что ты безгрешен?
О тебе я все спою!
Но послушай обо мне,
О большой моей родне.
Жарыкшак в семье своей
Сыновей имел троих;
Среди них Дулат, Албан
И Суан был среди них.
В Коныр-Борик загляни –
Богатеи там одни.
Что же ты повеселел,
Узун-Агачский хлебодел?
Шапрашты это ты! Я – дулат, и вовек
Белой костью был славен мой бай и мой бек.
Твой же род худой приплод
Приносил из года в год,
И, как выкуп за бродягу,
Был твой захудалый род.
Я тебе закрою рот!
Побороть меня ты ехал, –
Будет все наоборот.
Сыновья Дулата стан
Разбросали здесь и там.
Далеко Албан кочует,
Близко здесь живет Суан.
Ты вступил со мною в спор,
Смотрит знать на наш задор.
Кто же будет побежденным?
Ты познаешь свой позор!
Не догонишь – не гонись,
Не поборешь – не борись,
С тем, кого ты не осилишь,

Состязаться не берись,
А барахтаясь напрасно,
Где не надо не лепись.
Кину я в простор степной
Клич Дулатов боевой –
Байбул за Ногайбаем
Честь держать пойдут со мной.
Нет границ моей земли,
За Джаркент они ушли.
Табуны всю степь покрыли,
Как густые ковыли.
Сберсгая гордый сказ,
Честь свою и зоркость глаз,
Там, как озеро степное,
Я живу – акын Сарбас.
Сан святой Макта мазам
В дяди мне от бога дан,
Ты же, Домалак хуливший,
Потерял и честь, и стан.
Пригнала тебя беда,
Шапраштинец, к нам сюда.
Пред тобой акын Сарбас.
Солнце светит не для вас,
Захудалый, чахлый род!
Правду говорит мой рот.
Призовой я конь – Сарбас,
Бег красив мой без прикрас.
У Дулата сыновья
(Их едва вместит земля)
Скот гоняют табуном,
Лихо борются с врагом,
Я – Дулата гордый род.
Так народ меня зовет,
Я – гора без перевала,
Кто же мой народ сочтет?
Если бросишь ты иголку.
На землю не упадет.

Мой народ осанкой статен.
Как архар, в горах идет.
Пищу для себя плохую
Никогда он не берет.
Он красой своей играет,
Он седла не покидает.
А на ум его взгляни.
Ум с отвагою сравни!
Коль верблюжий караван
Он ведет среди бархан
И врага вдали завидит, –
Налетает, как буран.
Род Дулата весь не счесть,
Баев надо? – Баи есть!
Беков надо? – Беки есть!
Много их, и всех не счесть.

Стонет степь от табунов,
Много умных стариков.
Есть один – ровесник века,
Выходец из Бастерека,
Седовласый Салимбай,
Он к поклонам не привык,
Не прикусывал язык.
Старика ни перед кем
Не заставишь ты склониться,
Пот с лица его струится,
Но свое он между тем
Непреклонное твердит.
Льстит ему – кто говорит,
Кто боится – тот молчит.
Мужество его безмерно.
Весь он панцирем укрыт...
На вершине нашей славы
Этот гордый муж стоит,
Кто хоть раз с ним повстречался,
Память тот о нем хранит.

Славен род Кунту у нас.
Муж по имени Намаз
Из того исходит рода,
Ты о нем послушай сказ:
Тот Намаз внизу лежал
И зубами скрежетал,
Сорок витязей отважных
Он вокруг себя держал,
В сече смелой крови ждал.
Страх на всех он наводил,
Руки вражьи пригвоздил.
Ни один отважный витязь
От него не уходил.
Был Ботпай из наших мест,
У Ботпая был отец.
Семь голов отец Ботпая
Все высматривал невест,
А обнял одну сулу,
Редкостную, как стрелу!
Ты ругать Дулата рад,
Чем же плох, скажи, Дулат?
Люди здесь живут по-райски,
Сахар плиточный едят.

Усенбай из Майемера
Смолоду отважным вырос,
И его страшился каждый,
Кто хоть раз видал батыра!
В Анрахае он сидел,
Соловьем залетным пел,
Неисполненных желаний
Никогда он не имел.
И народу был любезен,
Позаботиться умел!
Карабай из Каскарау
Смолоду джигит на славу,
Он, как месяц молодой,

Лук натянутый, тугой.
Он был сыном Майлыбая,
Им взлелеян и любим.
Смолоду был смел Карим,
В споре слов не уступал,
Свой народ оберегал.
Только был он одинок,
С ним идти никто не мог.
В одиночестве батыр.
Как герой покинул мир.
Шубой, матерью скроенной,
Чистый тот ушел батыр!
Если речь он поведёт,
В рот ему смотрел народ
Он отважным возмужал,
По границам проезжал,
Он врага, что не сдавался,
Без пощады поражал.
Был у нас и Кебекбай,
Умница и краснойбай,
Где герой не брал копьем, –
Кебекбай сбивал умом,
И в былые времена
Чашу славы пил до дна.
От лучей тот род ветвится,
Если съезд какой случится –
С уважением народ
Озирает славный род.
Кебекбай орлом летал,
Другом он своим считал
Лишь отважного джигита,
А врага, как цаплю, рвал.
Он великий был провидец,
Ясный взор вперед бросал,
Он на сорок волосинок
Черный волос расщеплял.
Плачущих он утешал,

Даже самый именитый
Кебекбая уважал.
В боге он не сомневался
И с умом за дело брался,
На коня садясь с ходу,
И красавиц обнимал
А встречался с народом,
Лишь о правде речь держал,
Он от сказанного слова
Никогда не отступал!
О Джамбул, напрасно ты
К нам приехал на айтыс,
Насмешил ты род Дулата,
Захудалый шапрашты!
И трехсот худых кибиток
Не имеешь в роде ты,
Воля, счастье и богатство
Для тебя одни мечты!
Кто со мною в спор вступал,
Пальцы тот свои кусал,
Был бы ты со мною ровня,
Посильнее б ты сказал,
Да подумал бы получше,
Для чего ко мне скакал.
Черный парень, соглашайся,
Да пока не поздно – кайся,
Чтоб тебя я не прогнал.
Я – Жанту, сын Жарылкамыса,
Всех строптивых укрощал.
В состязании со мною
Горло б ты не потерял,
Выходил бы ты из спора,
Не терпел бы ты позора,
Убирался бы скорее
Ты домой без разговора!
Не сдаешься? Не уйдешь?
Чем же ты меня возьмешь?

Боль сердечную открой,
Захудалый род воспой,
Победишь ли ты меня?
Вплавь пускаю я коня
В озере своем безбрежном.
Шапрашты, домой спеши.
А иначе неизбежно
Ты Сарбаса рассмешишь!
Не достигнув в споре цели,
От тебя не отойду,
Скакуна да иноходца
В поводу с собой веду,
И с Дулатом многолюдным
Шапрашты я превзойду! ,
Посмотри, твоя рука
До чего же коротка,
На висящей рукавице
Не завяжет узелка!
Чем помочь тебе могу?
Я на голос вдаль бегу,
Я вгрызусь в тебя зубами,
Глотку я твою сожму!
Чем свой род похвалишь ты?
Что о нем расскажешь ты?
Пару слов не свяжешь ты.
Спор ты лучше не веди,
Поскорее уходи.
С места я, Сарбас, не встану,
Шапрашты не победив!

Джамбул

I

В городе Алма-Ата
Шел народ и неспроста:
В ранний полдень собирались
Богачи – не беднота.

Волостные собирались
Не на ратные труды –
Бай Кырбай, Кожамберды
Знатных звали для еды.
В сале руки их и рты,
Я вошел с домброй свободно
В этот дом певцом простым.
Ногайбай – мурза спесивый
Посмотрел и, горделиво
Подбоченясь, так спросил:
«Кто там жметесь сиротливо
С неприглядною домброй?»
Был мурза знаком со мной
Он глазами чуть не съел
А признать не захотел.
Бедный мой чапан увидев
Ногайбай оторопел.
Но, подумав, подбодрил,
Мне он так проговорил:
«Знать отборною ты песней,
Не пугаясь, одари!
Суюмбай однажды спел:
«Кто там с палкою своей,
Обнимаясь, растянулся?
Это наш Джамбул – Екей».
Вспоминая Суюмбаю,
Перед баем Ногайбаем
Песней ты держи ответ!
Откровенней пой да лучше –
За нескладный сказ получишь
Плетью ты по голове!..»
Устрашать мурза умел,
Ближе он ко мне подсел,
Будто очень стосковался,
Сам же злобой зашипел:
«Если ладно песню сложишь,
Уважение найдешь;

Если ж складно петь не можешь,
Гнев, бродяга, навлечешь!
Хвалят все Кожамберли,
Попусту поганят рты,
Только в песнях Суюмбая
Много чистой красоты!
Суюмбая младший брат,
Ты начни с домброю в лад,
Без худого пустословья –
Песню я послушать рад.
Не беги за Жарыкшак, –
Начинай-ка с Домалак!»

II

Наступил черед Джамбула, –
Песня смелая вспорхнула,
Воскрешаю в этой песне
Образ матери чудесной,
Нашей славной Домалак.
Дочерью Макты мазама
Наша Домалак была,
Третьею женой у бая
Наша Домалак была.
Бай не уважал ее
И не приближал ее:
Сары-байбише любил он,
При себе держал ее.
Из кибитки темной, рваной
К Домалак пришел желанный
Назывался он – Кожа.
В страсти пламенной дрожа,
С Домалак он обнимался,
И шутил, и целовался,
Жажду сердца утолял,
Золотым лучом сиял.
Был он смелый, молодой,
Рослый, статный сам собой.

Байбише оберегаясь,
Темной ночью укрываясь,
Ночевал джигит Кожа
С Домалак в ауле бая.
В эту ночь зачат был сын,
А в тяжелый срок родин
Откочевывать собрался
Бай с насиженных долин.
В стане старом Домалак,
Облегчая муки схваток,
Ночь глухую провела,
Но в ту ночь не родила...
А когда рассвет настал,
На аул врасплох напал
Сын киргиза Аккошкар,
Домалак он так сказал:
– Дай благословенье
В смелом нападенье мне,
Нынче я у Байдабека
Много угоню коней!
Коль благословишь меня,
Радость будет у тебя.
Аккошкару Домалак
Отвечала тихо так:
– Дам благословенье я,
Коль исполнишь, что желаю,
Будет радость у тебя!
Шумом выпасы полны,
Аккошкар со свистом гонит
Байдабека табуны.
К Домалак идет он снова
И такое молвит слово:
– Что же ты себе желаешь?
Жду я, выполнить готовый!
– Слушай просьбу, молодец:
– Меж коней, что захватил ты,
Есть саврасый жеребец.

От него есть, говорят,
Девяносто жеребят.
Кроме матери, отроду
Никого он не видал,
Кроме мухи, он на спину
Никого не допускал,
Кроме ветра, в беге сильном
Никого он не катал,
И аркан тугой петлей
Гордой шеи не сжимал.
Если радости желаешь,
Жеребца того отдай.
– Как же ты его поймáешь,
Если он узды не знал?
– Мое счастье, коль поймаю,
Не поймаю – зла не знаю.
Домалак коня зовет,
Он на зов ее идет
И, протягивая шею,
Обуздать себя дает.
Аккошкар коней угнал,
Тихо полдень наступал,
Домалак тоскует. К ней
Мчатся восемь сыновей.
Употели от погони
И спросили, где же кони?
Удивленью нет конца: –
Как поймала жеребца?
Домалак, на все ответив,
Так просила: – Дети, дети,
Вы за вором не гонитесь,
Зорьки утренней дождитесь
Возвратятся кони к нам,
А в погоне злая вам
Смерть, таяся, угрожает!
Мать сынов своих ласкает.
Их остаться умоляет,

И из рук своих поводья
Домалак не отпускает.
Мольбам матери не вняв,
Ускакали сыновья.
Переправились за Сагу
И наткнулись на засаду.
Сто киргизов – грозен крик –
Гонят молодцов в тупик.
Восьмерых они схватили,
Головы им отрубили.
Байдабек летит вдогон,
Весть плохую слышит он:
«Сыновья твои погибли,
Непробуден мертвых сон!»
Домалак в тоске тяжелой
Жеребца впрягает в волок,
В степь за Сагу выезжает.
Горек матери удел:
Перед нею восемь тел –
У кровавого ручья
Спят родные сыновья!
Их подняли, их обмыли,
Их в степи похоронили.
Расстилает полночь мрак,
Но не дремлет Домалак,
В степь выходит, где пасется
Тот саврасый аргмак.
Домалак коней зовет,
И саврасый громко ржет:
В камнях эхо прокатилось,
Ночь глухая расступилась,
В небе зорька заискрилась,
С шумом рвутся из степей
Косяки лихих коней,
Степь гудит от их копыт,
Пыль до облака летит...
Этим утром в новый стан

С табунами Байдабека
Вышел шумный караван.
Восемь суток не ночуя,
Шли без отдыха кочуя,
Лишь в просторах Орта-жуз
Сняли вьюков тяжкий груз.
В схватках бьется Домалак,
Путь-дорога тяжела
В муках тяжких в этот полдень
Мать ребенка родила.
Нежно тело осмотрела,
На руки к себе взяла.
Был пригожим мальчуган,
Но имел один изъян:
На головке след багряный,
На головке сына – рана,
Признак ненависти, зла;
Мать душою поняла:
Сары-байбише – колдунья
Эту рану нанесла.
И Кши-жуз и Орта-жуз
Байдабека в гости ждут,
Пировать его зовут.
Байдабек на зов спешит,
Конь упаренный храпит.
Из Кши-жуза той порой
Прибыл старый верховой,
Костоправ и умный знахарь,
Уважаемый молвой.
Домалак была печальна:
Грудь младенец в рот не брал,
Он без памяти лежал.
Знахарь впору подъезжал,
Он младенца осмотрел,
След руки чужой, холодной
На челе его узрел.
Рану молча он омыл

И заботливо укрыл
Костью серой черепахи,
Так спасен ребенок был.
Девяносто дней прошло,
Что болело зажило,
И поправился младенец,
Только шрам покрыл чело.
Выжил маленький казах,
Рада сыну Домалак.
Шрам носящему младенцу
Дали имя Жарыкшак.
Был он в славе у степей,
Трех могучих сыновей
Жарыкшак имел при жизни
От возлюбленной своей.
Был один из них Албан,
Был второй из них Суан,
Третий назван был Дулатом.
Так родившийся когда-то
К нам дошел старинный сказ,
И живет он в добрый час
В поучение для нас.
А о нашей Домалак
Стал сказаньем каждый шаг,
Вся она для нас легенда,
Мать родная – Домалак!
В родословных ты, Сарбас,
Разбираться негоразд.
Пустомеля из Дулата,
Ты не переплюнешь нас!

III

Я пришел, а ты ворчишь,
Ты не дело говоришь,
Хлеб невкусный выпекая,
Ты зачем со мной грубишь?
Ус твой жиденский, седой,

Зубы сгнили, рот пустой.
На тулпаре брали ль знамя
Твой отец и прадед твой?
Не было добра от них,
И не шел никто за них.
Шапрашты я сын, и мой
Меч – хвалюсь я – золотой.
Хоть по численности малым
Род в степях считают мой,
Но народ я удивлю,
Как на сборе появлюсь.
Речкой шумною, студеной
По народу я прольюсь,
В чешуе стальной, каленой
На врага я смело мчусь!
Ты здесь долго дребезжал,
Очередь мою держал,
Ты меня беззубой песней
Горячил и обижал.
Бородой своей худой
Ты поднялся надо мной,
Ты хотел побить Джамбула,
Ой, ошибся, милый мой!
Я – известный шапрашты,
Из Дулата вышел ты.
Хоть я мал, но четвертушки
Шапрашты не стоишь ты!
Если я к врагу ворвусь –
Крови досыта напьюсь.
Что же, старый, ты притих?
Отвечай ты, злом не пенясь,
Кто от родичей моих
Возвращался подбоченьясь?
Кто ходил мимо меня,
Голову не преклоня?
Бриллианты не теряла
Никогда моя земля.

Род мой славен, и сначала
Саурыка вспомню я.
Как тростник в грозу сгибаясь,
Всех отвагой удивляя,
Саурык мой славный рос,
Не страшась ни бурь, ни гроз.
Если он в степи идет –
Оторопь врага берет,
За день слух поймав, дрожит
И в смятении бежит.
Кто батыру не сдавался,
Тот живым не оставался,
Целым тот не возвращался.
Весь народ мой Саурыку
С уваженьем подчинился.
Саурык коня любил,
А мечом сплеча рубил,
Не вспотев, скакун отборный
Под батыром не ходил.
Силой мой батыр сверкал,
Пикой камни пробивал.
Не хвалился б ты, Сарбас,
Храбрых много ли у вас?
Всех хваленых в смелой схватке
Саурык бивал не раз.
Он на лица не взирал,
Бил того, кто налетал.
Бит был Дау-Сыпатай,
В Каскарау – Карибай,
И с Али-тюре Айдос
Были битыми до слез.
Многолюден твой Дулат,
Да делами не богат.
В Каскарау был у вас
В пору ту батыр Кырбас,
Суранши его поймал,
Цепь на шею привязал,

И в степи того Кырбаса
На цепи с собой таскал.
Недруг кровью истекал,
Весь Дулат вороньей стаей
С карканьем вокруг летал.
Суранши огнем пылал,
Атамкулу он сказал:
«Мы с тобой вдвоем пойдем.
Хоть и люден род Дулата,
Но управимся вдвоем».
Атамкул мечом сверкал,
На земле врага завидев,
Льву жигит подобен стал.
Встретив в поле их двоих
Весь Дулат на миг притих
Прятался, бояся гнева,
Весь Дулат, завидев их.
Перед смелым Суранши
Всяк раскланяться спешил.
Меч, что кован из алмаза.
Белый этот меч ни разу
Суранши, где б ни бывал,
С опояски не снимал.
Если в гневе был могучий,
Брови хмурились, как тучи;
Враг тогда от страха выл,
Друг веселье находил.
Кто отважного встречал
Тот и рта не открывал,
Тот и шагу не ступал.
Кто ему сопротивлялся –
Волосы свои терял!
От ружья, что поперек
На пути его лежало,
Он не бегал, как хорек.
Под стенами Саркемира
Разгромили Майемера,

А Дулат с Албаном вместе
(Много их, да мало чести)
На три части расползлись,
Перешли через Или,
За хребты Айсы ушли.
Сыпатай батыром звался,
С тенью ж вражьей не встречался,
И напуган так он был,
Что спасая в бегстве пятки,
Самого себя убил.
В Сарбалыке, Анракае,
Хвост, как зайцы поднимая,
Все почтенные мужи
Затаились, не вставая.
И один лишь человек –
То курносый Тойшибек,
Ощетинившись, стоял.
Он с Керимом-Каскарау
Постоянно враждовал.
Он киргизов на Керима
Постоянно натравлял,
А Керим неглупый был,
Он с киргизами дружил,
С Жангарашем и Жантаем
Как сосед хороший жил.
В грозный час тот Тойшибек
Все на свете позабыл
И Керима в час испуга
О беде предупредил:
«Ты скорее убегай!»
И Керим в ночную пору
Отошел на Ак-Тогай.
Оказались в бегах
На илийских берегах
Майемер с Глеукабылом,
В край один загнал их страх.
Худияр, кокандский хан,

Наступал, как ураган,
От его орды дрожали
И Дулат твой и Албан.
Сколько сгнуло в реке
Молодых сердец, что ханской
Воспротивились руке.
Вся кокандская орда
Понасытилась тогда,
На верблюдах увозила
Наших женщин навсегда,
Угоняла, уводила
Наши тучные стада.
Весь Дулат твой распылился,
И тогда твой срам открылся.
Лишь один не утрастился,
Муж, рожденный для борьбы, –
Карибоз то смелый был,
Карибоз из Каскарау
Камень пикою пронзил.
К Суранши он поспешил,
Посмотрел ему в глаза
И батыру так сказал:
– Ты допустишь ли отважный,
Чтобы враг нас растерзал?
Весь Дулат наш слезы льет,
На борьбу тебя зовет;
Сыпатай батыром звался,
Но, свою спасая шкуру,
Он врага перепугался.
Кто же в бой нас поведет?
Кто в борьбе за честь народа
Силу гневную найдет?
Тойшибек нам на поддержку
Чагатайцев не пошлет...
Поднимая стяг в руке,
На лихом аргамаче
К Суранши из Каскарау

Мчится храбрый Бауке.
Улыбающийся в ус,
В схватках грозных он не трус,
Но приехал и заплакал,
Взвесив горя тяжкий груз.
Так просил он Суранши:
– На врагов, батыр, спеши:
Нас они одолевают,
Наших женщин убивают,
Без твоей, батыр, отваги
Честь казахи потеряют.
Многочисленны Дулаты,
Только силой небогаты,
В битву некому идти,
И с разграбленным народом
Им идти не по пути.
Без твоей, батыр, отваги
Им спасенья не найти!
Внемли ты моим словам:
Ты рожден на счастье нам,
Ты ль отдашь на растерзанье
Свой родной народ врагам?
Камень пикой ты пронзал,
Ты народу сыном стал,
А теперь к нам смерть подходит,
И народ тебя позвал.
Табуны и наши юрты
Враг себе в добычу взял.
Наш Дулат велик, но гнется,
Род велик, да силой мал.
Силой ты один богат,
Для тебя в бою, мой брат,
Не страшны и сорок тысяч
Недругов, что степь пленят.
На коня, батыр, садись,
Бог поможет! В битву мчись!
Ты для нас – одна защита,

В степь широкую всмотрись:
Сорок тысяч иноземцев
По аулам расползлись.
Им Дулат ли даст ответ?
Люду много, храбрых нет!
Все они поразбежались,
В Анракае одичали.
За тобой, батыр мой, степи
В грозный час меня послали!
Думал думу Суранши,
Слышал боль своей души,
Слышал стон в степях идет. –
Все казахи – мой народ...
В бой иду, иду на мечь... ,
Для батыра хуже смерти
Потерять народа честь!
Суранши к коню идет,
Актуяк поводья рвет.
Суранши друзей зовет,
Триста витязей отважных
В смелый бой батыр ведет.
Десять тысяч ханских слуг
Дрогнули в той сече вдруг,
Как траву худую, косит
Суранши врагов вокруг.
И три ночи и три дня
Не сходил батыр с коня,
Орды ханские рассеял,
Честь родных степей храня.
А Дулат в те дни дрожал,
Он, как заяц, убежал!
Славен Суранши у нас!
Ты молчишь о нем, Сарбас,
Ты дерешь для баев глотку
Не за то ль, что грабят нас?
Твой Дулатом назван род,
Непутевым он слывет.

Шапрашты, мой славный род,
От батыра счет ведет!
Пикою врага он бьет,
Спину перед ним не гнет,
День и ночь, не отдыхая,
Ратным подвигом живет.
В гневе грозен он бывает,
Ус щетинит до бровей,
Тюбетейку поднимают
Волосы на голове!
Честь твою он защищал,
За тебя он в бой скакал,
Славой был всегда овеян,
Красноречием блистал.
Никому худого слова
Суранши мой не сказал.
Ни один чиновник знатный
Выше чином не стоял,
Даже перед генералом
Суранши мой не дрожал.
Слово верное держал.
Сорок девять лет подряд
Был он силою богат!
И из рода Ескожи
Вышли славные мужи.
Саурык в семнадцать лет
Гордо восседал в седле.
Поборол он много зла.
У казахов Джетысуйских
Жизнь безрадостной была.
Каждый день из темной дали
Вражьи орды нападали,
Потерял народ покой.
Шел калмыцкий хан войной,
Шел киргизский хан Орман,
Шел кокандский грозный хан.
От набегов их разбойных

Были степи беспокойны,
Омывались в слезах,
Что ни день – идет гроза.
В пору тяжких испытаний,
Слез народных и страданий
Кто отвагу показал?
Кто защитою народа
От врагов коварных стал?
Кто от их несметной силы
Ни на шаг не отступал?
Кто несметные их орды
Из родных степей прогнал?
Кто, народ оберегая,
Гордостью народа стал?
Славный Саурк-батыр,
Он из рода Шапрашты!
Ой, Сарбас, не будешь рад
Похвальбой, что ты дулат.
Враг на степи нападал,
Кто тебя оберегал?
От позора, и от смерти
Саурк тебя спасал!
Не хвались числом, дулат,
Не хвались, что ты богат.
Саурк мой – вот булат!
Грудь батыра до плечей
Золотых полна лучей,
А когда он в бой бросался,
Силой грозной наливался.
Когти тысячи ворон
Для орла забава. Он
Не боится тех ворон.
На врага бросался рьяно
И победам счет не вел.
Саурк мой Орман-хана
Пленником с собой привел!
А Дулата род каков?

Много вас, как мотыльков,
Не имеющих ни силы,
Ни ума отбить врагов.
Вы, как высохший арык,
Пусть вас тысячи, но был ли
Хоть один, как Саурык?
Он в обиду вас не дал,
В споре он не уступал,
Он врага непобежденным
От себя не отпускал.
Он кольчугу надевал,
В камень пику он вонзал,
Кто батыра Саурыка
В ратной славе достигал?
Сам друзей он подбирал,
Сам врага в бою искал,
Кто же равным Саурыку
Изо всех казахов стал?
Шапрашты мой невелик,
Мал, но дорог золотник!
Я – речистый, как река,
В споре крепкая рука
Не бывала коротка.
Что ж ты петь мне не давал?
Очередь мою держал,
Мою душу надорвал!
Я – известный шапраштынец –
На границе зимовал,
Пикую поперек держал,
От врагов не убегал,
Нагонял на них грозу,
Их, как черную козу,
Я на части раздирал,
Мясо пробовал и тут же
В сторону его бросал!
Я – известный шапрашты,
И не спорь со мною ты!

Я врагов боялся ли?
Пред тобой склонялся ли?
Жакетая умоляя.
Раньше унижался ли?
На стальной конец копья
Колыхающийся стяг
Привязав, отважно мчался,
Где тебе грозил твой враг!
Я его и без огня
Одним взмахом разгонял.
О, собравшиеся люди,
Пусть же суд ваш
Честным будет!
Свет такого не родил,
Кто б Джамбула победил.

Честь со мною остается,
В схватке не укроюсь я,
Если враг мне не сдается,
Разве успокоюсь я?
Ой, скажи мне, Каскарау,
Ты имел ли раньше славу?
Разве ты бураном черным
Над степями проходил?
Малдыбаю с Коныспаем
Разве братом кровным был?
Ты скотом хвалиться смел,
Сам и клячи не имел.
Грязным ты всегда ходил
И вчера вонючим был.
Мной подстреленной козюю
Ты отныне прослывешь.
Ты, любуясь сам собою,
Сам себя же и добыешь!
Ну, на чтоходишь ты
По сравнению с шапрашты,
Весь ты сморщенный поешь,

Руки, ноги жмешь, как еж.
Богом битый, ты, ругаясь
Всем покоя не даешь.
Я пускаю песню птицей,
Как огонь лицо лучится...

Мое течение – норов белого коня,
Мой голос – пенье неумолчного ручья.
Побитый богом, ты сидишь один, Сарбас,
На месте вырытого кем-то курая.
Как горный кряж, я поднимаюсь над тобой,
Я – та основа, что скрепляет дом большой.
Как маков цвет, сижу, жигит я молодой,
А ты состарившийся, дряхлый и седой,
Как Майлыбая сын, неладный Каримбай,
Не почитая всех, любишь себя собой!
Славен я в народе стал.
Тем, что честь не уступал,
Тем, что я не ниже бия
Голову свою держал.
Был не хуже волостного,
И не хуже скакового
Иноходца я скакал.
Не хвались, Сарбас безликий
Ты не спорь о Саурьке,
Слов значение угадай:
Старый спорщик Сыпатай
(Был отцом его – Ботпай)
Не в беду ли раз попал?
Кушбеги его кокандский
Не к телеге ль привязал?
Не ему ли, Сыпатаю,
Он убийством угрожал?
Вся вина-то Сыпатая.
Что к калмыкам он сбежал.

Так дулаты клеветали,
А потом поклоны клали
Саурыку и спасенья
У отважного искали.
«Нас покинул Сыпатай!» –
Так они ему сказали.
Саурык словам внимая,
Спас из плена Сыпатая.
Он желанную свободу
Сыпатаю возвратил
И за это от народа
Благодарность получил!
О батыре славный 'сказ
Воспалил тебя, Сарбас. ,
Саурык мой разжигает
Злобу ненавистных глаз.
Он врагов ошеломлял.
Пикой грозно он сверкал,
Неотмщенных за обиды
На земле не оставлял.
Было тех врагов немало,
Всех сожгла батыра месть,
Неотмщенную осталась
Лишь твоя худая честь!
Землю ты тревожишь криком,
Чем ты лучше Саурыка?
Ты цены ему не знаешь,
Драгоценность ты бросаешь,
В родословной Саурыка
Ничего не понимаешь.
Саурык врага разил,
Ты тогда за ним ходил.
Был на голову он выше
Всех, кто рядом в стане был!
Полы выше подобрал
И засучив рукава,
Бился воин Саурыка

С яростью, достойной льва.
Но над всеми возвышалась
Саурыка голова.
Недруга он сокрушал,
Спор услышав, – разрешал,
Людам он вреда не делал,
Распыленных собирал.
Он, гостей своих встречая,
Их на славу угощал!
Весь народ его за это
Уважал и почитал.
Ты ль упавшего дулата
В миг паденья поддержал?
Молдабая с Конысбаем
В Каскарау ты ль собрал?
Ты ль дорогу к единенью
Им, разбитым, указал?
Ты, ночным укрывшись мраком
Не овец ли воровал?
Был последним из людей.
Был гнедым среди коней,
Не твоя ли голова
Бесноватые слова.
Угорелая, бросала
Для раздора и скандала.
Ты – начало разных зол...
На лице твоём кровинки
Я глазами не нашёл.
В Каскарау человеком,

Видно, не доношен ты,
В Каскарау на дорогу
Не напрасно брошен ты.
Ты акыном назывался,
Сам же правды не сказал,
Весь свой век ты клеветал.
С обликом своим бесстыжим

На беду ты показался!
Ты старик, но не степенный,
Головой ты бестолков,
Так не лучше ли, почтенный,
От своих отречься слов?
Пятьдесят прожил ты лет,
Совести ж ни капли нет,
Ты, как баба, сплетни носишь,
Клеветой людей поносишь,
В драке ищешь вдохновенья,
Пятьдесят прожил ты лет,
А ума, как вижу, нет.
Ты не стоишь уваженья!
Нет достоинства в тебе.
Ты позор свой показал,
Рукава ты оборвал,
К опояске свою совесть
Ты, бесстыжий, подвязал,
Ты на мой крючок попал,
Ты словам цены не знал,
Ты на дне норы лежал,
Человек с бельмом в глазу,
Ты споткнулся и упал!
Замыкаю рот я твой!
Больше песен ты не пой.
Под руку попался мне –
Хватит этого тебе.
Я еще немало знал,
Да нарочно не сказал,
Ты и этого не стоишь,
Бестолковый горлопан.
В сказе вольном я – кулан,
Если вновь ты рот откроешь –
Попадешь ко мне в капкан!

Сарбас, не смея возражать, остался побежденным.

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С ДОСМАГАМБЕТОМ

Джамбул

Взмахнув крылами, песня смело ввысь летит,
Пусть в славном споре зычный голос загремит.
Тебя словами я пробью, Досмагамбет,
Твоя нога, земли касаясь, задрожит.

Коварством, хитростью меня не проведешь
И с четырех сторон ко мне не подползешь.
От Жалаира добра не получал
И, озираясь, как голодный волк, бредешь.

Благословенен прадед мой Ер-Карасай,
От слов его качались горы и леса,
А мой наставник, ливней песенных краса,
Орел, клекочущий ввыси, – Ер-Суюмбай.

Свой век давно Шоже с Балтою провели,
В отчаянье Бухар и Асеке ушли,
Их светлый дух в моих желаньях воплощен,
В народной горечи, в стихах родной земли.

Когда я в злобе, голос грозен мой, как гром,
Стрелами молний он встречается с врагом.
Слова, как пламя, а домбра моя – копье,
Чекмень, как панцирь, отликает серебром.

Сын Улы-жуза, предок мой Абак-Тарак,
Меня возвысил и в советники избрал.
И если к нам акын бродячий забредал,
Его Джамбул горячим словом избивал.

Я – в небо гневно поднимающийся смерч,
И расстоянье между нами ты не мерь.
Ты – воробей, чирикающий там, внизу.
Мой свет, в айтысе я сразу тебя, поверь!

Досмагамбет

Ой, Джамбул, ты мой Джамбул!
Слово я тебе скажу:
Я – ручей горы высокой,
Молод я и тем горжусь.
Я – камыш, листвою расцвел,
Ты же – блеющий козел,
Ты нарушил мой покой,
Рядом я сижу с тобой,
Слов твоих не разделяя
Чистою своей душой.
Укrotи ты норов свой,
Не тяни за упокой!
Задушу тебя я песней,
Замолчишь, баран седой.
Мой капкан – тебе гроза.
Мигом выпучишь глаза,
Так сдавлю твою я глотку,
Чтоб и слова не сказал.
Факелу подобен я
Ночью около тебя.
Я поэт среди поэтов,
В облаках душа моя!
А твои слова, как ртуть,
Не находят, где прильнуть.
Ты со мной схватился в песне,
О победе позабудь!
Спорить с сильным не берись,
Не догонишь, – не гонись!
Не догонишь, даже плача,
Подтянувшись кушаком,
Ты – откормленная кляча,
Я рожден аргамаком!
Чем же ты меня возьмешь?
Разве лучше ты споешь?
Сам себя, бедняк, погубишь

И отсюда не уйдешь!
В этой схватке побежденным
Ты в отчаянье умрешь.
Не смущайся, – видит бог –
Ты в искусстве очень плох.
Запоешь и убегаешь.
Как настигнутый врасплох.
Смелой схватке ты не рад.
Крыльям сломанным не рад.
Ты, как вор, попавший к вору,
Отдаешь с конем халат.
Ты плох, как Кейкуат,
Плесневелый ты медяк.
И поешь ты кое-как.
Не имеешь даже шапки,
Голоногий ты бедняк.
Нет скота чтобы продать,
Силы нет, чтоб воевать.
Ты – баксы, для мира лишний,
Что тебе еще сказать?
И баксы совсем плохой,
Не справляешься с домброй,
Похудел, бродя в аулах,
Богу лик противен твой!
На злодея ты похож,
Хоть и в род Абаков вхож;
Где ночуешь – неизвестно,
Неизвестно, где живешь!
Про тебя твердит народ:
– Землю русским отдает,
Сам живет в худой землянке,
Оттого и беден род!
Там, где варится сурпа,
Собирается толпа...
Как ночной баксы с кобызом,
Ты поешь, и песнь тупа.
На тебя гляжу скорбя

И горюю тихо я.
Ты, как вылинявший филин,
Сделал бог таким тебя!
Как отважилась родня
За певца признать тебя?
Будь у нас такой бездомный,
Он бы выдохся бродя!
Коль джигит ты – не беги,
Силу к схватке береги,
Размахнись смелее песней,
Чтобы вздрогнули враги,
И отвагой их вали!
Как задиристая баба.
Жар свой даром не пали!
Ой, Джамбул, не торопись,
Я пою, а ты дивись
И вперед не лезь на небо,
Очереди подожди!
Сожаленья не ищи,
Будешь битым – не взыщи!
Кто из нас с победой выйдет –
Спора соль в конце ищи!
Ненасытен в слове ты,
Вижу наготове ты –
До седых волос гогочешь
В песне ж мне неравен ты.
Если в дом твой гость войдет –
Мышь крупинки не найдет,
Захудалого козленка
Нож для гостя не найдет!
Ты ж таким хвастливым стал,
В облаках бы все летал...
Ты б довольствовался лучше
Тем, что бог тебе послал.
По аулам ты юлишь,
На боку беспечно спишь,
Смолоду живешь бродягой,

Чем ты в жизни дорожишь?
Голый на земле лежишь,
Ни седла, ни бегунца,
Ни духовного отца!
Ты с душою беспокойной
Только бродишь без конца.
Все слова твои – зола,
Нет бесспорных, как скала.
У тебя есть только двери,
Нет почетного угла.
Чем ты будешь побеждать?
Нет, в борьбе меня не смять;
Я скала перед тобою
И вершины не видать!
Жизнь твоя вся позади,
Возвращения не жди!
Не боишься ли, несчастный,
Смерть завидев впереди?
Я б добил тебя один,
Но боюсь твоих седин,
Ты сидишь такой горбатый,
Как пастух в кольце теснин.
Слушай, сгорбленный урод,
Как живет мой славный род:

Калибай,

Калдай

с Маманом.

Кто сочтет их тучный скот
Не хватает им земли –
Перешли через Или.
Их стада необозримы,
Как степные ковыли.
Счастье светит над Калдой,
Будто солнце над водой;
Табуны неисчислимы,
И приплод у них двойной,

Шерсть с верблюдов не снимают.
Славен край богатый мой,
И воспеть его, пожалуй,
Слов не хватит, как ни пой!
Пересохла даже глотка,
И язык совсем сухой.
Если ты акын, то пробуй
Так же край прославить свой.
Бедность я зову пороком –
Чем же ты богат, седой?

Джамбул

Так ли, парень, разве так?
Самолюбие Джамбула
Не заденешь ты спроста,
Я послушал хвастовство,
Ты услышишь мастерство!
Песня ввысь моя взлетает,
Будто море закипает,
И слова жемчужин ярче
На волнах своих качает.
Вышел я в словесный бой...
Я сверкну перед тобой
Грозной молнией в раскате,
Потеряешь разум свой
И забудешь про могилу,
Где отец схоронен твой.
Презирая мою бедность,
Разве побеждаешь ты?
Кроме ругани, мальчишка,
Слов других не знаешь ты!
Будто сам ты без изъяна,
Всех не уважаешь ты!
Не хвалился б ты скотом –
Счастье у людей не в том,
А хвалился б ты батыром,

Смело дравшимся с врагом.
У народа скот не в счет,
А батыр, что в бой идет.
Вот краса и честь народа,
Сила, слава и почет.
В смелых подвигах батыра
Счастье черпает народ.
Песня вольная, взлетай!
Воспою я светлый край.
Где рождались батыры
С вольным кличем «Карасай!»
Шел на степь калмыцкий хан
С войском черным, как туман,
Кто его, как дым, развеял,
Кто прогнал через Каган?
Без оглядки хан бежал,
Меч в дороге потерял...
Кто ж прославил степь родную?
Кто народ свой отстоял?
Светлый дар тебе не дан,
Надо мной подняв Коран,
Ты не знаешь кары бога,
Самохвальный мальчуган!
Сам себя лишь мучишь ты,
Старших не научишь ты,
Благодарность от народа –
Знаю – не получишь ты.
Мой батыр врагов сражал,
Их за Ала-Тау гнал,
Свой народ и степь родную
В битве он оберегал
И на солнце он сверкал,
Как отточенный булатный,
Нержавеющий кинжал!
Кто, как он, в пылу огня
С гиком сядет на коня
И помчится в бой, отважный,

Тот мне – первая родня!
Он и славен и суров,
За народ на смерть готов.
Он, как яблоки, снимает
Головы с плечей врагов.
Много ли в родне твоей
Есть таких богатырей?
Если нет, не спорь со мной,
Битый клятвой лиходея!
Ты с трусливою душой
На айтыс пришел со мной.
Сморщенный, седобородый
И с плешивой головой,
Мать с отцом не почитаешь,
С детства глупый и тупой.
Ты бродячая сорока,
Облик мне противен твой.
Зла в себе собрал ты, бедный,
Больше самого себя.
Споров вел немало я,
Видал посильней тебя,
Ты ли победишь меня?
В руки я, Джамбул, беру
Звонколадую домбру,
Много ль ты найдешь шаиrows
В пару к моему костру?
Я – костер, горю в выси,
Буря слов – врага коси!
Ты глупец, возьми хоть искру
И с собою унеси!
Суюмбаю я внимал,
На врагов он налетал,
Из души горячей вынув,
Свое слово, как кинжал.

...День и ночь я в споре был,
Не жалел кипучих сил,

Кулмамбет меня почтенный
В споре том не победил!
В Жалаире и у Тубека
Славен песней я навеки,
Так никто не смел тягаться,
Зная силу в человеке!
И с того большого дня,
Как Джамбул сел на коня,
Остается он Джамбулом,
Честь высокую храня.
Я с народом вместе жил,
Честно я ему служил,
И народ меня за это
Осчастливил, полюбил.
Ты слюну напрасно льешь.
Криком много не возьмешь,
Я наставник твой, но вижу:
Ты меня не признаешь.
Коль в искусстве ты знаток,
Как же смел и как ты мог
Без почтительного слова
Приходить на мой порог?
Как мулла в народ обманом,
Прикрывался Кораном,
С песней ложною идешь,
Ты, беснуясь, горлом драным
Лечишь наговором раны.
Ты с муллою этим схож.
На змею мулла похож!
Если ж силою богат,
Покажи ее стократ,
Засучив рукав повыше.
Ну, а я тебе – не сват.
Ты, как пигалица, хил,
Я же – сокол, полный сил,
Шел бы ты своей дорогой,
Говорить бы не спешил!

Силы ты не рассчитал.
От упорства бледен стал.
Ты б сынов Абака в помощь
При беде своей позвал!
Эхом горным соколиным
Голос мой передадут
Ала-Тауские долины
В состязании акынов.
И в могучем этом пенье
Ты услышишь вдохновенье,
А моей, мулла лукавый,
Не увидишь даже тени!
Я взгляну – и ты дрожишь,
Весь от злобы ты кипишь,
Моего обидев деда,
Ты живьем в огне сгоришь!
Ты толково говори –
В пухлом слове пользы нет,
Лишь в отборном – ум и свет,
И о баях, и о бедных
Ты мне ясный дай ответ.
Вот тогда народ узнает,
Кто побит и кто поэт!

Клад народа – это я,
Речь народа – это я,
А меня ты нищим кличешь,
Ты клеветешь на меня!
В смелом споре,
В смелой схватке
Размахнусь я, ложь разя,
И душа твоя худая
Мигом выйдет из тебя!

Не скотина ты – слепой,
Ты поешь за упокой,
Для покойников читаешь

Ты псалом отходный свой,
Откупные ты собираешь
За грехи с души живой.
Темный люд ты обираешь,
Шарлатан и вор святой.
Ты кряхтел, едва шагал,
Если бедный умирал,
А на похороны бая
Ты, как гончий пес, бежал.

Не дурак в расчетах ты
День и ночь работал ты,
Пел Коран над богатеем
До седьмого пота ты.
Сколько зла мулла несет,
На обмане он живет,
Лишь злодей муллу уважит,
А народ муллу клянет!

Досмагамбет

Очередь пришла моя,
Выслушай, Джамбул, меня.
Знатный мой скакун Джамбул,
Шесть десятков проживя,
Как Дарья разлился ты
И угомонился ты!
Не вина, что я мулла
И тебя, Джамбул, без зла
Приобщил к Познанию бога,
Разве в том беда была?
Мулл поносишь рьяно ты,
Не познал Корана ты,
В том расквешься, невежда,
Поздно или рано ты.
Скот мулла не зря берет,
Право бог на то дает,
Не мулла ли управляет

В место райское народ?
Этот дар мне богом дан,
Не таращь глаза, буян,
Ты ж у сатаны учился
Поносить святой Коран!
Ты пропащий человек,
В порче слов проводишь век.
Говорю я снова: Знатен
Жалаир, почтенный бек.
Родом знатным я горжусь,
Слов возвышенных держусь,
Об Абаке и Тараке
Тоже что-нибудь скажу.
Род Дулата разберем: ,
Мы его не перечтем:
Муравейнику подобен,
А какая польза в нем?
И в Мерке их жизнь пуста,
И в Аулие-Ата,
И в Чимкенте вся их пища
Лишь бузою и густа.
Будто ветер злой занес
Их на каменный утес,
Все повыпеклись на солнце,
Все девицы без волос.
И от злости все дрожат,
С бозахарами дружат,
Ближний ближнего боится,
Ненавидит брата брат.
По ту сторону Мерке
Твои родичи в песке
Понастроили зимовок
И живут в глухой тоске.
Их богатство с давних пор –
Пять курчат на каждый двор.
А придет зима – и возят
По кусочку камень с гор,

На базаре продают
За пятак и очень рады,
Будто золото берут.
А теперь взгляни, Жаке:
С этой стороны Мерке
В хлебоделы записались,
Все у русских в кулаке.
Ты о прошлом говоришь,
Свою душу веселишь,
Хвастовство твое напрасно,
Если лучше поглядишь.
Прежних нет богатырей –
Спят в могильниках степей.
Боль-надежду не тревожь ты
И о прошлом петь не смей.
А теперь живется как?
Разрушая наш очаг,
Ополчась походом, враг.
Захватил родные земли,
Ты, скажи, Джамбул-акын,
Есть ли у Абака сын,
Чтобы мог спасти народ твой
В тягостную из годин?
От тебя не отступлюсь,
Без испуга в схватку рвусь,
Обогнать себя не дам я,
Ты – скакун, я тоже мчусь!
Силу я в руках собрал,
Я мечом алмазным стал –
Нет такого, чтобы в схватке
Мой удар не убивал.
Дряхл ты и бестолков,
Задних нет уже зубов.
Укрепи свои суставы,
Ноги выпрями без слов,
Коль в айтысе ищешь славы
И награду взять готов.

Я на спор тебя не звал,
Ты приехал, сам напал;
Много видел я акынов,
Но такого не видал.
Ты, Джамбул мой, не кичись,
Песню петь не торопись,
Дочь свою продав калеке,
Ты в беду не попадись!
Беден, беден твой народ!
Рыба, что кладу я в рот,
Хуже ли того, кто тихо
Дочь за деньги отдает?
В скакуны ты не тянись,
Сотни вас, зазнаек гордых,
Ты не первый, не гордись,
Вы, как змеи, расползлись.
Чем ты славен, чем богат?
Продав девушку и рад,
Твой джигит один пригожий
Опозорил весь Дулат!
Алпыспай твой водку пьет,
В русском доме он живет,
Деревянный стол поставил
И сидит, свинину жрет.
Ты – Абака бегунец,
У Тарака я – певец,
Где же есть такой обычай?
Отвечай же наконец!
В Каскелене твой джигит
В кабаке весь день сидит,
Если водки он не выпьет,
Голова его болит.
Возглавляющий твой род
Рядом с городом живет,
Всех поборами он душит,
Плачет от него народ;
Покрывая долг начальству,

Свою землю продает.
Азраил твой отличился –
На родной сестре женился,
Род Дулата возмутился.
Тем неслыханным злодейством
Вот на том кончаю я,
Хватит этого с тебя,
Справедливость знает меру,
И границу знаю я.

Джамбул

Ты, беспутный Жалаир,
Если твой безгрешен мир,
Почему же любит водку
Кожакан, святой шаир?
Все святые, весь твой род
Кличут беды на народ,
Если муллы лезут в беки,
Степь покоя не найдет.
В сыновьях отцов богатых
Мечь запретная живет,
А муллу с душой нечистой
Сатаной народ зовет.
Кожакан был волостным,
В Мекку съездил – стал святым,
Пьет бузу, лакает водку.
Как на это смотришь ты?
Стал хаджи, нашел почет,
Взятки сотнями берет,
Белоручка и бездельник
На чужой спине живет,
Грабит всех кого попало
И судьей себя зовет.
Разве будет люд счастлив,
Если вождь несправедлив?
Враг вломиться не посмеет,

Коль батыром сын рожден,
Если этот сын умеет
Постоять за честь племен!
Если ты в удаче плох,
Не поможет тебе бог,
Моей пыли не увидишь,
Хоть разбей суставы ног!
Торт-тулик имею я,
У тебя ж в сугум – свинья.
Разве так по шариату?
Ты не знаешь – знаю я.
Койшыбая дед, Калдай,
Бай и первый скупердяй.
Воробья зерном обидел.
Вот и честь ему отдай!
Мог ли этот честно жить?
Скот не мог он различить,
Что запретно в шариате.
Слушай дальше... Ты молчишь?
В холе девушек растишь
До поры, пока заедет
В твой аул торговый ниш.
Он товар тебе подарит,
С дочками твоими спит,
Наслаждается мошенник
И в обратный путь спешит!
Ты, мулла, злодею сват,
Страсть свою насытив, рад,
Отведешь глаза народу,
Сам же канешь, будто в воду.
Вот давай поговорим.
Что о ханстве мне известно,
Ничего не утаим!
Хан народ клещами сжал
Разорил, обворовал.
Кровь и слезы льются густо,
Кто же хану помогал

Стать владыкою степей?
Посадил его злодей
С черной кровью, с черным сердцем,
И к нему с нуждой своей
Обратиться не посмей
Если жалобу имеешь,
Не найдешь ответа ей!
Весь свой скот народ зарезал,
Коз, коров и лошадей,
Ненасытному в угоду,
Чтобы был злодей добрей.
Где твой нар, что выюк таскал?
Силой он его забрал,
Стариков заставил плакать,
Мольбам женщин не внимал.
Говорил он, змей поганный: –
Таково веленье хана!
Земли наши сузил он,
В Бухару собрался он.
А почтенные мужи
Шли к нему и, как ужи,
Называли алдияром...
Им ли честью дорожить?
Как стервятник, рвущий падаль,
Каждый в ноги ему падал,
Край свой бросили врагам
Что еще бесчестным надо?
Чернокровный тот злодей
На спине сидел твоей,
И не смел ты даже пикнуть,
Боли высказать своей.
Хану был покорен ты.
В смелом честном споре ты
Свой народ не защитил,
Стал слугой при воре ты.
Что ж ты власть себе не взял?
Где святой твой пропадал?

Бий же ваш, Ескелди
В кабалу народ отдал.
Свой народ он не любил,
Он в крови его умыл.
Горем, голодом, слезами
Он аулы наделил!
Спорить ты со мной кончай,
Ты халат с конем спасай
И к себе, мой сват, скорее
Поздорову уезжай.
Балгалы – твой дед, и он
В Жалаире был рожден,
Может, ты его богатства
Нынче выставишь на кон?
Коль богат ты, старый плут,
Что же ходишь, ищешь тут?
Жалаира каргалинцы
«Битым клятвою» зовут.
Правда мне в словах мила,
Только вижу ты, мулла,
Не живешь в согласье с правдой,
Полный желчи, полный зла.
Кто из сильных пожелает,
Чтоб отделившись от баев,
Стала сильной беднота?
Бай того не пожелает!
Ты не можешь ли сказать
Про Мамана и Кольбая?
Ты не прячь от них глаза,
Жалаир-Кушик мурза
О себе одном болеет,
Бедноту он не жалеет.
Чтоб Маман не наказал.
Перед ним он робко блеет,
Сильному противоречить
Сил тщедушный не имеет...
Мы зовем клеветниками

Тех, кто знается с волками
И раздор в народе сеет.

Пристав, князь и волостной
Бай, манап, судья с муллой
Целый свет заставят плакать
Кто же есть у вас такой,
Чтобы вышел смелый в бой,
Чтобы мог отпором встретить?
Я, старик, прошу ответить,
Говори, болтун худой,
Называемый муллой!
Что же смотришь ты несмело?
Нет ответа, спесь заела?
Ну, тогда совет послушай:
Не в свое не суйся дело!
Посмотри, глаза раскрой,
Не сравнишься ты со мной,
Я пою – хозяин слова,
В споре честный и прямой,
И таким, как ты, акынам
Душу лечит голос мой!
Если песней разольюсь,
Половодьем я кажусь,
Если многого не знаешь,
Слушай дальше, я скажу!
Если голову бесчестишь,
От людей не будет чести,
И тебя не похоронят,
Будешь гнить с халатом вместе.

Если ты не ошалел,
Как народ ругать посмел?
Ну, а если не двуличный,
Почему для баев пел?

Хана хвалишь ты, а он
Жмет народ со всех сторон,

Вместе с баями своими
Он ворует наших жен!
Ненавидимый в аулах,
Хан презреньем окружен!

Ты же хана превознес,
Ты ему как верный пес.
У тебя, лукавый, взятки
Больше, чем твоих волос,
У тебя, разбойник старый,
Всех грехов не сосчитаешь,
Ты себя не оправдаешь,
Ты лишь воздух отравляешь
И напрасно обе щеки
Ты от злости раздуваешь.
Не подумав, говоришь,
И с вопросами спешишь,
Лезешь спорить о героях,
А прижмут – и замолчишь.
Закипает мой народ,
Совещаться он идет,
В благородном этом гневе
Он не мужество ль берет?
Лишь герой народ спасает,
Местью он позор смывает,
А земли большую жажду
Бурный ливень утоляет.
Тучу грозную, густую.
Только буря разгоняет.
Всех врагов народ побьет,
Солнце яркое взойдет.
В пламенеющем восходе
С Ала-Тауских высот
Клич раздастся соколиный,
И алмазный меч сверкнет,
Степь родившегося сына
Карасаем назовет!

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С ШАШУБАЕМ

Шашубай

Остер и находчив акына язык,
Он песни слагать без задержки привык.
Здоровы ль батыры степей Джетысу,
По-прежнему ль ты, Байбулан, светлолик?

Повсюду известен певец Шашубай.
Сердечный привет, как письмо прочитай.
Я рад, что нам встретиться здесь привелось.
Здоровы ль батыры степей, Буланбай?

Сатим, мой батыр, ты меня узнаешь?
Ты лучше болысов и беков живешь,
Ты соколом от Найзабека рожден,
Начало ты от Есенгула берешь.

А дед твой Жаныс не украсил ли род?
Его наградил уваженьем народ.
Нечасто бывает у вас Шашубай –
Певец у далекого взморья живет.

Как смерч на ветру, беспокойный я вьюсь.
Не сделано мной ничего, – признаюсь.
Я – Средней орды соловей. Горячусь,
В горячке находчивей я становлюсь.

Я вижу Абдана, пришел и Жайнак,
Сатим величавый пришел и Абак.
От них в восхищении я, Шашубай,
И песня для них начинается так:

Из Средней орды переход мой немал,
В пути восемнадцатидневном шагал.
Добрался едва. Песню сложил в пути
И лучших людей Джетысу увидал.

На долгие здравствовать вам времена,
В байге не догнать моего скакуна.
Мы весело время проводим. Душа
И былью и небылью восхищена.

Базару вечернему скоро конец,
Но разве в азарте замолкнет певец?
Края мои – Каркаралы, Акмола,
На песни о них Шашубай не скупец.

Стремительно мчусь я и песне своей,
И здесь среди вас повстречал я друзей.
Я – резвый скакун, обгонявший толпу,
В кругу вашем тесном один из гостей.

И все нипочем, если он на скаку,
Горячему рыжему аргамаку.
Я сладость в скитаниях дальних вкусил,
Как смерть я взвиваюсь, на слово не скуп.

Меня Шашубаем зовут, и на той
По прихоти судеб я прибыл с домброй.
Здесь дух моих предков издревле живет.
Народ Семиречья здоров ли родной?

В здоровье ли славный жигит Сарижан?
И ты, мой почтенный батыр Саймасай?
На льду аргамак без подковы скользит,
Я песней подкован, и голос мне дан!

Голодный, гонимый ваш род не сдает,
Как щука, он против течения плывет.
Вам ведомо много о разных краях...
Здоровы ль Манке, Алпыспай? Им почет.

Меня попросили – и заговорил.
Бог песенным даром меня наделил.

Устроил нам дружеский пир Байбулан,
Он лучших сынов Алматы пригласил.

Знайте же имя мое – Шашубай,
В ауле я нищий, а в песне, как бай.
Вся Средняя сотня просит меня:
«Нам песню веселья скорее давай».

На пули бросался батыр Суранши,
А я не жалею для песен души.
Скажи, Буланбай, не найдется ль акын,
Чтоб в песне со мной состязаться решил?

Джамбула какого-то хвалите вы,
Запрятав его, не печалитесь вы?
Коль ты не доставишь его, Байбулан,
То честь Семиречья запятнаете вы...

Э, Средняя сотня Большой не чета –
Ведь сотня Большая травой лишь сыта.
А Средняя сотня трехдневный кумыс
В богатых своих попивает местах.

Э, Средняя сотня богата, сильна,
Призы на байге – для ее скакуна.
Для всех самоваров наваристый чай
Везет из Ирбита тюками она.

У сотни Большой и скакун на беду
Короткохвост и не скор на ходу.
На кашу густую, известно давно.
Обиделась сотня Большая, к стыду.

Э, Средняя сотня и в славе сильней:
Есть четверо знатных ее сыновей.
Они друг от друга, считай-ка, народ,
На расстоянии десяти дней.

Я Среднюю сотню с Большой не сравню,
Скакун из народа – я всех обгоню.
Повсюду несет Шашубай-соловей
Непобедимую песню свою.

Гонца за Джамбулом пошли, Байбулан,
Подкованный и быстроногий кулан
Достоин, чтоб в улицах тесных ему
Промчатся. Зовите и его на котан.

Я Среднюю сотню в словах вознесу,
Вы, люди, чиновные из Джетысу,
Теряться зачем? Коль Джамбул ваш – акын.
Пусть явится он, пусть домбру принесет.

Как Сейтбаталла в храброй схватке с Али,
Мы скрестим в айтысе напевы свои,
А в песнях нам много есть что рассказать.
Скорей, Байбулан, ты Джамбула зови.

*Байбулан посылает за Джамбулом. Акын приезжает.
Гости на пиру у бая хмельны от выпитой водки.
Шашубай также разгорячен вином. Увидев Джамбула,
он поет:*

Поет Шашубай, не боясь никогда,
Он сборищ подобных немало видал,
Но кто это там с деревяшкой в руках.
Подогнанный мукой, явился сюда?

Один из присутствующих на пиру отвечает Шашубаю: «Вот это и есть тот самый Джамбул, которого ты пригласил». Шашубай обрушивается на Джамбула следующей песней:

Хребты Ала-Тау достают облака.
Несчастный, придавлен ты днем роковым,
Они величавы, и степь широка.
Один Шашубай запекает пока.

Здоров ли, Джамбул? В Семиречье живешь.
Ты мастером песен не с детства ль слывешь?
Молчишь, будто чем-то придавленный ты?!
Чтоб бог тебя взял, видно, этого ждешь?

Я, водкою разгоряченный, готов
Нанизывать жемчуг сверкающих слов,
А ты овдовевшей подобен жене,
Язык развяжи, если к песне толков.

Мне ль Среднюю сотней не дорожить?
Привыкли в ней родичи беками жить.
О-ей, Шашубай, ты силу свою
К седлу поскорей, как халат, привяжи.

Известно мне все, моя кровь горяча,
Как сокол, блистаю я в смелых речах.
А здесь превозносят, я знаю, тебя,
Пригодного на мышей лишь сыча.

На севере славил родню я свою,
У вас, в Джетысу, я о ханах пою.
Рассердишься, небо возьми опрокинь,
Коль можешь на голову ты мою.

Мой светик, Джамбул, Шашубая узнал?
Я палкою Асай-Мусай стал.
Пока Турлыбек с Барлыбеком живут,
Не страшен мне, вольному, и генерал.

Я песней подкован на славу. Я рад,
Слова моих песен несутся впопад.
Курносы твои Байбатша и Манке,
А Сами, мне кажется, подслеповат.

Сошлись же такие на той из низин!
Смотреть на вас страшно. С изъязном один,

Другой плохоносый, а третий слепой
И где вы набрали таких образин!

Джамбул

Ты бродяга, не акын.
На вершину из вершин
Вознамерился взобраться
Вспетушившийся Аргын.

Трепку я тебе задам.
По рукам и по ногам
Я свяжу тебя, дурного,
И вздохнуть тебе не дам.

У народа я – скакун,
Ты ж – бродяга и хвастун,
Бесприютный, босоногий,
Как сорока на кусту.

Задыхаясь, брел ко мне
Ты в дырявом чапане.
Как бы палка не прошлася
По худой твоей спине!

Стрелы смерти всюду злы,
Не спасет и щит скалы.
Беспощаден он и грозен
Заостренный клюв стрелы.

Благоденствует мой край,
Ты его не задирай,
Ты провалишься с позором,
Недостойный Шашубай.

Шашубай

Аргына не трогай, он старший твой брат.
Дорогу тебе проложил он стократ.

Землей бы засыпал я глотку твою
За то, что ты в песнях Аргыну не рад.

Слова мои льются смелы и остры,
У беков моих – золотые шатры!
Себя восхваляя, ты не горячись,
С оглядкою пой ты, Джамбул, до поры.

За словом, батыр, ты позорче следи,
Посмотрим, кто в песне из нас победит!
Свое состязание мы завершим,
Посмотрим, чей будет скакун впереди.

Неплохо живет в наши дни Буланбай,
Ест жирное мясо, пьет с сахаром чай.
Чиновный Бакия, Барлибек, Турлибек
С ним вместе. Богатства их хоть отбавляй...

Мечты Семиречья сбылись давно:
Над сотней Большой баи властны давно,
Над вами они, управляя, сидят,
Сияние славных повсюду видно.

Находит для песни слова Шашубай,
На них ты, мой милый, скорей отвечай.
Богатства степные мои велики,
Ты легок, Джамбул, словно выпитый чай.

Живу я в далекой родной Акмоле,
Искусством на много прославился лет,
И мне недоноском не быть в Джетысу –
Я вихрями песен лечу по земле.

Богач твой нашелся ль? Его покажи,
Сравнится ль он с Байбуланом, скажи?
Джамбул, ты задорист, но песня твоя
За песней моей спотыкаясь бежит!

Я бег твой напористый остановлю,
Я золото с уст в состязании лью.
А ты овдовевшей подобен жене,
Я глотку тебе, как птенцу, придавлю.

Джамбул

Пусть Джамбул заговорит,
Он, как ветер, загудит.
Кто в горячке зазнается,
Никогда не победит.

Как бы глотку ты ни рвал,
Сам себя ни восхвалял, —
Для тебя, батыр, я всюду
Недоступный перевал.

Мои песни горячи,
Золотые в них лучи,
Я подобен океану:
Слушай песни и молчи!

Я, как Волга, как Яик,
Дар мой песенный велик.
Кораблю, что режет волны,
Он подобен, мой язык.

Пусть народ расценит нас,
По заслугам пусть воздаст
Он хвалу тому акыну,
Чей мудрее будет сказ.

В лучших людях Джетысу
Вижу я степей красу.
Вот они сидят со мною,
Их я в песнях вознесу.

Ты напрасно, милый мой,
На айтыс дерзнул со мной.

Подыскал бы ты скорее
Лучше равного с собой!

Будет песней славен той,
Песней смелой и большой,
Я, как молния, ударю
И хребет сломаю твой...

Я в Большой орде один
Карасая вольный сын.
Карасай – мой клич и знамя
Семиреченских долин!

Я повсюду знаменит,
Я ковер, что степью сшит
Из живых цветов и песен.
Мой язык, как меч, разит.

Я, как буря, налечу,
Руки я тебе скручу
И, не дав шагнуть зазнайке,
При народе проучу.

Я – историк вольных слов.
Руку ты к гнезду орлов
Не протягивай, вспьяненный
Хмелем байских турсуков.

Байбулана славить ты,
Много зла оставишь ты.
Байбулана, как я вижу,
Хорошо не знаешь ты.

Он приехал к нам босой,
Хромоногий и косой,
Он на пегой серой кляче
Хитрой выглядел лисой.

Он приехал на Тастак,
Снял оборванный тумак
И на пустоши построил
Он лачужку кое-как.

Сладость он у нас вкусил,
Года три у нас он жил.
К нам нужда его загнала,
Знаешь кем он раньше был?

Он повсюду с давних пор
Слыл как самый первый вор.
К нам приехал и в лачуге
Наточил он свой топор,

Шкуры крал, потом сбывал,
Нас он всех обворовал,
И завел свое богатство
Возгордившийся шакал.

Не хвались ты, Шашубай,
Старый вор твой Буланбай.
Ты следи за словом в песне,
Вора ты не прославляй!

Шашубай, опомнись, друг.
Есть примета, милый друг,
Что к недугу темный знахарь
Прибавляет свой недуг!

Ты из кожи лезешь вон,
Ты в чиновников влюблен.
К Бакии и Барлибеку
Ты приходишь на поклон.

О несчастный! Навсегда
Ты сгоришь в огне стыда.
Не тебя ль шакалы эти
Всюду грабили всегда!

УТЕГЕН-БАТЫР

Вольно, просторно, вдохновенно,
Как арык играет пеной,
Я, Джамбул, пою поэму
Про батыра Утегена.

Я не сам ее слагаю,
Где я взял ее – не знаю.
Мне ее пропели ветры,
Что степями пролетают.

В криках дикого оленя,
В соловьином нежном пенье,
В гордом клекоте орлином
Я слышал об Утегене.

В плеске волн и в шумной пене,
В тихих шелестах растений,
У зари, у звезд падучих
Я узнал об Утегене.

По горам и по долинам
Я бродил, аул покинув,
И слышал об Утегене
От жырши и от акынов.

Век за веком шли бессменно,
Но хранила Утегена
Память нашего народа,
Что бессмертна и нетленна.

Я домбру звенеть заставлю,
Утегена я прославлю,

Но к народному преданью
Я ни слова не добавлю.

Не лукавя, буду петь я,
Чтобы встал в правдивом свете
Этот образ величавый,
Пронесенный сквозь столетья.

Утеген родился летом,
Теплой ночью пред рассветом,
В Джетысу, в роду Дулата
И в семействе Сырымбета.

Ветры теплыми ночами
Колыбель его качали.
Два крутых, упрямых рога
Ясный лоб его венчали.

С детства счастье с ним дружило.
Говорили старожилы,
Что рога его крутые
Верный знак батырской силы.

Светлый ум и жар стремлений
Покоряли в Утегене.
Статный, гордый и красивый,
Был похож он на оленя.

Развились в батыре рано
Ловкость барса, слух джейрана,
Зренье беркута и сила
Непокорного арстана.

Был он первым среди сотен
На байге и на охоте,
А в кругу друзей на тое
Весел, прост и беззаботен.

Так, как любят мать родную,
Он любил страну степную,
Горечь трав, цветов дыханье,
Жизнь казахов кочевую.

Джетысу, земля казахов,
Знала много бед и страхов
И была залита кровью
Человеческой, как плаха.

Споры в тех краях решались
Силой мускулов и стали.
И киргизы, и калмыки,
И казахи враждовали.

Сабли острые свистели,
Кони ржали, стрелы пели.
К свежим трупам после сечи
С криком коршуны летели.

В восемнадцатом столетье
Степь постигло лихолетье:
Белый царь грозил походом,
Кандалы суля и плети.

Над кочевьями, как птицы,
Вились крыльями зарницы.
И в зловещих предсказаниях
Быль сплеталась с небылицей.

Стоны плыли над степями,
Над джайляу, над горами:
«Джетысу к царю отходит.
Горе нам! Что будет с нами?»

В Утегене зазвучали
Струны гнева и печали,

Но в огне беды народной
Воля стала тверже стали.

То, о чем не знали люди,
Утеген, бывало, судит –
Он имел в себе чудесный
Дар предвидеть то, что будет.

Он предвидел: царь с ордою
Кровь в степях прольет рекою,
И народ родной застонет
Под тяжелою пятою.

Ханы хитростью богаты.
Предадут народ за плату –
За кокарды, за медали,
За парчовые халаты.

Страху он не предавался,
Только силы набирался
И в далекие походы
Терпеливо собирался.

И когда закончил сборы.
Засверкал орлиным взором.
Как батыр повел с народом
Он такие разговоры:

«Мой объятый тревогой народ,
Белый царь собирает поход.
В Джетысу его войско придет
И казахов в бою разобьет.

Кровь жигитов он хищно прольет.
Жен и девушек в плен уведет.
Скот угонит и землю возьмет,
Оттеснит тебя, бедный народ,

В глубь страны, где трава не растет.
Где лишь солнце с бескрайних высот
Беспощадно и гневно печет,
Где вода и весной не течет.

Где лишь огненный ветер плывет
И песок по барханам ползет.
Где мираж над песками цветет,
Обещая журчание вод.

Кто же к призрачным водам пойдет –
Тот могилу в пустыне найдет.
Мое сердце тревога берет –
Неизбежен царя к нам приход.

Кто из вас в себе силы найдет
Разорвать в себе паутину дремот?
Кто коней в табуне отберет
И пойдет с Утегеном в поход?

Утегена не слава влечет
И не кровью добытый почет –
Утеген целый свет обойдет,
Но удобные земли найдет.

Где вода ключевая течет,
Где трава, зацветая, растет,
Где невиданный даст приплод
Потучневший на пастбищах скот.

Где вздохнет от беды и невзгод,
Где забудет насилье и гнет
И заветное счастье найдет
Мой любимый казахский народ».

Смолк батыр, зовущий к славе,
На коне седло поправил.

Речью жаркою он многих
Призадуматься заставил.

Речь держал он не напрасно,
Призывая в путь опасный.
Вышли пятьдесят жигитов
И сказали: «Мы согласны».

Сразу смолкли разговоры,
Сникли ссоры, стихли споры,
Зазвучали причитанья,
Начались в кибитках сборы.

Утеген для нужд похода ,
Взял с собою много меда,
Чая, риса, белой соли,
Чтоб хватило на два года.

Взял табун коней ретивых,
Тонконогих, длинногривых.
Как жигиты, огнеглазых,
И, как девушки, красивых.

Звонко цокнули копыта –
Начал путь батыр со свитой,
Воздух подвигов вдохнули
Утеген и с ним жигиты.

Пылью путников встречая,
Шла дорога в царство чая,
На восток, где солнце всходит,
В земли желтого Китая.

Ехали, как едут в Мекку,
Через горы, через реки.
Наконец предстал их взорам
Золотой от солнца Пекин.

Там, как пышные павлины,
Восседали мандарины.
На полях под жарким солнцем
Земледельцы гнули спины.

И земли там мало было,
А людей так много было.
Что в глазах у Утегена
С непривычки зарябило.

Там народ, терпя невзгоды,
Вел борьбу за рис и воду.
Места не было в Китае
Для казахского народа.

Хоть жигиты утомились.
Пылью серою покрылись.
Не найдя земли заветной.
Все ж в обратный путь пустились.

Степи, горы, перевалы.
Свет от звезд да тень от тала.
В Утегене и жигитах
Сила волн не упала.

Путь они держали долго...
Наконец, в долине волглой
Запылал большим пожаром
Широко закат над Волгой.

Вот отсюда в путь разбоя
Белый царь пойдет с ордою.
Чтоб казахские кочевья
Сделать вечною тюрьмою.

Жаден царь, свиреп и страшен,
Табуны угонит наши,

Уведет с собой в неволю
Стройных девушек-казашек.

«Дальше, дальше!» – крикнул страстно
Утеген, и окрик властный
Послужил для всех сигналом
Продолжать поход опасный.

Снова горы-перевалы,
Ветер горький, одичалый.
Где кибитка Утегена
В эти дни не побывала!

Утеген бродил по свету
В стужу зим и знойным летом.
Как Коркыт, домбрист чудесный,
В песнях родины воспетый.

Розоватой росной рванью
Гасло в небе звезд сиянье.
В земли бедные хазаров
Привело его скитанье.

Увидал вожак похода:
Тоши травы, ржавы воды...
Нет и здесь земель привольных
Для казахского народа.

Накормив коней досыта,
Наварив побольше жита,
Утеген неутомимый
К Актюбе повел жигитов.

Кони тронулись, гарцуя.
Словно жар, горела сбруя,
И отточенные сабли
Засияли, словно струи.

Степи, балки, перевалы,
Дальний крик гусей усталых...
Как серебряные слитки,
Актюба им засверкала.

И тогда косем упорный,
От дорожной пыли черный,
Приказал разбить кибитки
У реки в степи просторной.

Сел косем. Река бежала,
Степь прохладой дышала.
И кумыс струей душистой
Лился, горло освежая.

Утеген молчал. Как птицы
Мысли легкой вереницей
Отгоняли сон и дрему,
Трепетали, как зарницы.

«Я жену оставил дома,
И, пространствами влекомый,
Как Коркыт, в степях скитаюсь
В блеске молний, в гулах грома.

Но народ родной люблю я,
Землю для него найду я,
И земля удобной будет,
Как коню седло и сбруя».

Так он думал, и молчали
Степи, полные печали.
Под шатром ночного неба,
Утомясь, жигиты спали.

Месяц строен был и тонок,
Как красивый жеребенок.

Он по звездному джайляу
Набирался сил для гонок.

Тишина весь мир обвила.
И, казалось, слышно было,
Как звезда с другой звездой
Тихо в небе говорила.

Вдруг все травы зашумели,
Кони жарко захрапели,
И жигиты, просыпаясь,
Поднялись с своих постелей.

И почувствовали сразу,
Как тлетворную заразу,
Душный, чадный запах гнили,
Не дающий видеть глазу.

Запах едкий и смердящий,
Словно дым кошмы горящей,
Слезы вызвал у жигитов,
В темном ужасе дрожащих.

Тяжело дышать им стало,
Сердце каждого шептало:
«Ой-бай-яй! На чужбине
Смерть меня подстерегала».

Все жигиты вокруг косома
Собрались, от страха немые,
И один жигит промолвил:
«В эту ночь погибнем все мы».

Утеген, стрелок отличный,
К бедам с юности привычный,
Не дрожал, не волновался,
Вид имел совсем обычный.

Как батыр, прошедший войны,
Уважения достойный,
Утеген сказал жигитам
Тоном ровным и спокойным:

Клубы гнилостного пара –
Это запах айдахара,
Но чудовище, должно быть,
Не затеет с нами свары.

Айдахар пришел к нам сытым,
Где-нибудь поодаль спит он.
Подождем. А страх впустую
Непристойен для жигита!

Будь он зол – давно напал бы,
Растерзал и всех сожрал бы,
Как пылинка пред горою.
Пред чудовищем мы слабы.

Если ж нас он не тревожит,
Значит, можем мы спокойно
Отдыхать под синим небом,
Положив на землю войлок.

Задымит восток пожаром,
Мы увидим айдахара.
Я его повадки знаю,
Он пришел сюда недаром».

Безотчетный темный ужас
Поселил в жигитах стужу,
Утро ясное им стало
Черной, страшной ночи хуже.

Тряс коней смертельный ужас,
Круг сжимался уже, уже,

И моча коней дымилась
Кровяной багровой лужей.

Утеген, батыр казахов,
Без сомнения и страха,
Даже брови не нахмурил,
Сел в седло свое с размаху.

С видом гордого батыра.
Кто хранит желанья мира,
Он подъехал к айдахару,
Как такыр в аул к таксыру.

Осадил батыр тулпара,
Грозен вид у айдахара.
Он дышал, и жаркий ветер
Из ноздрей клубился паром.

Вид горы большой имело,
Было влажно и блестело,
Вздыбленной сто раз волною
Громоздилось его тело.

Он пестрел, лучом пригретый,
Шерстью всех цветов одетый,
Два стеклянных мертвых глаза
Зеленели тусклым светом.

Приготовившись к удару,
Глаз рукой закрыв тулпару,
Утеген сказал спокойно,
Обращаясь к айдахару:

«Эй, чудовище, мощен твой род!
Ты лежишь, подперев небосвод.
В твой аул разъятый дымящийся рот
Весь табун лошадиный уйдет.

Твой тяжелый медлительный ход
Степь от края до края трясет.
Почему ты закрыл нам проход,
Не пускаешь жигитов вперед?

Я – батыр Утеген. Мой народ
В Джетысу изумрудном живет.
Я пустился в далекий поход,
Как орел в поднебесный полет.

Меня знойное солнце печет,
Меня дождь беспощадно сечет,
Суховой меня пламенем жжет
И песком набивает мне рот.

Я брожу не один уже год
Средь степей, диких гор и болот,
И где желтого солнца восход,
И где красного солнца заход.

Я ищу не один уже год
Край, где жизнь без насилья цветет,
Где родной мой казахский народ
Землю, воду и счастье найдет.

Ведь печаль в твоём сердце живет,
Как во мне. Дай свободный проход.
Новый путь меня властно влечет,
И народ моих подвигов ждёт...»

Приоткрыв глаза и уши,
Айдахар батыра слушал,
Развалиясь цветисто-пестрой,
Как гора, огромной тушей.

Он одобрил в Утегене
Смелость, ум и жар стремлений

И, собрав все тело в складки,
Дал дорогу в две сажени.

Солнцем радости облиты,
Поскакали в путь жигиты,
Страх и горе темной ночи
Были сразу позабыты.

Но шесть верст не проскакали,
Словно вкопанные встали –
Снова прямо пред собою
Айдахара увидали.

Утеген, грозы суровой,
Меч для битвы приготовил
И к чудовищу подъехал,
Смоляные хмуря брови.

А чудовище лежало,
Воздух свистом оглашало,
По земле хвостиком било
Так, что степь под ним дрожала.

Брызжась яростно и гневно
Ядовитой теплой пеной,
Айдахар стремился в горы,
Увлекая Утегена.

Утеген с надежной свитой
Из пяти своих жигитов
В горы синие поехал
За чудовищем сердитым.

Перед их спокойным взглядом
Встали дикие громады.
С гор спадали в блеске радуг
Два кипящих водопада.

А в седых горах открылся
Вход в пещеру. Пар клубился.
Айдахар перед пещерой,
Задрожав, остановился.

Утеген подъехал ближе
К валунам, что пена лижет,
И, блеснув ружьем на солнце,
Подал знак: «Входи! Входи же!»

Айдахар вошел и воем
Известил начало боя
Шум и свист, и хруст, и скрежет
Стали слышны под землю.

Утеген был наготове –
Смел, могуч и хладнокровен.
Бой затих. На воздух вышел
Айдахар, залитый кровью.

После этой страшной сечи
Айдахар боялся встречи,
Но батыр тут обратился
К айдахару с тихой речью:

«Смой водою крови пятна
И скорей ступай обратно.
Выгоняй врага смелее –
Я готов на подвиг ратный».

Айдахар ушел. И снова
Вой и скрежет с силой новой
Раздались, и из пещеры
Кровь пошла рекой багровой.

Появились в клубах пара
Два свирепых айдахара,

Нанося друг другу в гневе
Беспощадные удары.

Был один из них моложе –
Белоклыкий, пестрокожий,
Он хотел отбить пещеру
Ту, где старый юность прожил.

Бил он старого клыками,
Злобно рвал его когтями,
Старый, кровью истекая,
Утегена звал глазами...

Утеген, следя, как старый
Получает в грудь удары,
Выстрелил, пуская пулю
В молодого айдахара.

Пуля лоб ему пробила,
Сразу наземь повалила.
Эта ловкость Утегена
Всех жигитов восхитила.

Айдахар, что жив остался,
В водопаде поплескался
И, водой омывши раны,
Провожать гостей собрался.

По отрогам и камням
Он повел их с уваженьем,
Воздавая Утегену
Славу, честь и восхищенье.

Шли они дорогой ровной,
Степью знойной и огромной,
И увидели под вечер
Хвойный лес густой и темный.

Айдахар тут вострепенулся,
В горы синие вернулся,
На батыра и жигитов
Не взглянул, не обернулся.

Лесом шла тихонько осень.
Тих был вечер, хмур и росен.
Утеген-батыр заметил
Белый дом средь стройных сосен.

С темным страхом незнакомым
Утеген подъехал к дому
И услышал тихий голос,
Словно дальний рокот грома.

«Ты ли это, герой Утеген,
В хвойной чаще у каменных стен?
Ты ли это, кто тысячный день
В мире странствуешь, словно олень?»

Отчего потерял ты покой?
Почему ты не едешь домой?
И везде, кроме сизой воды,
Ты свои оставляешь следы?

Пусть жигиты тебя подождут
Под сосновый размеренный гуд,
Если смелое сердце в груди –
Слезь с коня ты и в дом заходи».

Слез с коня батыр бесстрашный,
В белый дом вошел отважно,
Там его радушно встретил
Гаип-ерен седой и важный.

Были в этом доме стены
Белоснежной пышной пены.

Утеген с поклоном низким
Обратился к Гаип-ерену:

«Слушай исповедь сердца, отец,
Сединой убеленный мудрец:
Предо мною дорог миллион,
А в дороге и я утомлен.

Да, ты прав – потерял я покой,
Нет пути мне обратно домой.
Нет мне в мире иного пути:
Иль погибнуть, иль землю найти.

Я в родные края – в Джетысу,
На коне своем весть принесу,
Весть о новых цветущих краях,
Где найдет свое счастье казах.

Муравей, жук, кузнечик – и те
О своем помышляют гнезде.
Даже серенький воробей
Ищет лучшего места себе.

Цапля ищет зеленых болот,
Рыба в синие глубины плывет,
Как же лучшего мне не желать,
Для народа земли не искать?

Я, как странник, по свету брожу,
Ни здоровья, ни сил не щажу,
Горе, боль, даже смерти приход –
Все приму за родной мой народ...»

И ответил ему Гаип-ерен:
«Честь и слава тебе, Утеген!
Ты, как беркут, могуч и удал,
Быстроног, как алтайский марал.

Тебя ждут по дороге бои,
Ты послушай советы мои:
По ночам не являйся ты в дом,
Приезжай обязательно днем.

Будь в работе, в боях и в беде
Хладнокровным всегда и везде.
Удержи, если гневен собой,
Руку правую левой рукой».

Утеген пред ним склонился,
По-сыновнему простился,
Старику сказал спасибо
И в обратный путь пустился.

Снова степи, перевалы,
Ветер горький, теплый, шальный,
Чернобурое предгорье
Перед ними поднималось.

И по ветру над предгорьем
Лился, плакал на просторе –
Не людской и не звериный –
Дикий голос, полный горя.

Утеген сказал жигитам:
«Слышен голос страшных пыток.
Я один во тьму поеду
И узнаю что там скрыто.

Если враг – убью на месте,
Если друг – вернемся вместе,
В темноте на крик ответить –
Это долг батырской чести».

Взяв ружье и саблю в руки,
Утеген пошел на звуки

И увидел айдахара.
Что стонал от страшной муки.

Он изранен был поганим
Тонким змеем – апжиланом,
Что стрелой в него вонзился,
Углубляя к сердцу рану.

Если сердце змей достанет –
Сердце биться перестанет.
Айдахара, чудо-зверя,
На земле тогда не станет.

Утеген подумал быстро:
«Если зверя сгубит выстрел,
Апжилан тогда метнется
На меня подобно искре.

Если ж выстрел сгубит змея,
Темношкурого злодея –
Айдахар освобожденный
Благородным быть сумеет».

Грянул выстрел. С дикой силой
Эхо грохот повторило.
У злодея-апжилана
Пуля голову пробила.

Утеген-батыр вернулся
И жигитам улыбнулся.
Стали спрашивать жигиты:
«С кем же ты, батыр, столкнулся?»

Отвечал батыр им с жаром:
«Я во мрак ходил не даром,
Погубил я апжилана,
Спас от смерти айдахара.

Спите мирно. Ночь в разгаре.
Я уверен в айдахаре –
Чудо-зверь до смерти будет
За спасенье благодарен.

Если ж воздух будет жарок
От дыханья айдахара –
Не тревожьтесь. Это значит –
Он принес нам свой подарок.

Благородно сердце в звере.
Впрочем, мы его проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В степь мы дерево положим,
Что с жигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
Тихо в травах притаились
И, огня не зажигая,
Ожиданием томились.

Ночь. Возня мышей летучих,
Ни одной звезды не видно,
Тихий шорох змей ползучих.
И луна в косматых тучах.

Показались клубы пара –
Верный признак айдахара.
Затревожились жигиты:
Смерть несет он? Иль подарок?

Утеген, могучий, стройный,
Как батыр, прошедший войны,

Не дрожал, не волновался,
Ожидал зари спокойно.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Человек-бревно был виден
Все на том же самом месте.

Подошли к нему жигиты.
В изголовье были скрыты
Голова змеи и с нею
Золотой тяжелый слиток.

Светлый слиток подняв золотой,
По размерам, как чайник большой,
Утеген им сказал: «Этот дар
Благородный принес айдахар.

Если мы совершаем добро, –
Шлют нам золото и серебро.
Если ж зло совершаем, – тогда
Ожидает нас зло и беда.

Надо быть справедливым всегда –
Не страшна тогда будет беда.
Будем биться везде за народ,
За обиженных вдов и сирот.

Всем, кто трудится, жизнь принесет
Честь и славу, добро и почет.
Им везде уважение всех,
А лентяям – презренье и смех».

Перевалы, перевалы,
Горный кряж гнедой и чалый...
Утеген повел жигитов
По дороге к Кент-Аралу.

В Кент-Арале пастбищ мало.
Через камни Тас-Арала
Утеген повел жигитов
По пустыням Кум-Арала.

Сквозь пески и волны зноя
Он дорогою прямою
Вел их к водам в царство цапли,
В синий край Бирказантоя.

В глубине большой долины
Встали сосны-исполины.
Лес густой, нахмутив брови,
Пел старинные былины.

Быстро сумерки сгустились,
Травы росами умылись.
Утеген и с ним жигиты
На ночлег остановились.

Лес в дремоту погрузился,
Над костром дымок струился,
Казаны дышали жаром,
В них баран в сурпе варился.

Вдруг из тьмы лесной и черной
Подошли к костру проворно
Две красавицы, чудесней,
Чем рассвет степной и горный.

Щеки их зарей пылали,
Звездами глаза сияли.
Их прекрасные одежды,
Как жемчужины, мерцали.

Было много нежной лени
В обольстительных движениях,

И журчали голоса их,
Как ручьи среди каменьев.

У костра они сидели,
На жигитов не глядели,
А жигиты от красавиц
Отвести глаза не смели.

Хлебосолен и радушен,
Предложил батыр им ужин,
Но красавицы сказали:
«Жирный ваш баран не нужен!»

Золотилось мясо в сале,
Все жигиты мяса взяли,
А красавицы с насмешкой
За едою наблюдали.

Вот жигиту кость попалась,
А красотка засмеялась:
«Почему живую костью
Неживая кость ломалась?»

О траву он вытер сало,
А красавица напала:
«Почему жигит неумный
Вытирает сало салом?»

Посмеялись и в мгновенье
Скрылись, словно сновиденье,
Лишь манили, удаляясь,
Звоном струн телодвиженья.

И когда затихли в мраке
Шелест, шепот, шорох всякий,
Утеген сказал жигитам:
«Это были жезтырнаки.

Племя их порой ночью
Манит светлой красотой
И алмазными когтями
Жадно губит все живое.

Жизнь идет у них ночами,
Рвут сердца они когтями.
Когти их острее булата,
Тронут – прахом станет камень.

Мы беседуем. Однако
Их глаза горят из мрака:
Будьте бдительны. Настала
Ночь охоты жезтырнаков.

Жезтырнаки злее зверя,
Мы коварность их проверим,
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В лес мы дерево положим,
Что с жигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
На деревьях притаились...
В темноте, держась за ветки,
Ожиданием томилась.

Ночь. В дупле пищат совыта,
Серый волк бредет куда-то.
Звезд не видно. Бледный месяц
В тучах рваных и косматых.

Утеген, укрытый тьмою,
Дожидался под сосною,

Он ружье свое проверил,
Был готов к ночному бою.

Вот в густом зловещем мраке
Свет взметнулся, словно факел.
Выстрел грохнул. Снова выстрел –
Так погибли жезтырнаки.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Ни седла и ни халата
Больше не было на месте.

И бревно и ткань халата,
И седла наряд богатый
Под когтями жезтырнаков
Стали пылью сероватой.

Утеген собрал жигитов,
Снова вспомнив про Коркыта,
В путь пустился. Жезтырнаки
Скоро были позабыты.

Степи, реки, перевалы,
Лес и горные увалы...
Море темной синевою
Перед ними засверкало.

Ветер мчался на просторе,
Волны бились, с ветром споря,
Пена хлопьями взбивалась,
Бушевало гневом море.

Сорок суток, ветра полных,
Бились яростные волны,
Утеген, смотря на море,
Ехал строгий и безмолвный.

А за морем сквозь туманы
Встали желтые барханы,
Синий зной висел проклятьем
Над пустыней бездыханной.

В этом мертвом царстве каждый
Был не больше, чем однажды.
В тишине, в песках горячих
Находил он смерть и жажду.

Там стоял, как нар горбатый,
Город вымерший когда-то,
Серый, выветренный, страшный,
Как скелет, песками сжатый.

Там пески ползли и пели
Чуть заметно, еле-еле,
На песках верблюжьи кости
Ослепительно белели.

От колодца до колодца
Сгубишь десять иноходцев.
Месяц мчишь там и не встретишь
Ни реки и ни болотца.

Утеген, песком овитый,
Сорок суток вел жигитов
Сквозь безводные пустыни
И поил их всех досыта.

За песками в сизых тучах
Встал пред ними лес дремучий,
Мрачный и непроходимый,
Многошумный и певучий.

Сосны, ясени и клены,
Черный дуб, чинар зеленый

Пред жигитами стояли,
Словно войско, непреклонно.

Сорок суток через чащи,
Через лес, листвою шумящий,
Утеген с отрядом ехал
В край заветный и манящий.

Наконец, в начале лета
Начались в лесах просветы,
За лесами степь лежала,
Вся цветами разодета.

Все вокруг благоухало,
В тишине вода журчала.
Пред батыром Утегеном
Жиделы-байсын предстала.

...Утеген! Вот мечтаний венец!
Ты нашел край чудес, наконец!
Посмотри, как лазурь высока,
Как привольно плывут облака!

Посмотри на разливы зари,
На степные цветы посмотри!

Посмотри, как тенисты сады,
В них душистые спеют плоды.

Они слаще, чем липовый мед,
Они падая, просятся в рот.

Без поливки и без кетменя
Колосятся поля ячменя.

Белый хлопок блестит серебром,
Земляника алеет ковром.

Ты глаза хорошенько протри
И на дичь, Утеген, посмотри!

Здесь кояны крупнее козлов,
Воробьи здесь размером с орлов.

Посмотри на джейраньи стада –
Их никто не сочтет никогда.

Посмотри на опушке леска
Козы черные – кара-каска.

Они ростом крупнее коней,
А их мясо ягненка нежней.

Выбрал домом себе этот край
Легендарный чудесный Домбай.

Посмотри, многоводна, сильна,
Разливается речка Мана.

В камышах и на светлой воде
Стаи уток, гусей, лебедей.

А в степях среди трав и цветов
Много пестрых фазанов и дроф.

Ты смотри и любуйся, батыр,
Пред тобою нетронутый мир.

Где родной твой казахский народ
Земли, воды и счастье найдет.

Запах трав, Утеген, ты вдохни,
От скитаний своих отдохни...

Утеген не хотел отдыхать,
Слез с коня он и начал искать.

Он искал сорок дней и ночей
Трав, пригодных для корма коней.

Степь от края до края прошел –
Только трав этих он не нашел.

Что за ценность стране, если в ней
Нет травы для казахских коней?

Ведь казах без степного коня,
Как осенний костер без огня.

И заплакал в степи Утеген,
Как герой, заарканенный в плен,

Как в песках раскаленных седок,
Конь которого рухнул, издох.

Обступила его темнота,
Умирала в батыре мечта.

И пошел Утеген в темноту
Хоронить золотую мечту.

...Утеген, Утеген! Где же ты?
Отзовись из немой темноты!

Я, Джамбул, из степей Джетысу
Тебе новые вести несусь.

Если бы мог из могилы ты встать
И сейчас Джетысу увидеть –

Не узнал бы родной страны,
Перед явью померкли сны.

Посмотри – озарен, осиян,
Встал одетый в лучи Казахстан.

От Тянь-Шаня его простор
До Уральских яшмовых гор.

У казахов своя страна,
Свои земли на все времена.

У казахов цветет свой флаг,
Как горячий пурпурный мак.

У казахов сияет свой герб –
В солнце слитые молот и серп.

У казахов, как сбывшийся сон,
Свой счастливый и мудрый закон.

У казахов журчит, как арык,
Свой живой и свободный язык.

Урожай у казахов богат,
Молодые заводы дымят.

И своя в водоемах вода,
И свои по степям, города.

Посмотри, мой жолдас, посмотри –
В чистом пламени ясной зари

Пред хозяевами сполна
Все богатства раскрыла страна!

Кара-Тау дает свинец,
Кокче-Тау гонит овец.

Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай.

Белый хлопок дарит Чимкент,
Предлагает руно Джаркент.

Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.

Скачет так, что трясется земля,
По степям, где лишь ветер гулял,

Меж озер и меж каменных глыб
Вороной, с дымной гривой Турксиб.

Дни и ночи грузит поезда
Черным золотом Караганда.

В Эмбе гордые вышки стоят,
И кипит нефтяной водопад.

В Кармакчинской степи зреет рис,
В Ала-Тау сады поднялись,

А в садах, слаще сна и мечты,
Спеют яблоки Алма-Аты.

А в степях, где душисты цветы,
Вольно бродят овечьи гурты.

С белой шерстью нежней облаков,
Табуны вороных скакунов.

Табуны золотых скакунов,
Чалых, сивых, гнедых скакунов

Под железное пенье подков
Скачут степью быстрее ветров.

На закате, что сиз и багров,
Над стадами молочных коров

Пыль клубится и пахнет кругом
Теплым, сладким парным молоком.

А когда отпылает закат,
И начнется во тьме звездопад,

Чабаны, как детишек, хранят
Теплых, мягких, безрогих телят.

Тонкорунных кудрявых ягнят,
Тонконогих степных жеребят,

Неуклюжих смешных верблюжат,
Черноглазых мохнатых козлят.

И они от росы не дрожат,
Потому что теплыню богат

Край народной заветной мечты,
Край обилия и красоты.

Ты глаза хорошенько протри,
Посмотри, мой жолдас, посмотри

На фазанов, на дроф, на гусей,
На трубящих весной лебедей.

На Алтае плодится марал,
Рыбой плещется синий Арал.

По степям, где трава и вода,
Вольно бродят джейраньи стада.

Все, что щедро цветет и поет,
Это наше – твое и мое!

Вся страна, что мужала в боях,
Она наша – твоя и моя!..

СУРАНШИ-БАТЫР

Часть первая

1

В руки белую домбру
Вдохновенно я беру,
Льются чистые потоки
В море песен звоном струн.
Море свежести полно,
Как булат, блестит оно,
Солнце в нем отражено,
Как тростник в озёрной глади,
Ветерком возмущено. '
Никогда оно не спит,
А на дне морском лежит
Камень редкий, драгоценный
И волшебный свет струит.
Море песен звонким гулом
Омывает этот камень –
Камень, прозванный Джамбулом,
Не стареющим веками...

2

Песни сердца я слагал,
Ветром песен я летал.
Был, как лед, рекой гонимый,
Тверже, чем любой металл.
Десять дней словесный бой
Вел, приехав я на той.
Как зерно на поле птица –
Собирал народ родной
Этих песен дар степной.
Алатауские хребты,
Травы, пчелы и цветы
Эхо песен поднимали
До орлиной высоты.

Песне признанной – простор!
Шире степи, выше гор
Песня смелая и вечен
Золотой ее узор.

3

Званья стòит ли река,
Если в ней вода мелка,
Если в ней мутна вода,
Если в ней жорга горячий
Не напьется никогда?!
Званья стòит ли ученый,
Если слово не точено,
Если сам он не остер,
Если сказанное людям
Не пылает, как костер?!
Званья стòит ли певец,
Если в песнях он скупец,
Если песни не тревожат
Миллион других сердец?!

4

Званья стòит ли поэт,
Если в нем таланта нет,
Если он не может петь,
Если жажду он в пустыне
Не поможет одолеть?
Если сам он языком
Не сравнится с родником,
Если песня в перепутье
Не прольется чище ртути,
Если песня с сердцем в лад
Грохоча, как водопад,
Заглушая рокот рек,
Не пробудит мысли, чувства
В миллионах человек?!

Званья стòит ли поэт,
 Если в песне силы нет,
 Если песня лед не плавит
 И смеяться не заставит
 В час, когда бушует вьюга,
 Обездоленного друга.
 Если песня, как жигит,
 В смелой схватке не разит?
 Званья стòит ли поэт,
 Если страсти в песне нет,
 Если песня черепахой
 Одинокую ползет,
 А певец ее со страхом
 В угождение поет
 Полушепотом навзрыд
 Под брэнчание домбры?!
 Сердца нет –

и голос тонок

И величья в песне нет,
 Он, как блеющий козленок
 Он козленок, не поэт!

Лук – домбра, а песни –
 стрелы,
 Ими пользуйся умело!
 В кочевых моих долинах
 Суюнбай – акын акынов,
 Так говаривать любил,
 Если песнею поэта,
 Для народа плохо спетой.
 Недоволен старец был.

Эта песня о былом
 О далеком, но родном,

Это памятник батыру
С златогривым скакуном.
Перегнувшись на боку,
Брал он скалы на скаку.
Он прокладывал дороги
По сыпучему песку.
Он в степях врага разил
Кровью недруга поил...
Степь родная, со вниманьем
Слушай ты мое сказанье.

8

С той поры, как я Джамбулом
Стал на свете, а в аулах
Ураган поднялся песен,
Сердце сокола проснулось.
У киргизов, у казахов
Был напев мой одинаков.
Суюнбай в неволе горькой
Научил меня не плакать.
Знаменосец дум не петых
Суюнбай пришел с советом,
Он сказал: воспой батыра,
Вдохновением согретый.

9

Четверть века бушевала
Силой страсти небывалой;
Ой, рука моя железно
Закаленное сгибала.
Без пера и без чернил
Песня звонкая рождалась,
Мне домбра, моя певунья,
Лист бумаги заменяла.
Жил я долго в лихолетьях...
Были дни – хотел не петь я.

Но желание народа
Не исполнить мог ли мечь я?

10

Если, сын, направишь взоры
Ты на небо и на горы.
Если голову подымешь
Над бессмертием просторов –
Ты увидишь Ала-Тау.
Гор крутых небесных славу.
Лед, как шлем, а снег – кольчуга
На вершинах Ала-Тау,
А внизу, в степной долине,
Запах мускуса – польши.
И смородина густая

По лесам в предгорьях стынет.
Ала-Тау в мирозданье
Стар. Народ хранит в преданьях
Много дум и много споров
О его былых названьях.

11

Распорол живот небес
Острый пик Суык-тюбе.
Каргалы до звезд восходит,
Держит тучи Кок-тюбе.
Уш-коныр и Куртыш-бас,
Кзыл-Кунгей, летовка Ас.
И Хан-Тенгри – пик всех пиков,
И угрюмый Кызыл-тас.
И во всех живут наречья
Семь хребтов крутых, как плечи,
Называют их в народе
Полной грудью – Семиречье.

Если тучи соберутся –
 У подножья реки льются,
 На вершинах снег холодный,
 А в долинах травы вьются.
 На вершинах льдина виснет,
 Молоко в долинах киснет...
 Разве это не прообраз
 Многолетней нашей жизни?
 Если радость день гостила, –
 Смерть по месяцу ходила...
 Сколько здесь прошло столетий,
 Сколько здесь батыров было!
 Сколько ханов и народов
 Совершили здесь походов!
 Сколько здесь событий было
 Под холодным небосводом.
 Об одном из них спою я...
 Не горяя, не тоскуя,
 Пой, домбра! Поэму эту
 О батыре звонко лью я.

Говорили так со вздохом:
 «О эпоха ты, эпоха,
 Ну, а кто ж хозяин ей?»
 Человек, который охал!
 Ты вини его. Не тесен
 Мир. Эпоха – ветер песен!
 Но тогда хребет труднее,
 Коль и грозен, и отвесен.
 На хребты народ глядел,
 На народе хан сидел...
 Мраком выткана эпоха,
 Шел народ, терпел и пел
 Караваном тихим годы,

Кочевым потоком воды
Протекали, пролетали
Со страдающим народом.

14

Белый царь эпохе рад,
Он собрал своих солдат,
Царь надел на них шинели
И погнал на Шубарат.
На чужой земле скорее
Он зажить хотел добрее,
Торопился сесть покрепче
На простой народной шее.
Старый лук тянул казах, ,
Царь пошел на Семиречье
В стопудовых сапогах.

15

В юртах страх гулял убогих,
А хозяева и боги,
На отборных сев коней,
Поскакали по дороге.
На привалах отдыхали,
Безворотки одевали,
Пили крепкий чай, как воду,
Самопалы заряжали.
У холодных стен Копала
Пушка их свинцом стреляла...
Царь в степях прошел не просто –
Постелил он смерти простынь.
Дети, матери и жены
Пели песню на погостах...
Свора царская гуляла,
Свора ханская гуляла,
Юрты старые кромсала,
Табуны брала с собою
И аулы поджигала.

Не просил народ пощады,
 Он смотрел усталым взглядом
 На Ормана с Худияром,
 Наливалось сердце ядом.
 Знал народ свое реченье:
 «Кто к врагу идет с прошеньем
 О пощаде, тот бессилен
 И не стоит уваженья...
 Кто, о чести забывая,
 Просит милости у бая, –
 Жалок тот и безнадежен
 И о нем молва худая».

Шли одни и за горами.
 Окруженные врагами,
 Протоптали к Ай-Карыну
 Путь худыми сапогами.
 Шли, другие, скарб бросая,
 Шли, костров не зажигая,
 Шли, измученные дети
 Шапрашты и Карасая...
 Тень врага была сокрыта.
 Степь не знала, что жигиты
 Из родных степей Дулата
 Принимали с ханом битвы.
 Третьи шли, их непогода
 Привела к илийским водам –
 Там аулы Майемера
 В лес несли мечты народа.
 Но в лесу их ждали ханы,
 Звон мечей и свист арканов.
 Нешокорные жигиты
 Умирили, как арстаны.

Семь отважных сыновей,
Семь красавиц-дочерей
На верблюдах одногорбых
Убегали от зверей.
На пути у них река
Буйный враг без языка –
В пене бешеной гудела,
Разбивала берега.
Нары гордые легли,
Нары слышат рев рски...
Сорок воинов взметнули
Обнаженные клинки. ’
Сорок ханских удальцов
Настигали беглецов.
Слышит берег грозный клич:
«Вот добыча из добыч,
Нар жену привез жигиту.
Со счастливица магарыч!»
Травы берега близки,
Но завидев вдруг клинки,
Нары головы склонили
И легли на дно реки.
Семь отважных сыновей,
Семь красавиц-дочерей
Шли на дно и смерть встречали,
Честь свою оберегали.
Волны буйные сходились,
Птицы вещие кружились
Над султанским черным станом,
Бурей тучи разразились.
Семь отважных сыновей,
Семь красавиц-дочерей
Так погибли, оберегая
Честь поруганных степей.
Шла молва от уха к уху,

Нарастала злоба глухо.
С горьким плачем у реки
Шла безвестная старуха.

19

Шумный спор вели метели,
Вихри буйные свистели.
Хан кромсал, колол и резал,
Степи жег, они горели.
Хан стадами гнал народ.
Думал хан, что рабский род
Кроме плача, кроме стон
Ничего не принесет.
Раздувал пожары ветер,
Шли измученные дети
Жангараша и Жантая,
Проклиная все на свете.

20

Горько девушки рыдали...
Молча слезы утирали
Старики в своих кибитках
И батыра-сына ждали.
И рыдали даже горы
В ожидании опоры...
Из Коканда заходила
Тучей черной ханов свора,
На земле не умещалась,
И земля под ней трещала.
Табуны, детей, кибитки
Свора ханская сжигала.
Правил пир кровавый хан
На долинах Тас-котан.
Он шатры свои раскинул,
Он разбил кровавый стан,
Правил пир владыка новый,

Он цветы давил подковой.
Муллы с беками Коканда
Угощали льстивым словом.
Пьяны были без вина,
Кровью степь напоена,
Вились пестрые знамена,
И звенели стремена.
Между тем видали люди:
Мать-старуха на верблюде
Степь звала на месть святую,
Разрывая в клочья груди,
Кровь горячая вскипала,
Рядом девушка дрожала,
«Замолчи, слепая ведьма!» –
Свора ханская кричала.
Волновалась степь, шумела,
Волчья стая песни пела,
Мать-старуха, степь родная,
О сынах своих скорбела.

21

У народа в час беды
Вспоминается батыр,
Он развязывает узел,
Опоясывает мир.
Опустив глаза понуро,
В обездоленных конурах
На земле чертили люди
Завещание Даура.
И смотрели люди косо
На угрюмые утесы.
Вот он спустится, вернется
Богатырь черноволосый...

22

Суранши в утесах жил,
Он с орлятами дружил.

Сердце барса в львином теле
Суранши родной носил.
Отчего там жить ему
На утесах одному?
Аль красавица степная
Не понравилась ему?
Рассказал в аулах ветер –
Все он видел, все заметил –
Неспроста в утесах место
Суранши себе приметил.
Ветер в песне рассказал,
Отчего в гнездовьях скал
Суранши, батыр народа,
Одинокий стан избрал.
Пастбищ он своих не знал,
Табуны султан забрал.
Коротки батыра руки,
Царь султану помогал.
В Уш-Коныре жил, как рысь,
Кочевал зимой в Арысь,
Но дорог таких не видел,
Чтоб у радости сошлись.
Был отцом его Кашке,
Жил он вечно на песке,
Он во сне лишь видел травы
И мечтал о них в тоске.
Прадед – старый Карасай,
Прячась в норах, как лиса,
Проклинал судьбу кедея,
Ненавидел небеса.
К рабству черному привык
Он в ярме чужих владык...
И один был сильный в роде –
Был бесстрашный Саурк.
Люд степной его любил,
В сердце сокола носил.
Сын народа, сын батыров,

Саурык бесстрашен был.
Он, как русло горной речки,
Он, как выстрел без осечки,
Для казахов Улы-жуза
Он зимой теплее печки.
Если ветер загудит,
Он от ветра защитит.
Если буря налетает,
Он от бури верный щит.

23

На крутой скале ночуя,
Суранши смотрел тоскуя,
Как уходят без подвод,
На джайляу не кочуя,
Не укрыв себя чапаном,
Род Дулата, род Албана
Да Шапрашты забитый род,
Обворованные ханом...
Шел батыр с ружьем в каменья,
Он выслеживал оленя.
С вольным беркутом в охоте
Находил он утешенье.
А народ батыра ждал,
Он, измученный, стонал,
Он, врагами окруженный,
Покоряться не желал.
Будь – мечта его души –
Рядом смелый Суранши,
Затрещали бы султаны,
Как в пожарах камыши.
Для кого большая честь,
Кто найдется, чтоб отвезть
В скалы грозные к батыру
От родных аулов весть?
Кто найдет тропу к нему,

Миновав туман и тьму?
Кто взойдет на пик суровый,
Недоступный никому?

24

«Не поглотит нас река!
Сила есть еще в руках!» –
Говорили так в кибитке
Два седые старика.
Стынут слезы на песке,
И лежит рука в руке.
Поздно ночью ускакали
Карибоз и Бауке.
По неезженным увалам,
По безвестным перевалам
За посланцами седыми
Пыль густая подымалась.
«Если ехать напрямиком,
Не столкнуться бы с врагом,
Неравна борьба жигита
С поседевшим стариком.
Орды хана здесь прошли.
Повернем коней к Или!»
Карибоз свернул, и кони
К голубой реке пошли!

25

В гнездах скал садилось солнце,
Будет ночь. И вот предстали,
Как суровые виденья.
Мироздания камня...
Справа виден Карабас,
Слева – хмурый Жаланаш.
Бауке сказал: «Здесь двери,
Выйдет сокол, встретит нас!»
Иноходец расседлал,

Ночью след в горах искали,
Но ни шороха, ни звука
На пути не услышали.
И вели совет у скал
Два седые старика.
– Это пик Калмык-Ойгана?
– Да! Дорога нелегка!
– Вот ущелье черных сайг!
– Здесь джайляу – Карасай...
– Там хребет с отсветом солнца
Подымает небеса!
– Бауке, родной, смелей,
Это виден Кзыл-Кунгей,
Это стойбище батыра. ʹ
Бауке, седлай коней!..
И долинами скакали,
И хребты крутые брали,
Чтобы стан найти батырский,
Где мечты степей летали.
Путь тяжелый позади,
Сердце гулко бьет в груди,
Вот он виден – стан батыра,
Счастье видно впереди.

26

Распрямив крутые плечи,
Суранши идет навстречу.
И попадали с коней
Два посланца Семиречья.
Мокры бороды от слез.
Суранши ковер принес,
Львиный стан согнул.
Дрожали Бауке и Карибоз...
А батыр рукой могучей,
Достающей в небе тучи,
Обнимает стариков.
На крутой орлиной круче

С ними он в молчанье скал
О степях затосковал.
Видел он посланцев горе,
В их глазах укор читал,
Представлял свои долины
Без кровавых властелинов
И мечтал о том, чтоб лился,
Как река, напев акынов.
Знал он: степь батыра ждет
С окольцованных высот...
Был любимцем он в аулах,
Он, как жизнь, любил народ...
И рукой своей могучей,
Достающей в небе тучи,
Приласкал батыр отцов
На крутой орлиной круче.

27–28

Сел и снова загрустил,
Молча руки опустил.
Брови черные насупил
И седых гонцов спросил: –
Кто народ обидел мой?
Кто послал, отцы, за мной?
Кто осмелился нарушить
В горе найденный покой?
Осушив глаза от слез,
Тихо молвил Карибоз: –
Нас народ послал, а горе
Худияр с огнем принес.
Слышишь, степь тебя зовет!
Твой народ тобой живет.
Он родил тебя и холил –
Твой страдающий народ.
Он, голодный и раздетый,
Песней волчьей отпетый,
Ждет тебя в тревожный час,

Слышишь зов его, мой светоч?
Слышишь, сын мой дорогой,
Как одна страшной другой
За эпохою эпоха
Правят смерти черный той?
Видишь ханские законы?
Вместо песен, слышишь, стоны?
Съел медведя воробей,
Обратился волк в дракона!
Отравил колодцы враг,
Стал глухим узун-кулак.
Ханов, беков и султанов
Стало больше, чем собак.
Стонет степь от их грызни,
А народу в эти дни
И от дерева гнилого
Тени больше, чем от них.
Нашу кровь, как воду, льют,
Нашу землю продают,
На большом народном горе
Вырос войлок ханских юрт.
С ними вместе царь идет
Пушки с грохотом везет.
Смотрят жерла этих пушек
На испуганный народ.
Стал народ царю игрушкой,
Стала хану степь подушкой,
Царь и хан друзья по крови.
Степь застыла перед пушкой,
Смотрит черная в лицо,
А вокруг врагов кольцо.
Кто сегодня непокорен –
Завтра будет мертвецом!
Царь дорогу нам дает
Собирать в степи помет.
Посмотри: ошейник царский
На себе несет народ!

Худияр в палатах ханских
Кровью пьян рабов кокандских,
Превратил в кокпар таджиков
На пирах Азрет-султанских.
Он хотел, как царь российский,
Быть владыкой орд каспийских
И владеть с Орманом вместе
Даром выпасов илийских.
Знал блудливый этот хан:
Не изменит друг Орман;
Утопив в крови киргизов,
Золотой он сшил чапан.
Лютым бешенством объята
Худияровы солдаты,
Кровью налиты глаза
У разбойников богатых.
Степь слыхала этот вой:
Шли шакалы на разбой.
Как собаки, чую мясо,
Жгли аулы за собой
Меж Алтаем и Арысью
Кони их горячьей рысью
Загоняли люд степной,
Загоняли в нору лисью.
Разве думать о коне?
В небе дым. Земля в огне,
Как трава, легли казахи
На своей же стороне.

29

В день тяжелый тяжек мир.
Сыпатай, степной батыр,
Бросил степь и скрылся где-то
На отрогах Сар-Кемир.
Степью шел голодный волк,
Сыпатай-батыр умолк.
Испугался он пришельцев,

Променял кошму на шелк.
Низко, густо шли туманы...
Племя длинного аркана
Узкой тропкой побрело.
Опасаясь мести хана,
Суранши народ зовет:
«Ты готовь коня в поход,
Ты избавь, батыр, от ханов
Свой ограбленный народ!»

30

В гневе грозном Суранши.
Он поднялся с алаши,
Он, как беркут в пору злости,
С волком встретиться спешил.
Острый взор горел огнем,
Бушевала сила в нем.
И земля дрожала глухо
Под оседланным конем.
На крутой вещун-горе
В нетерпении горел,
Сотрясая Ала-Тау,
Звал своих богатырей.
Звал Андаса, Туматая,
Звал батыра Шымырбая,
Звал жигита Нарботу –
Сына снежного Алтая.
Он друзей отважных звал
И кольчугу одевал.
Он в ружье подарки смерти
Торопливо забивал.

31

Кони потные храпят,
Пики острые блестят,
Триста воинов к батыру

На могучий зов летят.
И сигнал к походу дан,
Мчит батыр на Чемолган.
«Выходи на поединок
Из шатра, трусливый хан!»
Виден стан врага вдали,
Баи столько привели
Волчьих орд, что на Кемете
Не хватило им земли.
– Суранши, не в добрый час
Ты повел на битву нас.
Нашей силы здесь не хватит, –
Робко вымолвил Андас.
– Не управиться с врагом...
Если бросить пыль в него,
То не хватит даже пыли –
Тысяча – на одного.
Зуб у нас еще тупой,
Мы, как мышь, перед горой.
Разве выкопать колодец
На крутой горе иглой?

32

Суранши побагровел,
Малахай лежит в траве,
Поднялася тюбетейка
На батырской голове.
Меч блеснул, как волчий клык:
– Придержи, Андас, язык,
Не тебе ли знать, как с трусом
Я беседовать привык.
Нет преград для бегунца,
Страха нет для молодца.
Если ты рожден батыром –
Будь батыром до конца.
Разве войско хан ведет?
Разве сила с ним идет?

Сила там, где за жигитом
Подымается народ.
Я на ханскую орду
Против тысячи пойду,
Я клинком своим горячим
Счет батырский поведу.
Станет хан тогда кояном,
Я ворвусь к нему сыртаном,
И, как тысяча ворон,
Разлетится войско хана.
Кровью он залил страну
И слезами захлестнул.
Стали куклами у беков
Наши девушки в плену. 1
Тот жигит, кто за народ
В битве сердце отдает.
Трус пощады не дождется,
Богатырь найдет почет.
Мой отец – народ родной,
Мать родная – степь – со мной,
И за них я кровь по капле,
Вздых отдам последний свой!

33

В этот день с Сибирь-земли
Девять беглых в стан пришли,
Восемь русских и татарин,
Девять ружей принесли.
Их привел с Уральских гор
Рудокоп седой Егор.
Суранши гостям неожиданным
Расстелил в шатре ковер
И спросил: – Не от беды ль
Забрели в степной ковыль?
Вы не сбились ли с дороги,
Вы не спугали ль следы?

– Нет, батыр, не сбились мы,
Мы бежали из тюрьмы.
Из тюрьмы Уральской царской,
Из глухой таежной тьмы,
А в далекой Актюбе
Мы узнали о тебе
И пришли помочь как братья,
Мы твоей святой борьбе.

34

Обнимал батыр друзей,
Он седлал для них коней.
«На лихом ахалтекинце
На врага идти верней!
Ночью мы в поход пойдем,
Ночью хитростью возьмем
Войско ханов ненавистных.
Победим или умрем.
План, друзья мои, таков:
На горах немало дров,
Пятьдесят моих жигитов
Разведут пятьсот костров.
Пусть Ормана бросит в жар,
Пусть трусливый Худияр,
По кострам считая силы,
Будет ждать со скал удар.
Но... не все еще в кострах –
Ночью вдвое больше страх.
Мы обтянем свежей кожей
Двадцать два пустых ведра.
Двадцать два моих сырттана
Пусть ударят в барабаны,
Чтобы дрожь пошла по шкурам
Худияра и Ормана.
Вы ж, друзья, из-за бугра
Гряньте русское ура!
Гряньте, чтобы долетело

До султанского шатра.
Ночь в степи не подведет,
Хан халаты подберет,
Хан подумает, что это
Войско русское идет.
И тогда на Ак-Туяк
Хану в тыл ударю я,
Чтоб летели малахаи
С худияровых вояк!»
Суранши недосказал,
Закипела в нем гроза,
Как разбросанные угли,
Гневом искрились глаза.

35

Выплыл месяц молодой
С путеводною звездой.
Солнце мутное садилось
В раскаленное гнездо.
На закат батыр взглянул
И подпруги подтянул.
Взял клинок тяжелый в руки,
На друзей своих взглянул,
Выпил чашку кумыса,
И, как беркут в небеса,
Был готов взлететь,
Чтоб видеть
Горы, степи и леса.
А когда сгустился мрак,
Он сказал: – Друзья, пора!
Дал сигнал, и запылали
Скалы черные в кострах.
С гиком бросился батыр
На врага из темноты.
Разбегались часовые,
Сберегая животы.

Потерял рассудок хан,
Бьет тревожно барабан.
Бросил друга Худияра
Перепуганный Орман.
Ала-Тау весь в кострах,
Худияра давит страх:
«Это войско, тысяч двести
Там раскинулось в горах!»
Хан трепещет, ждет беду,
Будит он свою орду.
Ни коня, чтоб в бой лететь,
Ни одежды, чтоб одеть,
Ни ружья, ни острой пики
Он не может разглядеть.
Верных слуг не видит он,
Шум ночной со всех сторон
Оглушает Худияра,
И бежит в испуге он.
Как бараны на песках,
Стонут ханские войска...
Суранши ведет жигитов
На лихих аргамаках.
Он, как первый гром, гудит.
Он, как молния, разит.
Вихрем грозным он летит,
Все сметая на пути.

Часть вторая

1

Скакуном в степях резвясь.
Солнцем в зной воспламенясь,
Я, Джамбул, продолжу песню.
Светлой думой вдохновясь.
Мчусь весенним ветром я,
Снег в мгновенье плавлю я, –
Как веслом, что режет волны.
Так домброю правлю я.
Борода моя, как шелк,
Девяносто дней я шел,
Иноходцем к состязанью,
Славу я в байге нашел!
Слово мудрое народ
На весы ума берет,
Пустота наверх уходит.
Слово в глубь сердец идет!
В песнях я не иссякал,
Ураганом пролетал,
Я алтайским самородком
На дождях весны сверкал.
Песни я свои несу
О батырах Джетысу,
Этих песен нет милее,
С чем сравню я их красу?
В битвы мой батыр ходил,
В битвах славу находил,
Он клинок точил о камень.
Он с плечом сункара был,
Со стальным копытом был
И на кручах не скользил.
Три подъема без отдышки
Он, упрямый, проходил.
Он бесстрашен и велик,

Он поэм моих родник.
Богатырь мой в спорах смелых
Покоряться не привык.
Он – начало дум моих,
От него веду я стих.
Май-тюбе, батыр мой краше
Светлых родников твоих!

2

Был налет батыра яр,
Хан Орман и Худияр
Лето целое лежали –
Был о них плохой хабар.
Дни в молчанье пролетали,
Беки глухо зароптали,
Хану молвили они:
– Ты бы, хан, с постели встал,
Ты коня бы оседлал,
Ты б своим манапам верным
Собираться приказал.
Вмиг мечи отточим мы,
На тулпаров вскочим мы.
Разве лежа на лопатках
Власть твою упрочим мы?
Слух плохой до нас дошел –
И Кеген, и Нарынкол
За казаха встать готовы.
Свата там казах нашел.
Ты мапапов собери,
С ними ты поговори,
Чапанами, скакунами
Ты манапов одари,
Пусть, довольные тобой,
Возвращаются домой,
В Нарынколе и Кегене
Пусть народ подымут свой.

«На казахов налетим,
Мы казахов победим!»
Так в степях манапы скажут.
Не жалея подарков им.
Ты бозы им не жалея,
Чтобы было веселей.
Созови ходжей, ишанов,
Керсени полней налей.
Ты святым отцам вели,
Чтоб манапов развлекли
Сказами о предках наших,
Повелителях земли.
Сам же время не теряй.
Войско быстро собирай,
Осквернить себя при жизни
Ты врагу не позволяй!
Ты батыру Суранши
В степь посланье напиши.
Пусть он смелую загадку,
Не задумаясь, решит.
Ты батыра вызывай:
«Коль мужчина – приезжай,
Если ж бабе ты подобен,
Живота не утруждай!».

3

Ставка ханская ждала –
Гости едут с Миргала,
Из степей Жалалабада...
По дорогам пыль пошла,
Дар манапы хану шлют,
Еле движется верблюд,
От поклажи горб согнулся,
Великан от злобы лют.
Едут баи из Арки
Толстые, как турсуки.

Принимает хан подарки –
Кошмы, деньги, сундуки.
Беки гонят табуны.
Хан готовит казаны.
Э-э, на тое ханском гости
Будут сыты и пьяны!
Синий дым ползет кругом
И трепещут под ножом
Шелкогривые двухлетки,
Вскормленные молоком.
Мясо варится в котлах,
С кумысом хмельным пошла
По рукам гостей дородных
Круговая пиала.
Кумыса один глоток
Даже бая валит с ног.
Свеж кумыс, густые сливки
Сладки, как урючный сок.
Быть на тое ханском честь.
И охотников поесть
Столько съехалось, что места
Не хватало, чтобы сесть.
Льются реки кумыса,
Льется крепкая боза,
У гостей от угощенья
Затуманились глаза.
От веселья далеки,
Пели песню старики.
Соловьи-акыны пели
Песню горя и тоски.
Подымаясь, как волна.
До сердец дошла она,
И кончалась эта песня
Словом горестным – война!
Э-э, киригизы любят мир,
Э-э, жигит, взгляни на мир:

Не к добру у всех манапов
С бород их стекает жир.
Выжидали муллы час
Совершить святой намаз,
Тасбиhi в жемчужных корках
Заблестели, как алмаз.
Хану честь они продав,
Ноги под себя поджав,
На резню народ толкали,
К небу бороды задрав:
«Кто от пуль врага умрет,
Тот в раю удел найдет.
Кто живым из битвы выйдет,
На земле тому почет»¹.
Э-э, жигит, узнай обман,
Хитрый пир задумал хан...
На резню тебя толкает
Вместе с ханом и Коран.
Порешил манапский той
Собирать полки на бой.
К Суранши с гонцом отправил
Хан коварный вызов свой.

4

«Не батыр, а баба ты,
Как теленок, слабый ты,
Ты капир – не мусульманин,
Осквернил Аллаха ты!
Ты разбойников собрал,
Ты слугой урусов стал.
Укрепился в Ала-Тау
И последним трусом стал.
Докажи нам делом ты,
Что от роду смелый ты,
Что батыр ты, а не баба –
Честь найдешь уделом ты!

Чтоб не мучить нам коней,
Приезжай ты сам скорей.
В стане ты у нас увидишь
Истинных богатырей.
По-батырски смерть встречай,
Голову свою склоняй,
Отруби ее, дурную,
И на месте нам отдай...»
Так писал седой Орман,
Оскорбил батыра хан.
Приказал батыр жигитам
Собираться на котан,
Он советоваться стал,
Он друзьям своим сказал:
«Никогда народ любимый
Я беде не подвергал.
Хан позор задумал смыть,
Старый вор пришел травить
Нас, казахов и киргизов, –
Никогда тому не быть!
Сборы долги ли в поход?
Я пойду – народ пойдет,
Только буду ль я батыром,
Утопив в крови народ!
Больно мне и тяжело,
Но готовлю я седло.
Я один поеду к хану
Без жигитов и послов.
Не поеду – он пойдет,
Степи кровью он зальет.
Он детей налетом волчьим
Под копытами сомнет.
Скажет мой народ тогда:
«Суранши, идет беда.
Ты Ормана испугался,
Ты родной народ предал,

Стал беде виною ты, –
Нам не стал стеною ты,
Трусом был, а не батыром,
Выходя войною ты».
Я возьму свою камчу,
К хану я один помчу.
Слышать стон родных аулов
Я в долинах не хочу.
Если мне идти войной –
Для народа груз двойной,
Степь отдаст коней любимых,
Потеряет свой покой.
Собираясь в поход,
Я возьму в аулах скот.
Разве скажет мне спасибо
Обездоленный народ?
Я один к врагу пойду,
Я народ не подведу.
В поединке с Орман-ханом
Правду я свою найду.
Степь поднимет честь мою,
Будет хан в бессилье лют,
А мечом с манапской сворой
Я один поговорю».
Несговорчив Суранши,
Будет так, как он решил.
К встрече с ханом за Курдаем
Суранши родной спешил.
Бозкаску батыр поймал,
Нож блеснул, баран упал...
Головой его батыр мой
Аксакалов угощал.
Ак-туяка он седлал,
Он в карманы малта брал,
Брал мешок овса в дорогу
И кольчугу одевал,

Молча пику брал свою,
Корамсу вязал к ремню,
Боевыми стремянами
Он бока сжимал коню.

5

Ак-туяк стрелой летел,
Суранши в седле сидел,
Как голодный волк, согнулся,
Ветер сзади лишь свистел.
Ветер сзади лишь свистел.
Пика режет синий дым,
Спорит с яркостью звезды,
С расстояньем, что по счету
Равно дню лихой езды.
Эхо грозное гудит,
В страхе враг в горах лежит,
Суранши родной, как беркут,
По степи стрелой летит.
Ала-Тау позади,
Мчится Суранши один...
На вершину Каражола
Вышли ханские кади.
С войском хан батыра ждет,
Весть ему гонец везет:
«Свой народ батыр жалея,
На тебя один идет.
Он киргизам друг и брат,
Ты киргизам первый враг.
Кто клеветает на батыра,
От того не жди добра».
Слово правды хана жгло,
Вынул меч он тяжело,
И у ног его холодных
Сердце пылкое легло.
За правдивые слова,
Как под молнией трава,

С плеч бесстрашного жигита
Покатилась голова.
Призадумались полки,
На могучего батыра
Не поднял народ руки.
Восемь тысяч хан собрал,
Обманул и запугал,
А за час до ратной встречи
Восемь сотен насчитал.
Душат хана гнев и страх,
Не горит огонь в кострах,
В степь разъехались жигиты
На своих аргамаках...
Лишь одни манапы ждуть,
Малахаи лисьи мнут.
Солнце скрылось за холмом,
Заклубилась пыль столбом,
Мчится витязь одинокий,
Конь храпит под седоком.
Блещет пика, как огонь,
Под рукою у него.
Стыдно стало и манапам:
Восемьсот на одного!
Меч у хана обнажен,
Хан войсками окружен,
Миргалимские владыки
У своих стоят знамен...
Стременами он звеня,
Осадил вдали коня.
«Я – батыр степей казахских...
Хан, ты звал к себе меня?» –
Молвил смелый Суранши, –
Я на вызов твой спешил,
Я, рожденный для народа,
Встретиться с тобой решил.
Я слугой твоим не стал,
Голову я не склонял,

Я тебя, кровавый ворон,
Никогда не уважал.
Чтобы свой турсук набить.
Ты задумал степь спалить.
Ты казахов и киргизов
Вздумал не к добру травить.
Кровь народную ты пил,
Степь в крови ты утопил,
Сколько ты голов невинных.
Ненавистный, отрубил.
От тебя, вершины бед,
Как от волка, пользы нет,
Ханскою поганой кровью
Будешь ты держать ответ.
Не кумыс я ехал пить.
Ехал меч я обнажить.
Отточил его, чтоб лучше
Голову твою срубить.
Ты не хан, а трус и вор,
На тебя смотрю в упор,
За народ свой рассчитаться
Я мечтаю с давних пор.
Я – родных степей батыр,
Поднимай же лапу ты.
Выходи на поединок
Без своих манапов ты!

6

Хан испуган, как щенок
Слова он сказать не мог.
Призадумались беки:
Час расплаты недалек,
И, как тучи на ветрах,
Разъезжались от шатра.
Хан, встревоженный, остался
У потухшего костра.

Он движеньем бороды
Подав знак, и от орды
На коне горячем, черном
Отделился богатырь.
Это был Букай-герой,
Он чапан откинул свой,
Рукава заткнул за пояс,
Поднял знамя над собой,
Спину он согнул дугой,
Был в седле, как дуб кривой,
Он в руках своих могучих
Сжал тяжелый щит стальной.
Пикой в сердце целил он,
И в победу верил он,
Суранши презренным взглядом,
Подъезжая, смерил он:
«Бойся, Суранши, меня,
Я собью тебя с коня.
Ты, проклятый, свою душу
Будешь долго догонять.
Мало жить тебе дано,
Мне б убить тебя давно,
Ты, как перекасти-поле,
Как в крутой волне бревно!
Силу ты узнай мою.
Как нечистую змею,
Острой пикой богатырской
Я тебя к земле пришью.
С давних пор я часа ждал,
Чтобы ты меня узнал!»
Так сказав, Букай к батыру
В черной пене подскакал.
Как вершина Куртыбас,
Не спуская с пики глаз,
Смелым, статным и могучим
Был батыр в последний час.

Как мороз, он был суров,
Грудью львиною здоров,
Он Букая даже мухой
Не считал в орде врагов.
Пику он не наклонял,
Палец он большой поднял
И Букай, как от удара,
Круто осадил коня,
Конь поднял копыта ввысь.
«Э-э, Букай, себя стыдись,
Если ты остановился,
То скорей домой вернись.
Ты поправься животом,
Стал ты мышью, я – котом.
Ты силен лишь языком.
Бойко ты меня ругал,
Ты меня не испугал.
Не хватало, чтобы пику
Я в крови твоей марал.
Знайτε вы, худой Букай,
Байтыл и Битуган,
Снова я бросаю вызов,
Мне нужны не вы, а хан!»

7

Мчался первым Битуган,
Он кричал: «Ты трус, Букай!
Зуб у мертвого острее.
Ты боишься одного,
Дай, разделаю его,
Я возьму его на пику,
Раздавлю его ногой!
Суранши, послушай, эй!
Разве ты меня сильнее!
Не один я еду, рядом
Едет смелый Батеке-ей.

Знает ханская орда:
Первый я у ней всегда.
Ты батыр, я в битвах тоже
Хуже не был никогда;
Как и ты, я всюду смел,
Щит от крови не темнел,
Только я иду за хана,
Ты ж на хана налетел!
Но сбылись мои мечты,
Ненавистный, рядом ты,
Помнишь, бороду отрезал
Ты манапу Тореельды...
И тебя ли мне жалеть,
Ты за бороду ответь,
Смерть сама тебя пригнала –
Здесь тебе и умереть.
Нет горы, к которой я
Не прошел в седле коня,
Нет врага, который в битве
Уходил бы от меня.
Вырву душу я твою,
Не с такими я в бою
Силой грозною тягался.
Сердце я твое пробью!
Кенесары я убил
И его в земле сгноил,
Не клином ли Турлыбая
Горло я ему пронзил.
Хану верно я служил,
Уваженье получил.
Кенесары – вор, он смуту
В наши степи приносил:
Был зверем из зверей,
Убивал моих детей,
Он с землей равнял могилы
Управителей степей...

Сыпатай тогда непрочь,
Кенесары был помочь,
Байузак-батыр с позором
Убежал, как вечер в ночь.
И аргынец Агибай
И табынец Бухарбай –
Все бежали. Жал на пятки
И истынец Бугибай.
Хан киту подобен был,
Нос о камень он разбил,
А шатер его сожженный
Кизяку подобен был...
Кто же равен в силе мне?
Кто в бою бывает злей?
Славное мое деянье
Бог одобрил на земле!»
Хан не терпит – в гневе он,
И раздался звон стремян;
На батыра налетели
Три манапа с трех сторон.
Не укрылся за щитом
Битуган в бою крутом,
Как хорек, упал на землю
С переломленным хребтом.
Пика в грудь ему вошла.
Кровь густая потекла.
Два манапа иноходцам
Опустили удила.
Побелевший видит хан:
Поражен батыр Букай,
Он упал коню на гриву,
Обессилевший от ран.
Хан на помощь поспешил,
Ветер знамя распустил.
Сто манапов окружили
Волчьей стаей Суранши.

Разразилась гроза,
Раскалилась найза,
Раны острые горели,
Заливала кровь глаза.
Суранши неодолим,
Счет ведет с врагом своим.
В спину ханскую вонзилась
Пика, брошенная им.
Свежих сил запас иссяк,
Чует верный Ак-туяк,
Как сайга он закружился,
Не дает пробиться враг.

8

Вдруг ударил гром в горах,
Охватил манапов страх.
Мчат жигиты Ала-Тау
На своих аргамаках.
Бьет походный барабан,
Задрожал от страха хан.
Бурей русский друг батыра
Налетел на ханский стан.
Он врагов батыра смял,
Он голов немало снял.
Из кремневых грозных ружей
Он манапов поливал.
Здесь немногие спаслись,
Еле ноги унесли,
Еле раненого хана
С поля битвы унесли.
Хану не помог и бог,
Рану залечить не мог.
Дни бесславно он закончил
Кровью черною истек.
Так закончилась война
В те глухие времена.

Суранши вернулся в горы,
Отзвенели стремена.
Он, как беркут, смелый был
Он народу послужил...
И народ его с почетом
В Ала-Тау схоронил.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
СОЗДАННЫЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ**
(1921-1945)

АКТИВИСТАМ

Конец мира еще не настал,
И от песен Джамбул не отстал.
С неба молния не упадет –
С джайляу народ не уйдет.
Не исчезнет имя Джамбул
Ни от баев и ни от мулл.
Ненавидят они меня,
А боятся, как огня.
Я все тот же акын Джамбул,
На слова я все так же остер
В чей, скитаясь, забрел я аул?
На кого я занес топор?
Пока держится в теле душа,
Пока песня, как жизнь, хороша,
Хуже вас я не буду жить.
К беднякам вы не так добры.
Я же буду народ любить,
Песнь слагая под звон домбры.
Буду петь свои песни я,
Будет песня кипеть в огне,
Дорогие мои друзья,
Не случайно вы встретитесь мне!

БЕГ ВРЕМЕНИ

1

Когда я в девятый десяток вступил –
Страх старое тело мое охватил.
Торопят года мои в царство могил,
Но к жизни послушное слово вернул
В канун своей смерти старец Джамбул,
Все то, что он видел, – он в песни вдохнул
Пусть многое помнит акын о былом –
Всего не поведать в слове одном.
Рассказ мой неполон – согласен я в том,
Но плохо ли это, хорошо –
Вы слушайте сказ мой с открытой душой,
Завещанный вам в назиданье мой сказ.
Время торопит к пределу нас,
Силы уходят из тела у нас,
И оставляет народу завет
В девятый десяток вступивший поэт.
Свидетелем многих лет я был,
Я в песнях их горький след хранил.
Есть сотни песен, что я сложил,
Пропеть их снова пришла пора.
Живые! Слушайте их до утра,
Прикиньте сами своим умом,
В чем смысл сказания о былом,
И не считайте пустыми слов,
Что вам поведать Джамбул готов.
Джамбул, запевая, взмахнет крылом,
Джамбул, запевая, парит в былом.
Сколько путей былшем поросло,
Сколько людей перед ним прошло,
В прошлое кануло навсегда,
Как в легкий пар уходит вода.
Хан, языком суливший мед,
Хан, притеснявший бедный народ,

Ушел из мира с большим табуном,
С горячим и быстрым степным скакуном.
Кто не дождался волос в бороде
И девушка с черной косой до земли –
Такой же приняли горький удел
И навсегда из мира ушли.
Воин, храбрый защитник сынов,
В бегство своих обращавший врагов,
Мужественный, непобедимый батыр,
Навеки покинул сей бренный мир.
И тот, чьи мысли подстать жемчугам,
Чьи песни бурным подобны ручьям...
Так мир покидают и добрый, и злой.
И тот, кто покинул земной простор,
Песен моих знавал узор.
За восемь десятков пройденных лет
Я многих встречал на своем пути,
Я вновь оглянулся сегодня им вслед,
Чтоб старые песни свои найти.
Народу я эти песни дарю,
Народу песней я говорю:
– Бессмертны ли вы, я вам говорю,
Юношам и старикам говорю,
Я, умирая, с собой не беру
Ни песню свою, ни свою домбру,
Придет пора мне глаза закрыть –
Не остановится песен река,
И вы придете благодарить
От всей души своего старика.
Тайна времени скрыта в сердцах,
В песне времени нет конца.
Смотрю на прошедших годов череду:
Вижу горе, вижу нужду,
Вижу, как вырастал человек,
Не встретив месяца светлый бег,
Не встретив солнца дневного лик.
Мыкал он горе, к нужде привык,

Был его спутником ханский гнев,
Бил его бек наотмашь с плеча,
Бай у него отбирал посев.
Бия над ним висела камча.
Черной горой давил народ
Времени тяжкого гнет,
Лишал он тебя ума,
Воли лишал навсегда,
А на спине сидела сама
Грузным горбом нужда.
К счастью тропинки скрыты песком,
И нет кровинки в лице твоём...
А ты сегодня вокруг посмотри:
Над всею страной лучи зари,
Не солнца, взглянувшего из-за туч, –
Надежд исполненных яркий луч,
Жизни свободной прозрачный ключ,
Счастье души озаривший луч.
Руки достали до облаков,
И просияло слово «Совет»,
Слово светлее всех прежних слов,
Слово, народу давшее свет.
Баев и биев прочь изгоня,
Росли мы сильнее день ото дня.
Мы закаляли себя трудом,
Мы поднялись могучим хребтом.
Красное знамя горит в вышине,
Повсюду видное в нашей стране.
Большой народ свободно вздохнул,
У самых печальных пропала грусть,
И тут распрявился старик Джамбул,
Читай его слова наизусть,
Запомни акына простые слова!
Старых законов нет,
Новый закон един –
Женщинам даны права,
Что и тебе, мой сын.

Исчезла вражда племен,
И дружба пришла в страну,
И старый Джамбул в домбре
Переменил струну.
Пусть слушают внуки мои
Волшебные звуки домбры,
В беседах моих круговых –
Акына взволнованный стих.

2

Нам был тяжелый жребий дан –
Стонал в неволе Казахстан.
В те сумрачные времена
Народом правил гордый хан,
К его аулу знатный льнул,
Разбой, грабеж, гульба, разгул
Запугивали бедный люд,
И страх внушал его аул.
И вести, полные тревог,
Во все концы степных дорог
О гордом хане разнеслись.
Никто бороться с ним не мог,
Все низко кланялись ему.
Но тьма сразить решила тьму,
И новый появился хан:
«Вся степь подвластна одному», –
Он так сказал, но вслед за ним
Нашелся третий, одержим
Желаньем гордым ханом стать.
Над степью встал пожаров дым,
Междоусобицы костер
В степях огни свои простер,
Набегом в полночь на аул
За первенство решался спор!
А кто был притеснен и бит?
Не хан, что гневом знаменит,

Не гордый хан, не хитрый бек –
Народ был под ярмом обид,
Простой кочевник-скотовод,
Что пас овец у чистых вод,
Что песни мирные хранил
Из века в век, из рода в род.
Так стал народ мой к знанью глух,
И в юртах песен свет потух.
Гнет наступил, тяжелый гнет,
И рабства цепь надел пастух,
Он пас, он водопой искал,
Его хвалили свысока,
А если он терял овцу –
На кол сажали батрака.
Он рвал свой нищенский халат,
Он крикнуть был от боли рад,
Но крикнуть не хватало сил.
Вот так в степи бывало, брат!
Что делать если семена
Богатый бай забрал сполна?
Страдал батрак, лишенья нес,
Терпела все его спина.
Ощипанной он птицей был,
Без перьев птицей и без крыл,
Обглоданною костью был,
Взамен сурпы сарсу он пил.
Жена и дети в батраках,
Рабами бытъ велел им страх.
Им волосы хозяин рвет,
Их тело вечно в синяках.

3

В гневе царь Николай опять.
Где ты, казахских аулов знать?
Царь приказывает созвать
Самых богатых баев степи.

Дарит им царь халат из парчи,
Дарит им царь офицерский чин,
Словно вручает к богатству ключи,
Но снова бедный народ в нужде.
Баев опора – царский трон,
Для бая приятен лукавый закон,
Но батраку непонятен он –
Батрак стоит в стороне.
Ему забытым и нищим быть,
Ему соленые слезы лить,
Горе с горем ему служить –
Вот судьба батрака.
Батрак порой не в своем уме,
Лепешки нет у него в суме,
Глаза его не видят во тьме,
Кого ему выбирать?
Он стал теперь терпеливым рабом,
Рабом с молчаливым закрытым ртом,
За байским он стал ходить скотом,
Месть в груди схоронив.
Платы за труд он совсем не знал,
Просьбам его не внимал аксакал,
Он псом батрака недостойным звал,
Знай свое место, батрак!
«Слово твое – продырявленный грош,
Ты и обличьем с людьми не схож,
Жалобой нас, батрак, не тревожь.
«Знай свое место, батрак».
Тот, кто богат, кто именит,
К выборам щедрый принял вид.
Деньги сулит, одежду сулит –
Люби меня, дескать, батрак.
Его охаживал волостной,
Его прикармливал бай сурпой,
Его, как коня, вели за собой,
Чтоб голос его добыть.
Лишенный воли, лишенный сил,

Батрак свой голос тому дарил,
Кто тяжестью гнета его давил,
Кого ненавидел батрак.
Бороться он с баем уже не мог,
И в разуме отказал ему бог, –
Вот доля твоя, батрак.
Нет коня, чтобы ехать верхом,
Радость оставила бедный дом,
Лохмотья вместо одежды на нем,
Печаль лежит на лице.
Пусть в его юрте ржавый казан,
Как перед казнью, в глазах туман,
Удел неудачника ему дан,
Счастье минет его.
Снова над бедным глумится бай,
А если поспорит бедняк невзначай, –
Осудит его волостной.
Небрежно он бросит пару слов
С колючей насмешкой в концы усов.
Он бая всегда поддержать готов,
Голодному он не слуга:
«Ты оскорбил того, кто богат,
Того, кто в почете от юрт до палат,
Ты в штраф отдавай коня и халат,
Помни кого оскорбил.
Как ты решиться на это мог?»
И бедняку его пару ног
Вдевают в один дырявый сапог
Мол, попляши, бедняк!
«Веди скорей коня за собой,
Только халатом его прикрой –
Иначе расплатишься головой
За дерзостные слова».
Не рассчитал бедняк своих сил:
Он бая злым языком оскорбил.
Мудро весьма волостной рассудил:
«За оскорбленье – штраф».

Безропотен в горе казах-кедей,
Он лошадь последнюю свел, а с ней
Надежды лишился вконец.
Рассудок кедея покинет тут,
Домой, подгибаясь, ноги ведут
Несчастья в горьком тумане плывут,
Не вспомнит их всех певец.

4

Не счесть богатства бая в степи,
Он грабил всюду, куда ни ступи.
Поборами нажил бай-хитрец
Большие отары курдючных овец.
Жирные мысли устремлены
Теперь на покупку новой жены.
Первую сладость вкусив от одной,
Жадный бай потерял покой.
Нет проку от бая, но сила за ним,
Народ заплатит за бая калым.
Сам волостной, угрожая камчой,
Будет жесток и неумолим.
Бай не отступит, бай упрям.
Внимают в ауле байским словам:
«Сами отдайте, – я вам говорю, –
Скупитесь – плохо придется вам...»
Бай хищно зеваает широким ртом.
Достиг он блаженства – пять жен есть при нем.
Он видит в довольстве владенья свои,
Он видит, как полнится доверху дом,
Но воле его не подчинена,
Из дома бежит молодая жена.
Бай в гневе, он не дозволит ей
Порочить знатные имена.
Жены он родичей созовет:
«Мне за обиду отдайте скот».
Уездный начальник беглянку-жену
В самом далеком ауле найдет.

Вольность ее не сохранит.
Связанную, в слезах возвратит.
Ей некуда больше теперь уйти,
Поведать некому горьких обид,
Рыдает она, распустив волоса:
«Жизнь моя горше участи пса,
Не я ли на топку кизяк припасла,
Не я ли телят и ягнят пасла?»
Босой ногой ступает на лед,
Не охраняет от непогод
Рваное платье ее.
Душа ее тело покинет вот-вот,
И одинешенька-одна
Песенку злую поет жена, ♪
Она нелюбимому песню поет
Горькую ночь напролет.

ПЕСНЯ ЖЕНЫ

Со мною провести ты ночь
Уже два месяца не мог,
Твои издевки мне невмочь,
Пускай тебя накажет бог.
Я дом оставила родной
И стала жертвой для утех,
А после – жалкою рабой,
Пусть на тебя падет мой грех.
За что – никак я не пойму –
Таскаю воду и дрова.
Твоя жена в твоём дому
Утратила жены права.
Другим я женам не ровня,
Ты глух к словам обид моих,
И кроме крика для меня
Ты не находишь слов других.
Покорная, без сил и сна,
Я вижу в радости обман,

Теперь судьба моя одна –
Пахучий собирать джусан.
Мой старший брат, глаза закрой.
Как ты, как родители могли
Так поступить с своей сестрой,
Швырнуть на жаркие угли,
На рабский труд, в ярмо забот,
Где солнца нет, где вечно мгла.
Меня вы продали за скот,
Чтоб я слезами истекла.
И ваша жирная еда
Не пахнет ли моей тоской?
А я – голодная всегда
И с непокрытой головой.
Не вынесу я свой удел,
Пусть на тебя мой грех падет.
Ты от баранов опьянел,
Как я пьянею от невзгод.
Не вынести мне всех обид.
И если муж, хваленый бай,
Глумления не прекратит, –
Уйду я в безвозвратный край.
Нет горестней моей судьбы,
На мне лохмотьев рваных след,
От слез нет слова у рабы
И смелости для жалоб нет.
Я вижу горький свой конец,
Никто от бед меня не спас.
Вы, братья, ты, родной отец,
Пускай мой грех падет на вас.
... И я в отчаянье стою,
Я вспоминаю: волостной,
Не принял жалобу мою,
Ушла в слезах, ушла с тоской.
Я вспоминаю, как потом
Настигла новая беда.
Меня, связав тугим узлом,

Опять отправили сюда.
Мулла приходит в байский дом,
Не здешний – из приволжских стран.
«Жена – твоя раба, о том
Рассказывает наш Коран».
Он куропаткой семенит,
Медоточивый байский льстец,
Он шариатом мне грозит
И предвещает мой конец.
Меня одолевает страх,
Я вся в слезах, я вся в слезах.
Они приехали с двух сторон
В степь нести правове́рных закон,
И, сотворив священный намаз,
Учат детей для отвода глаз.
Байскому сыну – почтенье муллы,
Достоин он всяческой похвалы,
Мечеть посещает и строен собой,
А сын байгуша достоин хулы.
Он в старую рваную шубу одет,
На нем ни сапог, ни шапки нет,
Дрожит вислоухим лошонком он,
Ему недоступен белый свет,
Шерсти ключья на нем висят –
С весны не линявший лошонок космат.
Ты посмотри, сын байгуша,
Как байского сына приятен наряд.
К нему приезжают отец и мать
Подарки мулле с уваженьем отдать,
А в стороне стоит байгуша,
Тяжкою думою полна душа:
«Эх, был бы мой сын на него похож.
Меня б не бросало в горькую дрожь».
Вот сын бедняка приходит, и строг
Мулла, говорит: «Ты садись на порог,
И ближе не смей, ты пачкаешь тор
Следами своих немытых ног».

Сын бая и в драке будет прав,
Когда подерутся в пылу забав,
И разве только перед муллой
Он ниже травы, тише воды.
Несправедливый учитель мулла
Бедняцкого сына обидит всегда.

... Издалека, из-за черных гор,
Голову плотно закутав чалмой,
По шариату потупив взор,
К народу идет хаджи святой.
Разум теряет народ перед ним,
Хаджи приступает к реченьям своим.

СЛОВА ХАДЖИ

Вы послушанья дали обет,
Платите Аллаху за скот зякет.
Благословляет святой отец:
Из отары в сорок овец
Одну отдавай, о темный люд,
И овцы тебя от греха спасут...
... Ты знай – загробный мир тебя ждет,
И там тебя не насытит скот,
Добро твое будет тебе не впрок,
Не я говорю – так говорит бог,
Зякет со скота нам свыше дан.
Внемли. Я читаю тебе Коран.
Если ты хочешь ныне и впредь
Благословенье сыну иметь –
Трижды девять жертвуй в мечеть,
Сын твой будет умом наделен,
Помни всегда Аллаха закон:
Не принесешь кобылицу в дар –
В загробном мире несдобровать,
В загробном мире есть адский жар,
Которым будут тебя пытаться.

Казахи, слушайте слово хаджи,
Слушайте все – и стар, и млад:
Храните божий закон – шариат,
И вы на том свете минете ад.
Скот нечистый из стада прочь,
Своим бесчестьем Коран не порочь,
Пища тебе пойдет во вред,
Пока не уплатишь сполна зякет.
Думай о царстве загробном, казах,
Да будет твоим провожатым страх,
Сотню коней пересчитай,
Сто первого в жертву Аллаху отдай.
Думай о страхе адских тревог,
Сколько ни дашь ты – избыток далек,
Как Аллах сказал, так и знай.
С урожая кушур отдай.
Прочитаю тебе, казах,
Из Корана священный стих:
«Там за гробом богатства – прах,
Вера в Аллаха – богатство живых».

Вот как мулла и много мулл
Со всех сторон в любой аул
Пришли обманывать народ,
Чтоб он на ложный путь свернул.
Бий и манап – опора их,
Есть наговоры для больных,
Но никогда не воскрешал
Покойников священный стих.
Вот так покойника спасти,
Овец суягных увести
Могли священные отцы.
Но правда не у них в чести.
Их правда – взятки и обман,
Их книга – «праведный» Коран,
Но с ними не пошел народ,
У бедного в глазах туман.

Где новый путь ему обрести,
Где правда, совесть где и честь?

5

Царь Николай глубокий канал
Вырыть в Кзыл-Кумской степи приказал,
Но кроме канала, добрых дел
Казахский народ от царя не знал.
Была у царя рука длинна.
Повсюду в степи доставала она,
И восемь сенаторов восемь рук
Тянули к народу, как цепкий паук.
Зло испытала степная страна,
Лучшие земли забрала казна,
И безземельная беднота
Как будто огнем подпалена.
Спасенья искала в степи беднота,
Везде настигала их горя пята.
Соленые слезы труженик лил,
Мечту о земле он свято хранил.
Вам правду сейчас говорит поэт,
В бумагах есть запись этих бед.
Но мало земли лишит народ,
В уплату налога уходит скот.
Лишенный земли, лишенный отар,
Куда же теперь бедняк пойдет?
Когда его землю взял закон,
Смиранный не прекословил он,
Застыл, рыдая, на полуслове он,
Неотвратимым несчастьем сражен,
Несчастьем, посланным белым царем
В казахскую степь из столичных хором.
Казахи имели много земли.
Но пользы извлечь из земли не могли:
В аулах ученых людей не найти,
И были богатства земли взаперти.

И скрыты были недра ее,
Плоды, что украсили б щедро ее.
Лежали золото и серебро.
Свинца изобилье и медных руд,
Не доставалось нам это добро,
Казалось, его без нас разберут.
Повязку невежества на глазах
С обидой носил кочевник-казах.
Он видел, как шарит чужая рука
В родных степях и в родных горах,
Как нюхают золото господа,
Как ищут к земным богатствам ключи,
Как, наконец, добрались сюда
Из дальней Англии богачи. '
Возникли заводы там и тут
В широких просторах нашей земли,
Найдут запасы железных руд.
Откроют каменный уголь,
Свинец откопают, добудут медь,
Запасы золота и серебра,
И, крадучись, жадно будут смотреть,
Что же еще утаила гора?
А ты здесь года бродил, бишара,
Эта гора – твоя гора.
А ты не знал, казах-бишара,
Что здесь у тебя так много добра.
Ты смолоду грамоты не разумел,
Хозяйство кочевника – вот твой удел,
Лучшие земли твои забрал
Ага-волостной, бай-аксакал.
Взял твои земли пузатый бай.
Мирза разжиревший разграбил твой край,
А на заветные клады земли
Иноземные жадные руки легли.
Просторна наша земля, широка,
В ней от Урала к Алтайским горам
Простерлись степи Сары-Арка,

Открытые всем кочевым ветрам.
В ней, от Джунгар до Алтайских гор
Легло оазисом Джетысу.
В ней Балхаша озерный простор
Красит волной степную красу.
И слыли раем земным на славу
Гора Кокчетау, гора Баянтау.
В лесах зеленеют ель и сосна,
Травы нагорных лугов шелестят,
Вода в быстротечных реках ясна, –
Так изобилен наш край и богат.
Но был разграблен родной наш край,
Отмерена за верстою верста,
Лучшее отнял сам царь Николай,
И мы покидали родные места.
В голодную степь, в Бетпак-дала,
Нужда нас жестокой камчой гнала.
И снова лучшие земли забрал
Мирза разжиревший, бай-аксакал.
Прохладой вновь упивается бай:
«Мое кстау – вот сущий рай, –
Кичится бай, ухмыляется бай:
«Мое джайляу – вот сущий рай.
Кстау мое, джайляу мое,
Раздолье покосных лугов мое.
Я вас прогоню из этих краев.
Ты клевер, бедняк, от меня не таи,
Покосы и клевер тоже мои,
Ты землю немедля мою покидай», –
Волю свою объявляет бай.
Съжившись тихо в жалкий комок,
Уходит бедняк по одной из дорог,
Не мог он бороться и возражать.
Земли и правды добиться не мог.
Идет он, съжившись в жалкий комок,
Тяжелое бремя послал ему бог.
Идет он без сил, вспоминая долги,

Страшится несчастный новых тревог.
Из дома выгонят бедняка,
Съест его, горемыку, тоска.
Опустошенный, он изможден,
В дырявых лохмотьях повисла рука:
«Вес потеряли мои слова,
Я только обжился едва-едва,
Меня изгоняют, мне помощи нет,
В несчастиях хмелеет моя голова.
Ключок земли я хочу вспахать,
Но где мне вола для распашки взять?
Есть путь один – это знает он –
Снова к баю идти на поклон.
Может, расщедрится жадный бай,
Может, на счастье взращу урожай,
Может, он даст своего вола,
Может, поправлю свои дела.
Принимая смиренный вид,
Низко кланяясь, он говорит:
– Будьте милостивы, ага,
Видно, гибель ко мне пришла,
Мои дети без молока,
Во дворе моем нет вола.
Одолжите корову мне,
Помогите своим волом,
Я посею хлеб по весне,
А к зиме расплачусь с долгом.
Соглашается сразу бай:
– Вот волы, байгуш, впрягай.
Он обрадован, он бегом
Возвращается к детям в дом.
Он сгибается от забот,
Может кончатся дни невзгод?
Пашет, сеет, боронит он
И надеждой на хлеб живет.
С ним хлопочет его детвора,
С ним на пашне жена с утра,

Дружно трудится вся семья,
Чтоб иная пришла пора.
Он отсеялся, но позвал
Бай его прокопать канал
И пустить на посевы свои
Освежающие струи.
– Я тебя не оставлю в беде,
Помогу, несчастный, везде, –
Обещает ласково бай,
Изнывает батрак в труде.
Колосятся в долинах хлеба,
С гор идет за арбою арба,
То с летовки вернулся аул,
А бедняк не расправил горба,
Он трудился на бая как раб,
Он совсем от работы ослаб,
Поседел он, лишился сил,
Он в лохмотья чапан износил.
Наливается колос пшениц,
Радость светит от детских лиц,
Хлеб созрел, хорош урожай,
Но на жатву приехал бай.
Видя золото спелых нив,
Необычно бай тороплив.
Он доволен, свои мешки
Полновесным зерном набив.
Из отары байской баран
Самый старый идет в казан:
Лицемер угостил батрака
Бес-бармаком, скрывая обман.
К баю хлеб пошел в закрома.
А бедняк? Он сошел с ума,
Он весной и летом был слеп,
Если думал взять себе хлеб.
Разве он человек, бедняк?
Третье ему не выйдет никак.
– Я по праву старшего взял,

Я тебе быков отдавал.
Что останется – то твое, –
Бай последний мешок завязал.
– Я, ага, вас теперь молю
Жеребенка поездить дать,
Я его сенцом откормлю,
А иначе мне погибать.
– Эта просьба твоя смешна,
Ты заездишь мне стригуна.
Жеребенка я не отдам,
О судьбе своей думай сам.
Бай идет отдыхать на курпе,
А бедняк, покорный судьбе,
Без запаса пищи опять
Будет с голода умирать.
Многих баев я повидал,
Беззаботных хозяев встречал.
На них трудится стар и мал.
Что им скот? Что зимовка им?
Их забота – сон и еда.
Сгинет пара отар – не беда.
На зимовках без сена скот,
Без кормов у бая стада.
В день морозный узнает бай,
Что добычею волчьих стай
Стало много худых овец,
Что кормам наступит конец.
«Ты – виновник всех наших бед –
Бай кричит пастуху в ответ, –
Ты ограбил меня, лентяй,
И тебе прощения нет.
Ты несчастье приносишь мне,
Конь погиб по твоей вине.
Что тебе лентяю платить.
Если ночь ты проводишь во сне?
Не насытить тебя никак.
Ты прожорливей злых собак,

Ты собрался меня извести,
Чтоб ты сдох, голодранец-бедняк.
Нет, тебе не прожить свой век,
Разве ты, батрак, человек?
Разве я тебя не жалел,
Когда твой отец околел?
Волчьей злобой глаза полны,
Желчью дышат мысли твои.
Ты, добра не помнящий пес.
Отгони мои табуны!»

Так уходит в стужу пастух.
Замыкая несчастий круг.
Бай ему не поставил юрты,
Ждать от бая ль ему доброты?
Он сквозь стужу в лохмотьях своих
Гонит степью чужие гурты.
Прокоптил ему дым костров
Платье старое из лоскутов.
Нет на жалкой шубе полы,
Нет на обуви каблуков.
Дождь октябрьский сменяют снега,
Застревает в сугробах нога,
Бедняка пронизали насквозь
Стужа льдистая, ветер, пурга.
Обессилил голод его,
Обездолит холод его,
В день морозный в степи батрака
Настигает смерти рука.
«Пастуха одолел мороз»,—
Кто-то баю известье принес,
И кому-то бросает бай
Слово краткое: «Закопай».
Кун не для бедных. Отец зарыт,
Жена и ребята рыдают навзрыд,
Сменит раздумье слезы жены:
«Кто нам поможет, кому мы нужны?»

Скот продать? Только где он, скот?
К баю идти? Он жесток и упрям».
Но все же приводит жену и сирот
Дорога надежды к байским дверям:
– Наш хозяин покинул дом,
Мы безутешны в горе своем,
Нашу просьбу, радетель, прими,
Я по миру скитаюсь с детьми,
Помоги, ага, чем-нибудь,
Укажи нам к спасенью путь,
Ты сирот его пожалей,
Одари нас лаской своей.
Неприступен бай и суров,
Нет у бая ласковых слов:
– Ничего я не брал у вас,
Взял Аллах, Аллах и отдаст;
Я прошу вас мне дать покой,
А на мой порог ни ногой.

6

К нам в степи купцы налетают, как дождь,
Овечье руно забирают за грош,
Глаза завидующие смотрят вокруг –
Мерлушки им мало, и шерсти, и кож.
Купец по дешевке закупит товар,
Резвится он, глядя на сотни отар,
Он их в Андижан перегонит, а там
Перепродаст богатеям-купцам.
Добытчик миллионов не будет в раю,
Но твердо он знает дорогу свою.
Спокоен и весел заезжий богач,
Охочий до легких нажив и удач.
С ним тоже в аулы приходит беда
Он тоже обманщик и опытный плут;
И если он с баем поладит всегда,
То батраку заготовил он кнут,

И где бы он ни был бедняга-батрак,
Его не заря ожидает, а мрак,
И он покоряется горькой судьбе,
Сил не имея к неравной борьбе.
И если бы срезал мяса кус
С тела живого хозяйский нож,
Привыкший к обидам, покорный трус,
Он был бы с тихой овцою схож.
Тяжелое время! Я слышу стон,
Идущий к нам из глуби времен,
В душу народа страх проникал,
И даже храбрый трусливым стал.
Батрацкое слово – ломаный грош,
Правда его сходит за ложь.
Он голос возвысит – беднягу ведут
На скорый суд, на неправый суд.
Глаза ему выколят, снимут чапан,
Коня-скакуна отберут за обман.
Бай возвратился счастливый домой:
«Правилен суд справедливый мой,
Свое получил по заслугам кедей,
Как будто нет без него людей».
А бедняка единственный путь –
Ноги свои протянуть.
Отчаянья страх и горя страх,
На шее ярмо и путы в ногах.
Что делать тебе несчастный казах?
Твои надежды развеяны в прах.
Рассудка, видно, лишился ты,
Горем своим упился ты,
Правда твоя сошла за ложь,
Чем же ты душу свою спасешь?
Как молот, вбивающий в войлок кол,
К нему волостной с наставленьем пришел:
«Добра не расходуй, будь бережлив...
Нахмурятся люди, бедняк молчалив,
Он губы сжимает, не зная вины,

Не понимая слов старшины.
А волостной, как змея, шипит:
«Ой-бой, ты хвост подожди», – говорит,
«Кто правит мудро людьми», – говорит, –
Тому богатство принадлежит...»
И про себя бедняк
Думает так:
«Если я с баем борьбу поведу, –
Впаду в нескончаемую беду».
Бедняк запомнил слова угроз,
Что бай однажды ему произнес:
«От жизни твоей у меня ключи,
Твой скот по праву сильного – мой,
Все отберу для казны, молчи! ,
Слаб ты, бедняк, и труслив душой.
Смирись перед нами, несчастный, смирись.
Нашей силе, бедняк, покорись.
Сопrotивляться? В своем ли уме?
Путь на земле окончишь в тюрьме.
Шутки с нами шутить – беда!
Такое покажем, что взвоешь тогда».
В неравной борьбе получив удар,
Падает бедный в глубокий яр,
Никто не поможет теперь ему,

Его заточат теперь в тюрьму,
Либо вконец разоренный он,
Воды и овец лишенный он,
Обложенный непосильно он –
Уйдет из тьмы предмогильной он,
Бродяжить долгой дорогой уйдет
И песню такую тогда споет:
«Меня нужда к борьбе звала,
Я право бедных защищал,
Меня сразила та стрела,
Которую я сам послал».
Царь бедняка не защитит,

Царь байские права хранит.
Бедняк – добыча для орла,
Что кровью насыщаться мог,
Его несчастьям нет числа,
Как нет конца его дорог.

7

Народную честь народу вернуть,
Правде новую силу вдохнуть,
Народ возвратить на верный путь
Маркс и Ленин смогли.
И встал с колен народ-исполин,
На правое дело встал, как один,
На битву призванный властелин,
Хозяин своей земли.
Вожди нашли дорогу ему,
Добавили силы много ему
И снарядили в бой.
Тот, кто судьбой обездолен был,
Кто молчаливым в неволе был –
Встали одной стеной.
Батрак и бедняк заодно с пастухом
Не захотели быть под ярмом,
Горе терпеть под байским кнутом –
Вышли на смертный бой.
Ленин великий! Это ты –
Свершенье вечной народной мечты.
Ты победил навсегда волостных,
Баев и хитрых прислужников их,
Ты победил царя.
Встала над степью счастья заря,
Ярко лучами ее освещен
Новый закон – Советский закон.
Заводов труженики и земли
Заговорить свободно смогли,
И женщина, что молчала года,
Стала свободною навсегда.

Наше богатство, что бай накопил,
Наше право отдано нам.
Нынче хозяин народных сил
Тот, кто овец выпасал богачам,
Кто при царе Николае жил
У самого края глубоких могил,
Кто был угнетен, как несчастный раб,
От жажды и голода кто ослаб.
Бай – бедноты извечный враг –
Сброшен отныне в бездонный овраг.
Я видел – освобожденный народ
Дорогой труда к изобилью идет,
Я видел улыбки на тысячах лиц
В просторе освобожденной земли;
Я видел косяк степных кобылиц,
Что нам своих жеребят принесли;
Я видел – коровы дают приплод,
Верблюдицы – верблюжат,
Я видел, как шел в отарах скот,
Я слышал, как песни звучат.
В Совет пришла заседать беднота,
Она была бедноте не чета,
Всем известны ее права
И полновесны ее слова.
Хозяин в отары пришел теперь,
Хозяин богатство свое вернул.
Советам отныне судьбу свою вверь,
Степной, пробужденный к жизни аул.
Батрак и бедняк заодно с пастухом,
Хозяева жизни в краю степном.
Советы нас пробудили от сна,
Советами нам справедливость дана.
Ясный путь, правильный путь,
Путь, который правдой зовут,
К светлой вершине по имени Труд.
Путь к свободе и счастью в века
Нам Ильича указала рука.

Кончился жирного бая гнет,
Мулла не сочит ядовитый мед.
Великая партия большевиков
Сомкнула нас в грозный, могучий ряд.
Народы объединились на зов
Светлого месяца Октября.
Голос народа – голос мой,
Мы сами правим своей судьбой.
Возмездье народа принял бай,
Свободно дышит мой вольный край.
И только воспоминанья порой
Глаза затуманят невольной слезой.
Но прошлого сразу исчезнет туман,
Свет разума нам Советами дан.
Он распахнулся, степной простор,
Он с морем счастья и правды схож,
У наших вождей орлиный взор,
Они из речей изгнали ложь.
Для внуков моих просветлели дни,
Я вижу, в школах горят огни.
Огни справедливости и наук,
И деду в труде помогает внук.
Струится знанья волшебный родник,
К нему молодой и старый приник...
И, размышляя, я увидал
За перевалами перевал.
Окинул грядущее, и зажглась
Вершина хребта, как костер вдали;
С этой вершины открыты для нас
Дороги во все концы земли.
Нас вывели Маркс и Ленин из тьмы,
И славит их мой песенный стих,
Рожденные смертными, как и мы,
Они бессмертны в делах своих.
Я возвращаюсь к нынешним дням,
Пройдя по прошлым трудным путям.
Так я в девятый десяток вступил.

Все то, что я видел,
я в слово вложил.
Из дальних путей, из трудных дорог
Я горькие песни для вас сберег.
Чтобы свободный познал человек
Думы народа, времени бег.
Песен собранье, сказы мои,
Вам в назиданье, друзья мои!
Пусть ваша память их сохранит,
Счастья над вами заря горит,
Увидите сами грядущий путь,
Ленина знамя вовек не свернуть.
Друзья мои милые, мой народ,
Несметною силою стремитесь вперед.
Ясное солнце сияет для нас,
Закон окрыляет мудростью нас.
Мысли великий рождает для нас;
Покорным, как прежде, народ, не будь,
Стремленье вперед –
твой надежный путь.

СЛОВО К МОЛОДЕЖИ

Милые мои, вы почтительно дали мне слово. Но оправдаю ли я ваши надежды? Ведь давно прошла пора, когда, бывало, я пел звучным и сильным голосом. Сейчас мне уже восемьдесят восемь лет. Выпали все мои зубы. Обратились бы вы ко мне в минувшее время, когда я соревновался с акынами на больших тоях, я бы исполнил любое ваше желание. Я ничего не пожалею для вас и теперь. Где вы, мои силы, чтобы дать вам все, что вы хотите?

Но если нет у меня голоса для пения звучных песен, – в сердце моем еще хранится жемчуг слов. Вашу просьбу исполню я не напевом, а песней, сложенной по вашей воле.

Старик мой Нуржан, перо с тобой.
Ты нам полнозвучно песню спой,
Доселе не знал соперников ты.
Источник ли сердца акына пустой?

Так говорил сам Нуржан Наушабаев.

Силы собери свои, Джамбул,
Час настал, чтоб ты смелей шагнул,
Буйной молодой травой сошлась
Юность отовсюду в твой аул.

Песню ты сложи, и даст покой
Юность, что стоит перед тобой.
Ты, Жаке, не на чужом пиру –
Для свободной молодости спой.

Не скупись! Открой сундук, старик,
Отвори поэзии родник,
Одари глотком живящим нас,
Слов неиссякаемый родник.

Понапрасну сердце пусть не ждет,
У тебя ль домбра не запоеет?

Ты, как четки, строки нанизы,
С языка янтарный капнет мед.

А-у! Начну! Коснусь я струн
И удаль юных воспою.
Я – перегнавший всех скакун –
Забыл ли я байгу свою?

Копыта ль сбиты? Мой удел
На месте ль шаг перебирать?
Народ вокруг, я снова смел,
Я, старец, вновь готов скакать.

Домбра! Я сызмала навек ,
Стал эхом песенным твоим,
Сравнялось семьдесят, но бег,
Как в детстве, был неукротим.

Домбра! Взгляни со мной назад,
Как в праздничный и шумный пыл
Дошел я до Семи Палат
И песней всех опередил.

Там мне вручили первый приз,
Я принял приз, но что мне он?
Была неумолимой жизнь,
Обманом был ее закон.

Мне показалось, как тогда,
Вокруг меня стоит народ,
Неужто ль в славные года
Джамбул сильнее не запоет?!

Узоры песенные вей
И от себя не отрекись:
Неужто ль в этом торжестве
Упустишь ты желанный приз?!

Язык, ты немоту забудь,
Рассыпьтесь песен жемчуга!
Растет наш труд, велик наш труд,
Горяч и быстр он, как байга.

Джамбул и смерть принять готов,
Надежен молодости путь,
Как неизменен жемчуг слов,
Что в сердце крепко берегут.

Эпоха – ваша. Так сказал
Джамбул, и спор излишен здесь.
Я знаю – золотой металл
В огне не обратится в жель.

И шелк в лоскутках – так и знай –
Такой же нежный шелк – не бязь.
Алмаз хоть с глиною мешай –
Не будет походить на грязь.

Пусть сталь ударясь о гранит,
Не затупляет острие,
Но кто народу зло творит –
Тот с юностью покончил все.

Внимайте, как поет Джамбул,
Старик не хочет отставать,
Богатство слов он развернул,
Чтоб правду юности сказать.

Догнать его. Едва ль, едва ль...
Он рвется вдаль, он рвется вдаль.
Простор широк, простор широк,
Старик повсюду будет в срок,
И музыку его стихов
Весь край наш повторять готов.

НА ДЖАЙЛЯУ

В то раннее утро не парил зной,
Стояла в степи тишина,
Но Ерназар, мой колхоз родной,
Вставал уже ото сна.
Я слышал: растут голоса в тишине,
Катятся вдаль волной –
Колхозники наши пришли ко мне
Потолковать со мной.

«Веди, – я услышал такие слова, –
Нас на джайляу, Жаке,
Туда, где налитая соком трава
Не вытоптана никем.
Там ветры, как шелк, там чиста вода,
Веди нас, Жаке, туда!»
И я отвечал: «Хорошо, идем», –
Поднялся и сел на коня.
Мы вместе поехали за табуном
В ласковом свете дня.

Ржали, резвясь, жеребцы-скакуны,
И словно под звук струны,
Были сердца наши счастья полны,
Запахом трав пьяны.
Горы сверкали белой чалмой,
Парил в вышине орел,
Колхоз Ерназар веселый мой
Я на джайляу вел.

Вода нам навстречу бежала с гор,
Прозрачна и холодна.
И я устремил к Ала-Тау взор...
Родная моя сторона!
Если и веки сомкну, найти
Сумею джайляу во мгле...
Будем мы добрых коней пасти
На тучной нашей земле.

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

1936

Пришел я к тебе из далеких степей,
Пришел к тебе в мраморный мавзолей,
Бессмертный, родной, любимый.
Не умер, ты! Не лежишь в гробу!
С живым с тобой говорит Джамбул
И в сердце несет твоё имя!

Стал мавзолей твой сердцем земли,
Волны народов к нему потекли
Потоком бескрайним, как годы.
Не умер ты! Не в гробу лежишь!
Ты каждый день живешь, говоришь
С родным своим народом!

Данишпан!

Ты думал о каждом из нас,

Данишпан!

Ты нас от шакалов спас.

Как солнце, согрел миллионы,

Миллионы тех, кто с нуждой дружил,

Миллионы тех, кто без родины жил,

Миллионы нас, угнетенных!

Когда я смотрел на звезды Кремля,

Я видел – в них блещет жизнь твоя

И твой завет последний.

Я слышу – в Кремле твоё сердце бьёт,

Там твой любимый Сталин живет,

Великий твой наследник.

На крыльях могучих он гордо несет

Победное, славное знамя твоё,

Он в бурях и грозах вырос.

И там, где орлиные взмахи легли,

Там счастье для всех угнетенных земли,

Для всех пролетариев мира!

Мой Ленин! Тебе эта песня сейчас,
Мой Ленин! Живешь ты в каждом из нас,
Как солнце, согрев миллионы,
Миллионы тех, кто с нуждою дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы людей угнетенных...

В завещанье оставлю им,
Правнукам, внукам и детям своим,
Чтоб такими, как ты, они стали...

ПЕСНЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОРДЕНА

Джамбулу девяносто лет...
Я пел всю жизнь. Я стар и сед.
Но стал на старости кедей
Счастливей всех людей...

... Беру я орден и пою
И клятву верную даю:
Все песни обновленных дней
Отдать родной стране.

Вольется песня в шум работ.
Орлом над степью проплывет.
И будет чище серебра
Звенеть моя домбра.

Услышат звон моей струны
На шумных праздниках страны.
Жить стало лучше, веселей
На Родине моей.

Аскер с винтовкой ходит в бой,
Джамбул – с любимую домброй...
Я песней из каленых слов
Пойду разить врагов...

... Я по степям родным пойду,
Я песней путь в сердца найду,
Я буду петь все веселей
О родине моей!

ГАСЕМУ ЛАХУТИ

О дружестве песен на светлом пути
Ты мне по-фарсидски пропел, Лахути.

С открытой душой я твой голос встречаю
И песней казахской тебе отвечаю.

Твоими устами таджикский народ
Свою соловьиную песню поет.

Моими словами казахский народ
Заветную песню пускает в полет.

Под ласковым солнцем в счастливые годы
Меняются песнями наши народы.

Как лебеди, песни плывут в небеса,
За ними родные спешат голоса.

Прислушайся – в дымных горах Дагестана
Журчат родниками слова Сулеймана.

И Янка, акын белорусских полей,
Льет песни теплее, чем крик журавлей.

Запел весь Советский Союз многоликий:
Русские, тюрки, казахи, таджики.

На празднике песни звени и цветы,
Фирдоуси правнук, акын Лахути.

Как воды арыков под сенью зеленой,
Поем мы, и с нами поют миллионы.

О Родине нашей, о славных делах,
О коннице вражьей, развеянной в прах,

О дружбе народов, о солнечном братстве,
О щедром обилье, о пышном богатстве,

О том, что не стало насилья и зла,
О том, что земля на заре расцвела.

Взгляни, Лахути! Разрастается сад,
Тюльпаны и розы в саду шелестят.

Волна ароматов нам головы кружит,
Росинки лежат ожерельем жемчужин.

Над нами яснее небес бирюза,
Сияние радуг ласкает глаза.

И ветер в плену соловьиного щелка
Нежнее, чем шорох иранского шелка.

Я в старости вызнал все тайны вселенной,
Красу ее, прелесть и смысл сокровенный,

И выси хребтов, и пространство степей,
И недра земли, и глубины морей...

... Одно у нас пламя бушует в груди,
Одно у нас знамя, акын Лахути.

Мы дружно, как братья, народам поем
На разных наречьях, но об одном.

В казахском жире, в персидской газели
Одни у нас мысли и чувства созрели...

Клокочет созревшая песня в груди,
Ударим по струнам, акын Лахути!..

... Да так, чтобы песня звенела в веках
На всех человеческих языках.

ВЕЛИКИЙ ЗАКОН

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина.

От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.

По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот, пррдавали.

По этим законам аулы редели,
По этим законам баи жирели
И крепко на шее народа сидели.

По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Маленький след дорогу рождает,
Море из родника вырастает,

Из камня упругая сталь выходит,
Из слова рождается мудрость в народе.

От жизни счастливой рождаются дети,
Самые радостные на свете!
А с ними в колхозе рождаются песни,
Всех песен красивей, всех песен чудесней!

Звени же, домбра, по колхозным аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Слушай, Кастек, Каскелен, Каракол,
Я славлю Великий Советский Закон.

Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,

Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет.

Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа,

Закон, по которому вольным жигитам
К подвигам смелым дорога открыта,

Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш,

Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы,

Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.

... С песней, акыны, идите на сходы,
С песней о братстве великих народов,

С песней о родине нашей цветущей,
С песней, к труду и победам зовущей...

ПЕСНЯ О ПУШКИНЕ

1937

Горишь ты алмазом, цветешь, как рубин,
Поэзии русской могучий акын.

Жемчужины песен ты миру создал,
Из черного века твой гений сверкал.

Трусливая свора придворных царя
Гнала тебя в горы, презреньем даря.

Не в битве великой и не от меча –
Погиб ты от грязной руки палача.

Но что тебе смерть, если песня жива?
Сияют твои золотые слова.

Сто лет пронеслось, как тебя погребли, –
Ты стал всенародным акыном земли.

Читают тебя с упоеньем в глазах
Башкир и туркмен, белорус и казах.

Из песен твоих не забыть ни одной,
Ты, Пушкин, народному сердцу родной!

Ты в век наш врываешься музыкой слов,
Сияньем зари, ароматом цветов.

Живем мы все лучше и все веселей,
Греми же, бессмертный, как жизнь, соловей!

К КРАСНОЙ АРМИИ

Создал тебя в бурях народ трудовой,
Вел тебя Ленин на бой,
Когда наша кровь по арыкам текла
И тьма боролась с зарей.

Ты силу и доблесть родила в боях,
Мужали жигиты твои на конях,
За землю, за воду, за солнечный свет
Ты билась на всех фронтах.

Пытались враги на Советы напасть,
Но ты отстояла советскую власть,
И стали рубиновую звезду
Враги и бояться, и клясть.

Как сад, зацвела наша жизнь, но вокруг
Фашисты и баи сомкнули свой круг,
И ты, не слезая с горячих коней,
Внушаешь врагам испуг.

Снега Ала-Тау, как жемчуг, блестят,
Алтай и Кавказ, как алмазы, горят.
У вечных снегов, где гнездятся орлы,
Дозоры твои стоят.

В озерах долин розовеет заря,
Зреют хлеба золотей янтаря.
Орлиные очи дозоров твоих
Зорки, как дни Октября.

Кровавая проклята нами война,
Чужая земля нам совсем не нужна.
Стадами, садами, землей и водой
Богата наша страна.

Но если стервятники, злобой полны,
Посмеют нарушить границы страны,

Ты, Красная Армия, взвей над землей
Знамена священной войны!

Ты бейся – бесстрашна, грозна и строга –
До полного уничтоженья врага,
Чтоб хищная свора могилу нашла
В сыпучих песках и снегах.

Когда, ты могучая, ринешься в бой,
Я, старый Джамбул, с певуньей-домброй
Во всех наступленьях буду с тобой,
Песней звеня боевой.

СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА

Исполнилось семнадцать лет,
Как на плечо мое в рассвет
Спокойно птица счастья села.
С тех пор моя страна – джигит
Все крепнет, зреет, в даль глядит
Спокойно, по-батырски смело.

С лицом, похожим на луну,
Старик Джамбул рванул струну
В порыве жарком и высоком.
Дождь песен, брызнув, зашумел,
Нет! – Ливень песен зазвенел,
Нет! – Песни понеслись потоком.

Республикой Союзной став,
Весною на ковре из трав,
Поставил Казахстан отау,
Всю в золоте и серебре,
В шелках, цветущих в тон заре,
В тюльпанах, в мальвах, в маках алых.
(Открою я в простых словах:
Когда пою я о цветах –
Держу я думу о металлах!)

Наш путь теперь широк и прям,
На смену кочевым коням
Степь распахнула ширь машинам!
Народ мой полюбил металл,
За перевалом перевал
Он будет брать, идя к вершинам!

ПЕСНЯ О ЗЕРНЕ

Весною, когда просыпалась земля,
Гонцы привезли нам декрет из Кремля.
И мы с журавлями, плывущими в небе,
Гурьбой потянулись на наши поля.

Мы землю взрыхляли.
Кипела в нас кровь.
Лазурной весной поднимали мы новь
Могучею силою черных тулпаров,
Покорных узде, вороных тракторов.

Работа была весела и бурна,
Земля наша стала мягка и черна.
Мы хлынули щедрым сверкающим ливнем
Янтарного, словно литого, зерна.

Дождем прошумел торжественный май,
Колосья лелеет колхозный наш край.
В счастливой тиши бирюзового утра
Поет над пшеницей кара-торгай.

Коль спросит нас путник из дальней земли:
Что это сверкает, как солнце, вдали?
Мы скажем, что золота крупные слитки
Растут из обильной колхозной земли.

Стоят кзыл-аскеры на всех рубежах,
Стальные штыки наготове держа.
Пусть зреет пшеница в колхозных просторах,
Они отстоят от врагов урожай.
Сверкают поля. Небосклон бирюзов,
По ветру колышутся волны хлебов...
... Мы бьемся за семь миллиардов пудов.

По рельсам Турксиба от нас в города
С пшеницей и рисом пойдут поезда...

МАЙ

Не сотый раз ли я, весне внимая,
Распахиваю сердце пенью мая?
Вся ширь Голодной Степи ожила,
Еще вчера глухая и немая.

Сменяв собою стужи и метели,
Потоки с гор, покрытых льдом, запели.
И, словно малый птенчик, дикий мак
Проклюнулся меж травкой еле-еле.

Сев шел, как бой: тряслись земля и небо!
Мы вправе ждать под осень горы хлеба.
Мы смотрим так: есть клин земли? Паши!
Вода? Плотницу строй всем на потребу.

Бушует май. И я припоминаю,
Как бушевал Октябрь подобно маю.
Он выжил стужу, он рассеял мрак,
Он мчался вдаль, преграды все ломая.

Скрутив хозяев, жадных и дородных,
Он батракам измученным дал отдых,
Снял с глаз повязки, выпрямил горбы
И вдоволь хлебом накормил голодных.

Сады в цвету и в ульях суматоха.
И, как весной сады, цветет эпоха.
Поют, не умолкая, соловьи.
Не стало на земле чертополоха!

В цветущий май садись в тени под ивой,
Играй и пой, акын земли счастливой!
Ты слышен всюду, просветлеет друг,
И станет мрачным враг, простясь с наживой.

Слив голоса, народ с народом рядом
Поют, и песня льется водопадом.

Прислушайся! Какие голоса!
Москва запела вместе с Ленинградом.

Им вторят и другие города –
На океане, возле кромки льда,
На всех морях и теплых, и холодных,
В горах, где драгоценная руда.

Приморье от души им подтянуло,
Кавказ и Средней Азии аулы,
Запела степь казахская, а в ней
Всегда есть голос старого Джамбула.

,

ПЕСНЯ ЛЕТА

Оседлайте коня моего,
Летние травы в степи шелестят.
Овцы ягнятся, верблюды кричат,
Гуси над степью цепочкой летят.
Веселится моя молодежь,
Веселее лиц не найдешь,
Песни, игры, счастливый смех –
Радость жизни пришла для всех.

А кругом все полно чудес:
Горы, доли, селенья, лес;
Ну и лето нынче пришло!
Ливнем льются лучи с небес,
Прояснились глаза людей,
Чаша полная – что ни дом,
И не видно горя кругом.
Молодей, душа, молодедей!

Моя Родина – вечный сад,
Вся тюльпанами расцвела,
А одиннадцать стран-сестер,
Словно птицы, сомкнули крыла.
А одиннадцать стран – это сад,
И привольно народу в нем;
Чайки резвые голосают,
Птичьим гамом полны пруды,
Наливаются соком плоды.
Реки быстрые, гладь озер –
И величие и простор.

Беспредельная даль долин
И хребты неприступных гор.
Не боимся ни бурь, ни гроз,
Наша сила кипит, ключом.
Наготове стальной клинок –

На куски врага рассечем!
Выше молот, кузнец, вздымай,
Глубже, пахарь, пласты взрывай
И густым золотым зерном,
Как на свадьбе, народ осыпай.
Мы изрезали сталью рельс
Беспредельную даль земли,
Вскрыли недра земных глубин –
И сокровища потекли.
На крылах соколиных мы
Океаны пересекли.
Наша сила – морской прибой,
Волны бьют о вершины скал,
Пенься, море мое, бурли!

А лето ясное мое
Пуškai цветет из года в год.
И вольно дышит мой народ,
Не зная страха и невзгод.
Моей страны июльский сад
Еще чудесней расцветет!..

АЛА-ТАУ

В орлиных просторах большой высоты,
Как чалые кони, вздыбились хребты.
Над всем Джетысу поднялся Ала-Тау,
Исполнен величия и красоты.

Снега на вершинах мерцание льют,
Косматые тучи нашли там приют.
Они, золотясь, при закате клубятся
И тайны жемчужных вершин стерегут.

С покрытых снегами и льдами громад
Кипит, низвергается, бьет водопад,
Гремит валунами и пеной играет,
Из радужных брызг надевая халат.

Снега и орлы высоко в небесах,
А ниже – дремучих лесов полоса.
Зеленые сосны звенящею хвоей
Поют свои дикие песни в лесах...

В садах под плодами ломается сук,
В них сочные яблоки, сладкий урюк.
В горах созревают пурпурные вишни,
Ковры земляники алеют вокруг.

В лугах, зеленеющих, как изумруд,
Джейраны и туры кочевье ведут,
Багровые лисы и снежные барсы,
Медведи и волки в ущельях живут.

В долине меж гор под парящим орлом
Густой синевою блестит водоем,
Веселые стаи играющей рыбы
Мерцают в воде голубым серебром.

На склонах трава от лучей золота,
Луга в бирюзовых и желтых цветах,

А ниже, в напевном журчанье арыков,
Столица – красавица Алма-Ата.

Богат Ала-Тау! В чалме изо льда
Врагам он богатства свои не отдал.
Озера и руды, сады и джайляу
Отдал он героям борьбы и труда.

А там, за хребтом Ала-Тау, видна
Под облачным небом чужая страна,
Где гуляет по глинистым фанзам
И теплой кровью дымится война.

Джамбул с высоты озирает овраг –
Не скрыт ли там хитрый озлобленный враг?
Над белою войлочной юртой Джамбула,
Как пламя, колышется маковый флаг!

ПЕСНЯ О КУМЫСЕ

В проклятую пору, в тяжелые годы
Душили нас беды, томили невзгоды,
Мы пили арычную желтую воду,
А баи – хмельной золотистый кумыс.

В богатых кувшинах струею играя,
Ты радость давал только биям и баям.
Ты зависть внушал нам и был проклинаем,
Лишь байскую кровь согревавший кумыс.

Привычный напиток на праздничном тое,
Ты в байские глотки вливался рекою.
Без крепости водки ты влагой степною
Бодрил, вдохновенный душистый кумыс.

Но трубы борьбы прогремели над нами,
Мы с саблями встали под светлое знамя,
Чтоб баев прогнать и владеть табунами,
Дающими мясо, сыр и кумыс.

Где баи? В могилах и за рубежами,
В зловонной, наполненной змеями яме,
Шипя от бессилья и злобы ужами,
Пожалуй, не пьют они больше кумыс.

Все наше: и степи до самой границы,
И воды в арыках, и овцы, и птицы,
И рыжие, словно закат, кобылицы,
И пахнувший солнечной степью кумыс.

Ты наши джайляу собой украшаешь,
В стахановцев новые силы вливаешь,
Здоровье героев страны укрепляешь,
Густой, ароматный и крепкий кумыс.

Так пенься, просясь в пиалу из кувшина,
Чтоб песни на тоях колхозных взвились,
Напиток батыров с просторов орлиных,
Холодный и чистый, как снег на вершинах,
Веселый и звонкий степной кумыс!

»

ИСПАНСКИМ БРАТЬЯМ

Казахские степи от края до края
Пестреют коврами, в цветах утопая.

Урюк зацветает в узбекских садах,
Тюльпаны цветут на таджикских горах.

Любимая родина в радостном пенье
Объята весенним могучим цветеньем.

Сбылись вековые народные сны
В сиянии сталинской светлой весны.

Но слышу я, хмуря суровые брови,
Удушливый запах железа и крови.

И уши акына Джамбула полны
Раскатами грозной далекой войны.

Хотел бы и песню, и сердце отдать я
За вас, боевые испанские братья!

Бушует в вас сила огня горячей,
Громите смелее своих палачей!

Над вами священное плещется пламя,
Я песней клянусь вам – победа за вами!

Мы также боролись – и взрывы, и громы,
И кровь, и лишения нам были знакомы.

Мы бились за счастье, как смелые львы,
Как бьетесь сегодня за родину вы.

С винтовкой и песней на битву идите,
Дружнее сплотитесь, и вы победите!

Всем сердцем хочу, чтоб ясна и светла
В Испании вольной весна расцвела,

Чтоб в синее небо взвилось над полями,
Как наше, победоносное светлое знамя.

Я братьям испанским желаю побед
И шлю из степей Казахстана привет!

,

КИТАЙСКОМУ НАРОДУ

С беднотою Китая
Японский микадо бьется.
Волчий вой самураев
Вновь над землей несется.

Уж таков капитала
Кровавый, мрачный обычай:
Чья страна слабой стала –
Идти туда за добычей.

Островные фашисты,
Маньчжурию заграбастав,
Грабят с разбойным свистом
Мирного края богатства.

Волков они клыкастей
И злей, чем в горах медведи,
От их звериной власти
Гибнут женщины, дети.

Черных легенд страшнее
Маньчжурская эта повесть.
Разве у них, злодеев,
Есть человечность и совесть?

Слышал я, быв безусым,
Слово – оно не увянет:
«Долго гонись за трусом –
И трус тот батыром станет!»

В первые дни похода
Думал фашист волкорылый:
«Всю страну рисоводов
Возьму, дескать, малой силой...»

Не трус Китай! Навстречу
Войску банкирского класса
Поднялась, вступая в сечу,
Из тысячи тысяч масса.

«Биться не врозь, а вместе! –
Воскликнул Китай-громада –
Тем, кто несет бесчестье,
Не будет от нас пощады.

Шанхай сдадим, коль надо,
Нанкин сдадим, отступая,
И все же раздавим гада –
Надменного самурая».

Китай в порыве яром,
Правотой своей гордый,
Бьет – удар за ударом! –
По фашистским волчьим мордам.

Идет дорогой жесткой,
Насильников прочь сметая,
Железа тверже войско
Чжу-Дэ, батыра Китая.

Встает героям солнце
Из серых сырых туманов.
Десять тысяч японцев
Чжу-Дэ прогнал, как баранов.

Депеши шлют Китаю
Трудящиеся планеты.
Я Китай поздравляю
От лица Страны Советов!

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Пришли ко мне люди на ясной заре:
«Сыграй нам о прошлом, ата, на домбре».

Я тронул струну, но не в духе домбра,
В глухом ее голосе нет серебра,

Похож ее тихий обиженный звон
На жалобу ветра, на сдавленный стон.

Не хочет домбра расшевеливать ран,
Не хочет звенеть про кандалный заман.

Но старые раны, как угли, горят,
И песня взлетает, как стая орлят.

Жизнь была для народа тюрьмой,
Дышали народы отравленной тьмой.

Не видели люди из душных темниц
Ни солнца, ни зорь, ни волшебных зарниц,

Палач-император народы губил,
Как диких зверей, друг на друга травил,

И в ярости темной за сабли брались
Забитый казах и бездольный киргиз;

Вдыхая отравленный злобой туман,
Шел турок с кинжалом на землю армян;

Рыданий, проклятий и стонов полна
Катилась еврейских погромов волна.

Спадала волна, поднималась и вновь
Дымилась горячая братская кровь...

Восстали мильоны забитых рабов,
Штыки повернув на заклятых врагов.

И рухнули своды позора и тьмы
Российской империи, душной тюрьмы.

Два сказочных десятилетия прошли,
И не узнать обновленной земли:

Горит в самоцветах Советский Союз,
Свободны казах, армянин, белорус,

Таджик и народ закаспийских сторон
И все шестьдесят возрожденных племен.

Смотрю я на север – светлее слюды
В полярном сиянии плавают льды.

Смотрю я на юг – изумрудны сады,
Качаются пальмы, стройны и горды.

Смотрю я, волнуясь, на Дальний Восток
Там – синий простор океанских дорог.

Смотрю я на запад – там, сердцу близка
Рубинами в небе пылает Москва.

По всем необъятным просторам, везде
Я вижу веселую дружбу людей.

Где гневно свистели камча и картечь,
Я слышу спокойную братскую речь.

А где же вражда ослепленных племен?
А где же неписанный волчий закон?

Где сабельный звон, колыхание пик
И кровь, что потоком стекала в арык?

Исчезла племен и народов вражда
Под солнцем Советов навек! Навсегда.

Бледны и бессильны слова у певцов.
Пред ними одиннадцать стран-близнецов...

...На черную зависть и злобу врага
Священная дружба народов крепка.

Как клятва над Ленинским гробом, крепка,
Как в Арктике льды и сугробы, крепка...

...Как наши Кремлевские стены, крепка
Как новая сталь из мартена, крепка.

Как сила прибойя Арала, крепка,
Как сплав тугоплавких металлов, крепка.

Ликуйте народы! Цветите и пойте!
Дворцы из гранита и мрамора стройте!

Растите хлеба! Разводите сады!
В пустыни вторгайтесь разливом воды!..

ПЕСНЯ О БОЛЬШОМ КАРАВАНЕ

От белых, как жемчуг, Тянь-Шанских хребтов
До крымских садов и карельских лесов
Лежит широка, величава, сильна
Прекрасная наша страна.

От тундры, где снежная вьюга люта,
До степи, что щедро теплом залита,
Всесветною славою озарена
Могучая наша страна.

От шахт Украины до синих морей,
От гор Дагестана до русских полей
Кипящим весельем, как чаша, полна
Счастливая наша страна.

Над нами сияет небес синева,
Под нами, как шелк, зеленеет трава,
К нам солнце стекает потоком лучей.
Но мы не забыли стужу ночей.

Мы помним, как мучили нас палачи,
Мы помним удары байской камчи,
Мы помним позор, униженье и стон
И волчий проклятый закон...

Свети же, как солнце, наш мудрый закон,
Для всех Октябрем возрожденных племен!
Никто не писал никогда и пигде
Законов таких для людей.

Наш радостный труд охраняет закон,
И отдых нам представляет закон,
И женщин незаблемые права
Сияют в мудрых словах.

Все школы открыл для народа закон,
Спокойную старость лелеет закон,
Свободу для слова, что льется из уст,
Цветение мыслей и чувств.

А самым почетным из всех наших прав
Есть право с винтовкой стоять у застав,
Встречая ползущего ночью врага
Граненою сталью штыка.

Народы – великое братство племен –
Подняли, как знамя, счастливый закон.
Одиннадцать стран, свободных от пут,
Как братья родные, живут.

Страна моя лучше и краше всех стран
И что перед нею мираж Гюлистан...
Забудь миражи, моя песня, и славь
Не сон, а чудесную явь.

Я вижу: идет по земле караван,
И в том караване одиннадцать стран.
Ковры каравана узорней мечты,
И блещут на кошмах цветы.

Восходы встают и закаты цветут,
В горах водопады гортанно поют,
Созвездия в небе ведут хоровод, –
Идет караван и идет.

Вершинами, выше которых нет,
Ущельями, ниже которых нет,
Равнинами, шире которых нет,
Великой дорогой побед.

Перед ним изумрудные травы долин
Серебряный рис орошенных равнин,

Пески золотые великих пустынь,
Морей неоглядная синь.

Но дальше и дальше идет караван
К заветной мечте всех народов и стран,
К джайляу, где зори сияют вдали,
Где полное счастье земли,

Где явью встает золотой Жер-уюк,
Где сочен весенний невянувший луг,
Где светлые сны поколений слились
В джайляу веков – коммунизм!

↓

ГИМН ОКТЯБРЮ

В руки я снова с любовью беру
Спутницу радостных песен – домбру,
В сторону гляну – и песня моя
Льется, весенним потоком звеня.
Сед я, столетний, но всеми любим,
Перед великим народом своим
Крыльями счастья взмахнул и пою
Радостный гимн Октябрю.
Сед я, столетний, но думами юн,
Палец мой нежен к созвучию струн.
Песня, рождаясь, приходит на той
Звонкой, торжественной и молодой!
Славен поэт, если сердцем горяч,
Славен поэт, если сын Октября.
Славен источник, который дает
Славу поэта, а песне полет.
Этот источник – Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем...
Помню я горькие дни в пустырях,
Не было теплой зари Октября,
Ханы разбили домбру на куски,
И, как иссохшее русло реки,
Песня была. Помутнели лады...
Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутье последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды.
В светлых глазах становилось темно;
Думал я: видно, и мне суждено
Где-то украсить голодную степь
Белым своим ожерельем костей.
Грозами грянул, кострами сверкнул
Грозный Октябрь, и старый Джамбул
Солнце увидел и солнечный стан.
Ленин великий повел караван –

Русских, казахов, киргиз и дунган...
Радостен в радостной песне Джамбул.
Песня Джамбула зовет на борьбу,
Песня на подвиг зовет и на труд,
В песне народные думы живут
Если источник на свет не проник,
Разве струится гремучий родник?
Если прилив не зальет берега,
Разве напьется в озерах сайга?
Если каналы в степи не прорыть,
Разве голодную степь покорить?
Если росой не покрыта земля,
Разве цветы зацветут на полях?
Счастья источник – Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем!..

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Оборвана трель соловья Сулеймана,
Не стало на свете певца Дагестана,
Иссяк его песен взволнованный гул,
Звезда отсияла. Печален Джамбул.

Но звонко рокочут домбровые струны,
И плещется песня свободно и юно.
В орлином просторе, в счастливом краю
О друге ушедшем я песню пою.

Заман мой, не знающий слез и ненастья.
На старости лет расцвело мое счастье!
Сияет, как солнце, лучистый заман.
Зачем ты покинул его, Сулейман!

В цветении радуг и звездном сиянье
Сбываются все вековые мечтанья.
Мир песен широк, как большой океан,
Зачем ты покинул его, Сулейман?..

Ты умер, певец, но живут твои песни,
Звенят они горных потоков чудесней,
Их помнит, лелеет счастливый народ,
Он песни, как гордое знамя несет.

Мой друг задушевный и мой современник
Я песен твоих – и ценитель, и пленник.
Твои вдохновенные песни любя,
До смерти своей не забуду тебя.

Свободней, чем в гулких горах непогода,
Душистей и слаще пчелиного меда
И шире, чем синий в лучах океан,
Была твоя песня, ашуг Сулейман!

Я слышу ее, расцветая душою,
Такою просторной, такою большою,
Что кажутся тесными ей небеса,
И слезы в глазах, как на травах роса.

Ты жив, ты не умер! К чему эти слезы?
Светлы твои песни, как молнии в грозы,
Они шелестят в наших пышных садах,
Бушуют в аулах, шумят в городах.

Они, твои нежные чистые трели,
Детей убаюкивают в колыбели,
Они на границах в дозоре стоят
И в зорях весеннего сева горят.

Нас тронуть не смеют забвенье и тленье...
И скажут, на смену придя, поколенья:
«Бессмертны в народе лезгин и казах,
Что пели в стране о бессмертных делах».

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Как старит черных дней удел,
Эпоха вечной темноты!
Ты, как монета, потемнел,
А был светлее солнца ты.

О Шота из Рустави!
Мы – Ты после смерти, я – живой –
Избавились от душной тьмы,
В простор вступили голубой!

И счастье блещет, как заря,
И радость плещет, как моря,
И век искусства золотой
Идет, волшебный свет даря.

Он всех акынов отыскал,
И песни стали звонче рек.
Тебя он с гор Кавказа взял,
Меня он с Алатау взял, –
Наш по-джигитски юный век.

Кавказ и Каспий! Весь Восток
Их, как две дивных юрты, знал!
Один – высок, другой – глубок,
Ты, Шота, в них душой мужал.

Вот солнце село на Казбек,
Как ловчий сокол на тугыр.
Сын солнца Шота – человек.
Герой, акын пришел в наш век
И славен стал на целый мир.

ПЕСНЯ ОБ ОРЫНБОРЕ

Вижу – город, степной простор,
Небо серое, словно свинец...
Ты ли это, большой Орынбор,
Куда гнал Алибек овец?

Под навесом седых бровей
Загорается гневом взор.
Душной крепостью белых царей
Вспоминаешься ты, Орынбор!

Ты в степях стоял, как утес,
В нескончаемых столах ветров –
Город крови и горьких слез,
Страшных пыток и кандалов.

Мы боялись тебя, Орынбор,
Проклинали тебя, Орынбор,
Ты страшилищем слыл, Орынбор,
От Едиля до Тянь-Шаньских гор.

Из казенных твоих ворот
В степь несли разоренье и страх
Роты, шедшие в грозный поход
С офицерами в орденах.

Из казенных твоих ворот
Караваны водили купцы,
Чтобы грабить в аулах народ
До последней тощей овцы.

Плыли синие сундуки
На верблюжьих мягких горбах,
Слезы нашей бездольной тоски
Были заперты в тех сундуках.

Из казенных твоих ворот,
Город страшных ночей, Орынбор,
Злые вести пускались в полет
В безграничный степной простор.

Ханов, беков манил Орынбор
Золотым сундуком казны.
За предательство и позор
Ты давал им большие чины.

И они, в аул возвратясь
В эполетах и при чинах,
Нас конями топтали в грязь,
Целовать заставляли прах.

Нес ты в степь кровь и позор,
Штык, веревку и ржавую цепь.
И тогда на тебя, Орынбор,
Пугачев опрокинул степь.

Взбушевался свирепый Жаик,
Забурлила от гнева Едиль,
Плыли звоны от сабель и пик,
Над степями клубилась пыль.

Шли башкиры и русские шли,
И казахи летели вскачь,
Шли сарбазы татарской земли –
Всех повел за собой Пугач.

Ты разбил Пугача, Орынбор...
Но народом Пугач не забыт.
От Едиля до Алтайских гор
О батыре легенда звенит.

А потом с тобой, Орынбор,
Город пыток, цепей и бед,

По-казахски повел разговор
Наш батыр, незабвенный Бекет.

Он хотел тебя взять и сжечь,
Чтобы ты кандалы не ковал.
Был тяжел императорский меч –
И Бекета ты бросил в подвал.

Но Бекета ты не сломил –
Он и жил, и умер орлом.
Казахстан в его память сложил
Много песен, что пышут огнем.

И досель наша степь поет
То, что пелось Бекетом-орлом:
«Лучше смерть принять за народ,
Чем в неволе томиться рабом».

И настали другие дни,
Старый город степей, Орынбор!
Засияли другие огни,
Озаряя степной простор.

Если б встал из могилы Пугач
И Бекета нашлись следы,
Если бы степью промчался вскачь
Наш любимый Амангельды, –

Их бы встретил как лучших друзей
И повел по душам разговор
Город радуг, садов и огней,
Расцветающий Орынбор.

Их бы встретил, как лучших гостей,
Постелив им чудесный ковер,
Тоем, песнями, шумом затей
Хлебосольный родной Орынбор.

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ

Песня цветет в девяносто лет:
У песни народной старости нет,
Песню родную народ не теряет,
Звонкую песню смерть не ломает:
Песня с сердцем в дружбе живет,
Песня сердце к счастью зовет.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
Вижу, стремится в бескрайние дали
Счастья искатель, вечный скиталец.
Степь моя знает Асана-Кайгы,
Песни Асана в песках умирали.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне.
Коркыт, тоскуя по родине милой,
Искал свою землю. Последние силы
Коркыт терял, – и куда б ни пришел, –
Всюду его ожидала могила.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
Народ мой седлал ковер-самолет,
Соколом он собирался в полет.
Выше могучих вершин Ала-Тау
Подняться мечтал казахский народ.

Мчатся столетия на скакуне...
Горькая жизнь вспомнилась мне:
Ветер сухой мне в сердце хлестал,
И засыхала моя мечта.
Песню любимую спеть не мог
Джамбул в своих дорогих местах.

Много преданий запомнил, сберег
Я в перепутьях крутых дорог
Вижу, несется над грозной стремниной
Песня, как взлет горделивый, орлиный, –
Витязь народа Шота идет,
Равный жемчужным кавказским вершинам.

Грузии гордой пламенный сын,
Вижу, идет по ущелью один.
Вьется туман над горами, как дым,
Идет он, где барс оставляет следы,
Он песни народа, любовь и мечты
Несет, сберегая векам молодым.

Вижу, змеятся пугливые гады,
Слышу, рокочат, гудят водопады,
Пеной холодной хотят заглушить
Горячую песню кипящей души.
А витязь, скрываясь под барсовой шкурой
С любимую песней к народу спешит.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
От зноя густая горит трава,
Идет без дорог, без пути караван,
Ветры пустыни гонят пески,
Идет по следам каравана буран,

Усталый верблюд тихо идет.
Песню в песках седок не поет,
Слезы в глазах, кровь на губах,
Едет любимый певец Украины,
Едет Тарас на верблюжьих горбах.

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Тарас на верблюжьей спине,
Замкнуты губы – певец не поет;

Он видит истерзанный рабством народ...
Песня в душе глубоко залегла,
А в небе кружится двуглавый урод.

С любимым Тарасом, как верные люди
Ехали мы на страдальце-верблюде.
Нас жажда томила. Шумели пески,
Погоны блестели, блестели штыки,
Барханы под ветрами шли без конца,
В барханах терялася песня певца.

Мчатся столетия на скакуне...
Пушкин едет в простом чапане,
Арба худая, колеса скрипят,
Клячи, хомут разрывая, пыхтят.
Кружатся вороны черною стаей,
Сердце поэта вырвать хотят.

Арба худая поэта везет,
Песню народа Пушкин поет,
Царь испугался. Доволен народ.
Пушкин скитаясь, как Кайгы,
С диких и снежных Кавказских высот
Славит великий русский народ.

Песня его неслась, не смолкая,
Песня запала в душу Абая,
И у предгорий седого Тянь-Шаня
Заговорили Онегин с Татьяной
На близком народу родном языке,

На золотом языке Казахстана.
Мчатся столетия на скакуне...
Едет Джамбул по любимой стране.
Он, как орел над вершиной Кавказа,
Взлетает душой, не кривившей ни разу,
Он перед баями спину не гнул...
Едет овейный славой Джамбул.

Тот не певец, кто к борьбе не зовет,
Кто сердцем с народом своим не живет,
Кто песни о родине не поет.
Пойте, поэты! Пусть наша земля
Сияет, как вечная слава Кремля.

,

ПЕСНЯ ОБ ИСКУССТВЕ

Чтоб гордо запела родная домбра,
А песня звенела нежней серебра,
Удачи случайной, певец, не лови,
Ты струны певуны-домбры обнови.
Прислушайся к голосу каждой струны,
Как старый рыбак к переливам волны
Но много ли может домбра рассказать
Тому, кто на ней не умеет играть?
Тому, кто ее не умеет держать,
Кто песни для кюев не может слагать
Также, чтоб струны, вплетаясь в слова,
Могли заповедники чувств открывать?

Искусство нежнее ребенка, певец,
Искусство – горение наших сердец,
Искусство – могучая сила батыра,
Искусство – чудесное детище мира,

Искусство свободно, как взлет соколиный,
Искусство прекрасно, как пруд лебединый,
И грациозно, как поступь оленя.
Оно упоительней всех наслаждений.

Акыном ли тот по степям назовется,
Чья песня весенним разливом не льется?
Акын ли, кто в трубку беззвучную дует,
Чья песня, как пламя костра не бушует?
Акын вдохновенный и славный лишь тот,
Чью песню лелеет и любит народ,

Чью песню лелеет родная страна,
Чью песню и подвиги любит она,
Величием народных героев полна!
Бессмертное слово проходит в века...
И песня седого певца-старика

Джамбула – столетнего большевика,
Хранителя дум и сказаний степных,
Как золотая прольется река,
Во славу великой советской страны,
Чудесной, как молодость первой луны,
Блещающей под весенним дождем...
В Кремле гуртоправы с великим вождем
Заботу несут о колхозной отаре,
О новом ружье, о простом самоваре,
О хлебе, о счастье цветущих степей,
О славе Куляш и о песне моей.
Я молод и горд, я, проживший сто лет.
Я, выросший в бурях, народный поэт...

БАТЫРАМ ПОЛЮСА

В казахских степях, доживая сто лет,
Как снег на хребтах Ала-Тау, я сед.
Я помню все ужасы черного века,
Всю горечь былых унижений и бед.

Стонали народы российских равнин,
Казахских степей и грузинских долин
И гибли, мечтая о крыльях орлиных,
Бескрылые дети кровавых годин.

Лишь сказка жила про ковер-самолет,
Про чудо-корабль, пробивающий лед,
Про самого мудрого в мире батыра,
Кто в небо подымет крылатый народ...

... Мы стали владыками в наших степях,
На синих морях, в голубых небесах,
Мы с боем добыли все тайны вселенной
Что прятал веками упрямый Аллах.

Навек покорили мы стужу зимы,
Мы свергли бывшее владычество тьмы,
Орлиные крылья у нас за плечами,
И выше, чем беркут, взвиваемся мы.

Папанинцы! Мощный орел-самолет
Принес вас на белый сверкающий лед.
Планета узнала, что алое знамя
На северном полюсе гордо цветет.

Батыры науки советской земли,
Вас темные воды на льдине несли.
Вы, долгие месяцы жизнью рискуя,
Раскрыли все тайны, что льды стерегли...

Ваш подвиг, батыры, – подарок векам.
Ваш подвиг – достойный пример сыновьям.
Ваш подвиг – для Родины слава и счастье.
Ваш подвиг – удар по заклятым врагам...

... Папанинцы! Вам, как своим сыновьям,
Я рокоты струн с восхищеньем отдам.
Тюльпаны и розы я брошу под ноги –
Шагайте, батыры, по свежим цветам!
Папанинцы с нами! С лазурных высот
Приветствует солнце их славный поход.
Родная отчизна цветы им несет,
На всех языках и наречьях поет...

,

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Проживший век седой старик
Сказал мне, тоже старику,
Слова, в которых сердца крик:
«Дрофой от жажды я страдал,
Я – лебедем – озер не знал,
В пыли я жемчугом лежал».
Так век был прожит стариком.
С другою жизнью я знаком:
Скакун стальнокопытный я,
И сокол стальнокрылый я,
Луг изумрудный – жизнь моя!
В мечтах – с медовым морем край,
Я из того пил моря мед –
И сил во мне хоть отбавляй!
В сто лет силен и тем горжусь,
С чинаром споря, в небо рвусь,
В хрусталь воды не наляжусь.
Счастливейший на свете я –
Счастливее всех стариков.
В советский справедливый век
Простой почетен человек.
Джамбул о счастье песнь поет –
Она густым ручьем течет,
Сладка, как мед пчелиных сот
Эй, подходи скорей, народ!
Всех угощаю! Каплет мед.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Чтобы ты, малыш, уснул,
На домбре звенит Джамбул.
Струны он перебирает
Доброй дедовской рукой,
Колыбель твою качает
И тихонько напевает,
Чтоб слетел к тебе покой.

Дремлет синяя звезда.
На джайляу спят стада.
Спят пуховые козлята,
Верблюжата спят в степи,
Золотые жеребята.
Крутолобые телята,
Тонкорунные ягнята.
Ты, малышка, тоже спи!

Спят кузнечики в траве,
Рыбки спят в Аму-Дарье.
Тишине глубокой внемля,
Над рекою спит камыш,
Спят цветы, озера, земли.
Отчего же ты не дремлешь.
Черноглазый мой малыш?

С детской радостной поры
Получаешь ты дары –
Их страна несет с любовью
В час, когда дрожит звезда, –
Мысли дар и дар здоровья,
Дар в беду не хмурить брови,
Золотого счастья дар.

Пред тобою мир широк
И просторы всех дорог.

Хор весенний соловьиный
Для тебя в садах поет.
Все цветущие долины.
Все заводы-исполины,
Руды, золото, рубины –
Это, милый, все твое.

Звезд ясней твои глаза.
Мягче шелка волоса.
Сложен складно ты на диво,
Ты собою красишь мир,
Проживешь свой век счастливо,
Черноглазый и красивый,
Славный завтрашний батыр.

Мы росли совсем не так.
Нас держали, как собак.
И когда под солнцем мая
Пионерский шелк флажка
Алым маком мне кивает,
То дрожит слеза скупая
На глазах у старика.

Вырастай, жигитом будь,
Пред тобою светлый путь.
В возрожденном Казахстане
Зашагаешь напрямиком.

КЛЯЧА И ТУЛПАР

Давным-давно, очень давно
Я путешествовал верхом
На дряхлой, заезженной кляче, которую
Захочешь – не назовешь конем.
В чем душа? Бредет, не дыша,
Кренится едва подует ветер,
Холка – как яма для казана.
Ляжки истерты, облезла спина, –
Скелет, и я верхом на скелете.

Клячу коленями подгоняя,
Песни вполголоса напевая,
В лощины съезжал, на холмы въезжал,
На черноглазую не однажды
Взгляд из-под шапки своей бросал.
Шкуру высохшую стегая,
В аул въезжая, в другой приезжая,
Я не знал остановок в дороге своей;
И черноглазые часто смеялись
Не надо мною – над клячей моей.

Будто не видя их и не слыша,
Песню свою поднимая все выше,
Я к беднякам ее обращал.
Песенным даром, сочувственным словом
У опечаленных я недаром
Слезы счастливые вызывал.
Песней своей помогал я вдовам,
Нищих дарил и сирот качал.

Так на облезлой паршивой кляче
Как наказание доставшейся мне,
Я проехал по многим дорогам,
По всей не дышавшей от страха стране.
День за днем идут чередой,

И вот в один из множества дней
Я попал на шумящий той.

Своих аргамаков пригнав на байгу,
Баи смеялись мне вопреки:
«Сидящий на кляче, стань в стороне!
Поближе – сидящий на скакуне», –
Галдели проклятые толстяки.

Что я мог? Я веселья видать не мог.
Войти в почетную юрту не мог.
Пустив своего коня в байгу,
Я сразу от всех отстал на бегу,
Быстро отстал – поспеть не мог.
Тогда я на землю, страдая, лег:
Если сейчас обогнать не смогу,
Может, во сне обогнать смогу?
И мне приснился отменный конь,
Стоит, из ноздрей выдувая пар,
Поводя ушами – только тронь!
Сверкающий, выхоленный тулпар.
Глаз от него не оторвать,
Сердце мое томит, тревожит –
Кружится, фыркает, устоять
Ну ни за что, ну никак не может.
Конь необъезженный, неустанный
Глазом косит, не дается мне.
И опечалился я во сне:
Как я такого коня достану?
Проснулся я, не желая проснуться.
Пропало виденье, опять с тоской
Еду верхом на понурой кляче,
Ее подталкиваю ногой.
Ее десять раз толкнешь, понукая,
Она шагнет и молит: «Постой!»
Ищу и не нахожу красавца.
Исчез, как будто рассеялся пар,

Сердце мне придавив копытом,
В мыслях, как в сбруе, стоит тулпар.

Когда голова моя стала седой,
Открыл я однажды глаза устало
И красное знамя, не веря глазам,
Увидел на самом верху Алатау.

Празднуй рожденье, весенний день,
Развеялся, сгинул туман сырой,
Отныне не ляжет байская тень
На мирные степи страны родной.

Табун к табуну, всех лошадей
Собрали вместе одной рукой,
И вот они в красоте своей
Ржут и играют передо мной.

Так новую песню споем о том,
Как, воздух стремительно рассекая,
Колхозный скакун с золотым хвостом
Летит, всех прочих опережая.

... Играй на привязи, мой тулпар,
Под взглядами хорошея.
Пусть стремя позвякивает слегка,
Выгибай лебединую шею.
Гляжу на тебя и не нагляжусь
На туловище литое,
На сбрую шелковую твою,
Седло твое золотое.
Орден лежит у меня на груди,
Пляшет крылатый тулпар подо мною.

Шапка соболья на голове,
Белое облачко над головою.
Вдаль я смотрю – и горестей нет,

Силу мою описать нельзя:
Счастлив я, мне девяносто лет,
Рядом со мною мои друзья.
И степь в цветах и гора в цветах.
Мы прежде и думать о том не могли:
Туман развеялся и унес
Все дурное с лица земли.

Скачи, мой тулпар, по моей земле:
Шестимесячный путь – в шесть скачков.
Я, как юноша, гордо сижу в седле
И, как сокол, сегодня лететь готов.
Так стукни сильнее литым копытом.
Спешим к народу. Недаром народ
С почетом и с уваженьем зовет
Тулпаром – тебя и меня – жигитом...

МОЕ СЧАСТЬЕ

На пути от Тбилиси к родине Сталина, в вагоне горийского поезда, один иностранный писатель сказал, обращаясь ко мне:

– Вы, господин Джамбул, счастливы тем, что у вас мало ровесников на земле!

Я посмотрел на этого господина и ответил ему:

– Вы ошибаетесь, мое счастье как раз в том, что у меня очень много ровесников, 172 миллиона советских граждан – это мои ровесники. Они и я, вся моя родина, считаем начало своей настоящей жизни со дня Великой Октябрьской революции.

Вспоминая этот разговор, я думаю о своем прошлом. Оно было для меня глубокой пропастью, над которой шумели тучи и ползли туманы, закрывая солнце.

В этой пропасти я родился и семьдесят лет тщетно пытался выйти к солнцу, вздохнуть полной грудью, запеть полным голосом. Когда я, обессиленный, добирался до цели и начинал петь песню солнцу, передо мной вырастал мулла. Он благославлял меня и... с молитвой сбрасывал обратно в пропасть.

Я набирался силы и снова достигал вершины, но передо мной появлялся волостной старшина. Он, держась руками за вековой чинар, протягивал мне руку... в руке этой был зажат отточенный нож. И я снова летел в пропасть.

Теряя последние силы, я поднимался еще и еще по крутым хребтам. Царский губернатор и окружавшие его баи, судьи, муллы и важные сановники, глядя сверху, хлопотали и, «спасая» мою жизнь, бросали мне веревку. На конце веревки была петля. Она так охватывала мою шею, что в жилах леденела кровь. Я цеплялся окровавленными руками за веревку и, зубами перегрызая ее, летел обратно в пропасть.

Так прошло семьдесят лет. На семьдесят первом году я достиг, наконец, счастливой жизни. Я поднялся из

пропасти и увидел чудесные цветы, душистые травы, бесчисленные табуны, волшебные юрты. Я увидел настоящее солнце, я дышал чистым, как горный хрусталь, воздухом. И душа моя зацвела, как яблоня; глаза заблестели, как звезды, сердце забилось, как дождь о землю, песня полилась, как река Или весной, я помолодел и стал как жигит восемнадцати лет.

В этом маленьком сравнении – мое прошлое и начало счастливой, радостной жизни, о которой я от всей души вместе со всем народом пою свои песни.

Я нашел сказочную долину счастья, богатства и радости, о которой мечтал, пел и к которой вместе с народом стремился семьдесят лет.

Шестьдесят два года назад на одном из айтысов в Джетысуйской степи я высмеял и обругал в песнях домашних певцов султана Шерияздана. Шерияздан сказал тогда, обращаясь к мулле:

«В большой байге мои лучшие скакуны отстали, а захудалый Джамбул первым пришел к финишу. Пусть же они два года не едят мяса и будут такими же голодными, как Джамбул».

Услышав разговор, я спел Шерияздану и мулле:

«Продажную душу ни жаром, ни голодом не выправить... Народную совесть ни мясом, ни золотом не купить... Только султан может заменить собой змею и шакала. Печенка никогда не заменит чистого пламенного сердца».

Так всю свою жизнь я разговаривал с властелинами степей, не боясь говорить им правду в лицо.

За это они ненавидели меня, а народ любил и ценил каждое мое слово. Два года назад я был в Москве. Я был во дворцах Кремля. Там из рук всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина принял я великую награду – священный орден моей родины.

В прошлом году я ездил на Кавказ, на родину Сталина. Я видел домик, в котором Сталин жил в проклятое прошлое время. Этот домик напомнил мне

тысячи нищих зимовок, в которых ютился без радости и счастья казахский народ, голодный, ограбленный, обреченный на вымирание...

Мне сейчас девяносто третий год. Но я молод и счастлив. Я еще крепко сижу в седле. Меня окружают радостные, сильные, смелые сыновья, внуки и правнуки. Они стали коммунистами, комсомольцами и пионерами. Я безмерно люблю свою социалистическую Родину. У меня еще сильны голос и руки для того, чтобы в любую минуту от всех врагов защищать ее песней и винтовкой.

,

Я НАРОДУ СЛУЖУ

Старые руки, возьмите домбру,
Солнце пригрело сегодня к добру..
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Песня поется сегодня тебе;
Песня расскажет о прошлой судьбе,
Песня расскажет о тысячах ран,
Песня не лжет, как мулла иль Коран,
Песня народную правду хранит,
Песня тверда, точно горный гранит.
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Скоро сто лет, как пою я тебе,
Скоро сто лет, как друг друга мы знаем,
Думы и мысли свои поверяем..
В годы кровавые жил Чингис-хан.
Битвы, набеги, разграбленный стан...

Сколько голов накололи на пики!
Ой, Май-Тюбе! О народ мой великий,
Это тебя сек камчой хан-тюре,
Это тебя угнетал бай-тюре,
Это тебя и твой скот убивая,
Шли со знаменами толпы Аблая.
Это в степи, наживаясь в войне,
Ехал душить тебя злой хан Кене,
Ехал он страшный на страшном коне..
Ой, Май-Тюбе, ты запрятав свой гнев,
Молча смотрела... Народ не смолчал,
Народ приподнялся, народ закричал,
Взял хана Кене он могучей рукою,
Сек хана Кене он его же камчою,
Тело его не засыпал землею.
Ой, Май-Тюбе, ты грустить не хотела,
Ты не сокрыла поганое тело.
В прошлое вновь обращаю свой взор.
Что я там видел? Изгнанье, позор,

Бедный народ в подчиненье у ханов,
Которых клеймить никогда не устану.
Народ отделяли от ханов высоты:
У ханов стада, у народа заботы...

Ой, Май-Тюбе, и у склонов твоих
Видел я нищих, голодных одних.
Видел: ручьи Ала-Тау мутнели,
Черными делались стройные ели,
С криком верблюды брели по ночам,
Рыскали царские псы по степям.
Ой, Май-Тюбе, ты стонала: «Я стыну!»
Снегом твою запорошило спину,
Льдом заковало крутую вершину,
Ханы и царь заковали народ,
Спрятался в нору растерянный крот.
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Новую песню спою я тебе.
Грозные ветры над миром летали,
Вершину твою от льдов расковали,
Молодость, силу мне вечную дали,
Солнца лучи надо мной заблестали.
Стал я могуч, как чинара густая,
Песня из уст полилась золотая
От гор Ала-Тау до склонов Алтая...

... Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Многие думы скажу я тебе.
Стар был Джамбул, его песнь не старела,
Громким призывом над степью гремела,
Словом участия будила народ, –
Слово мое лишь с народом живет...

... Ой, Май-Тюбе, я народу служу,
Дружбой, любовью его дорожу,
Вместе с народом дорогой побед
Шагает столетний поэт.

Вместе с великим советским народом
Строит он школы, каналы, заводы...

Разводит сады, на границе стоит,
Труд созидющий песней хранит.
Акыну Джамбулу народ доверяет,
В Верховный Совет он меня избирает...

МОЯ ЖИЗНЬ

Из автобиографической поэмы

1

Степью метель одичалая вилась,
Снежная, вьюжная, с воем кружилась.
Оползни с гулом ползли по горам,
Выли шакалы у скал Байкара,
Лаяли лисы, норы покинув,
Волки от страха бежали в долины,
Небо укрылось покровом тугим,
С пиками степь обходили враги.
В черное время, в нерадостный год
Шел, кочевал мой любимый народ.

2

В ночь у подножья Джамбула-горы,
Сжавшись комочком у снежной норы,
Мать моя, рабскую жизнь кляня,
В столах и муках родила меня.
Молча собрался голодный аул,
Дали казахи мне имя Джамбул,
Пели акыны под звуки домбры
Песню о мальчике, в бурю рожденном,
Песню о мальчике, нареченном
Именем гордой и древней горы.

3

Мать моя понесла на усталом плече
Вьюк драгоценный, и сорок ночей
Мазала мазью меня, укрывала
Нежной мерлушкой от вьюги спасала,
Мыла в соленой, как море, воде...
Ветер угрюмо в кибитках гудел,
Вьюга крепчала, пурга завывала,
Войлоком снежным следы застилала

И обжигала открытую грудь...
Горький, безрадостный путь!

4

Глаза я открыл. Вместо солнца и дня
Ночь и рыданья встречали меня.
Слезы кровавые бурно текли,
Тучи лукавые хмуро ползли,
Слышал я режущий посвист кнута.
Люди бежали, как стадо скота,
Реки холодные вброд проходили,
Грудью пожары степные тушили.
Голод косил за аулом аул...
Рос и скитался с народом Джамбул.

5

Минуло время десятой луны,
Вышел на джайляу пасти табуны...
Мне звонкая песня подругой была,
И жизнь мне радостный голос дала.
Когда на холмах зацвели цветы,
И травы от рос становились густы,
Товарищи, дети степной бедноты,
Жалкого рабского детства друзья,
В степь выбегали послушать меня.

6

Я в сердце лелеял мечту, я хотел,
Чтоб голос мой звонче Бухара звенел
Чтоб песни любимые к солнцу неслись,
Чтоб крылья орла за плечами росли, –
Чтоб взлетом беркутчим я ринулся ввысь
И чтобы аулы со мной поднялись
В просторы, где счастье находит кедей,
Где нет ожиревших султанских свиней,
Где реки и сочные травы степей
Приносят дары для бедных людей.

Седые певцы мне за песни и труд
 Дали волшебницу кюев – домбру.
 Я счастья бескрайнего чашу испил,
 Я душу свою с иноходцем сравнил,
 Я верил – на свете счастливее нет
 Такого жигита пятнадцати лет.
 Кровь бушевала, как пламя огня,
 Семнадцати лет оседлал я коня.
 И мне показалось, что этой порой
 Сравнялся я с гордой Джамбул-горой.

С волчихами шли шестьдесят волков,
 С волчатами семьдесят шли волков
 Кровь выступала из их клыков.
 Баи, манапы, муллы и ханы,
 Ханы кипчакские, ханы коканы,
 Ханы калмыцкие и худияры
 Сеяли голод, чуму и пожары,
 Чертово игрище с воем вели.
 Морем народные слезы текли,
 Травы народною кровью цвели.

С неба тревожно смотрели орлы
 На богатства кедеев в Каркаралы.
 Силы теряя, корова рябая
 Тащила пожитки седого Джабая,
 Арбы скрипели, верблюды кричали,
 Шакалы голодные им отвечали...

Горе тому, кто бежать не успел:
 Ханское рабство... Позорный удел,
 Вечное рабство и замкнутый рот.
 Черное время! Страдалец народ!

Когда мне исполнилось двадцать лет,
 Поехал я счастье искать по земле...
 Сидели кази у султанских ворот,
 Терзая когтями голодный народ.
 Уездный начальник с манатом вели
 Подсчеты награбленной ими земли.
 Царь за «труды» им медали дарил,
 Луга и озера для них отводил,
 Чтоб у байского стада всегда
 Травы цвели и струилась вода.

Я ехал за счастьем дорогой Асана...
 Менялись манапы, султаны и ханы,
 Чиновники, приставы и атаманы,
 А жизнь не менялась. В бесправных степях
 Рабы и рабыни стонали в цепях.
 Голод полынью они утоляли,
 В шкуры вонючие одевались,
 Слезами горючими умывались.
 У старых курганов на кучах костей
 Матери в стогах рожали детей.

Шли годы – народ умирал и редел,
 Шли годы – чиновник султанский жирел,
 Шли годы – в скитаниях я постарел,
 И юность прошла верблюжонком в песках.
 Мутнели глаза, и слабела рука,
 А сердце стучало, как два молотка.
 Но верил и знал я: свобода близка,
 Народная правда не тонет в песках,
 Устали не было в песне моей,
 Домброй подымал я степных сыновей.

Шли годы. Я ехал, не зная куда,
 В скитаньях седела моя борода,
 А жизнь крутая, как выступы гор,
 На хмуром лице рисовала узор.
 Народ изнывающий тихо просил:
 «Прибавь нам горячею песнею сил!»
 Я пел от души, и неслась по долинам
 Поэма о славных походах Таргына,
 О сыне народов, вожде Утегене,
 О гордых батырах, о смелых сраженьях.

Я пел Кокше-Тау, я пел Актюбе, –
 Жигиты ковали оружие к борьбе...
 Я песнею гнева, зовущей в поход,
 В степях поднимал угнетенный народ.
 Я славил суровый и праведный суд.
 Я пел о батырах, что скоро придут
 И силу могучую в бой поведут
 За землю, за реки, за счастье степей,
 За наших в берлогах рожденных детей.

И грянула буря. Набат загудел.
 Седой Ала-Тау побагровел,
 Гневно кипучие волны бросал
 Вспененный бурей Арал.
 Тигры метались в сухих камышах,
 Слушая грозный прибой Балхаша,
 Степь бушевала, в пожарах горя,
 Вышла из берегов Сыр-Дарья.
 Октябрь-батыр по земле проходил,
 Осинные гнезда он жег и давил.

Иду я степями, свободен, богат,
Мне ветер приносит цветов аромат.
Вернулась волшебная юность моя,
Меня окружает родная семья;
Со мною в богатстве кастекских долин
Любимые братья – узбек и грузин,
Татарин и русский, уйгур и киргиз,
Для них моя юрта, для них мой кумыс,
Для них моя песня и сердца привет,
И дружба святая на тысячи лет.
А самая лучшая песня моя
На крыльях души долетит до Кремля
И скажет чарующим голосом струн:
«Я – песня народа, что славен и гон,
Что горд и могуч, как орел молодой,
Готовый на подвиг, готовый на бой...»

СЫНОВЬЯМ НАРОДА

Мой сын, ты сердечно Джамбулом привечен
Я вижу, ты весел: печалиться нечем...
...Страна – зеленеющий сказочный остров,
Страна – нерушимая дружба народов,
Кто хочет приблизить час собственной смерти, –
Напасть на священную землю посмейте!
Кго там подползает?.. Трава шевелится...
Иль чуткие уши меня обманули?
Красноармейцы, закройте границы!..
Джамбуловы песни – победные пули!
Ответим достойно на происки вражды,
Домбра и джамбуловы песни на страже!
О подвиге ратном, о подвиге мирном
Домбра говорит с молодым командиром.
И я угадаю, на струнах играя,
Пришел ты ко мне из нездешнего края.
Однако ты – сын мой! Я петь не устану.
Как саду, советскому цвести Казахстану.
Пленять широтою, красою, размахом,
Идти от победы к победе казахам.
Я счастлив, я полон сознанием гордым:
Крепка наша армия связью с народом.

ПУЛЯ ВРАГУ

Джамбул –
 это имя простое мое,
Народ –
 настоящее имя мое.
Я Родины сын, плоть от плоти ее,
И с народом мое бытие.
Страна моя,
 советский край.
Твоих сокровищ не сочту,
В тебе народ мой воплотил
Тысячелетнюю мечту.
Я клятву родине даю:
По капле кровь отдам свою.
Сто миллионов сыновей
С могучими сердцами львов
Оставят материнский кров
В защите Родины своей,
Но никогда нога врага
Не переступит через ров
Гранитной крепости моей.
Пускай не рыщет враг вокруг,
Пускай не тянет жадных рук, –
Я сам в ночи подстерегу
Подосланного им слугу,
Я горло вырву у него.
Но на советском берегу
Ни щепки не отдам врагу.
Моя родина –
 это мир.
Моя родина –
 это свет,
Не нарадуется на нее человек.
Все глядел бы в родную даль
На зеленый простор степей
И на гор нетронутый свет,

И на гладь полноводных рек.
Беспредельны мои края,
Как дорога в грядущий век.
Есть ли в мире еще страна,
Где бы счастлив был человек?
Родина –

это народа душа.

Душу от тела кто оторвет?
Пуля злодейская чья достигнет
До Союза священных высот?
Не играй, фашист, с огнем
Возле стен моего очага.
Не размахивай головней –
Как бы пальцев тебе не обжечь.
Против лютых козней врага
Самый могучий меч –
Знамя единства в моих руках.
Партии приказ
Звучит по всем уголкам страны.
И отвечают мои сыны
На шестидесяти языках.
За то, что враг послал грозу
На мирный наш июнь,
На пулю злобную одну
Ответим тысячами пуль.
Едва ногой коснулся враг
Родного рубежа,
Обрушим скалы на него,
Чтобы попятился, дрожа.
Потоком хлынет вражья кровь,
Враг крови жаждет –

будет сыт,

Своею кровью будет сыт.
Пусть захлебнется он в крови,
Врага, как жабу, раздави
Железом танковых копыт.
И, не давая глаз открыть

В кольцо свернувшейся змее,
Врага ты с воздуха бомби
И на морях, и на земле.
Врагам у нас пощады нет,
И в песне пуля говорит.
Швырни обратно головню,
Пусть вражий дом дотла сгорит.

,

ОРЛЫ НАШЕЙ РОДИНЫ

Слушайте песню акына Джамбула:
Тот, кто направил к горам нашим пули,
Был уничтожен – не сыщется прах –
Нашею силой в своих же горах.
Того, кто над родиной воздух встревожил,
Орлиный отряд наш, взлетев, уничтожил...
Японских бандитов – их псами зову я –
Орлы разметали, высоты штурмуя.
Не наши лощины от взрывов стонали,
Не наши озера волною вскипали, –
На вражьей земле самураи легли...
Прочь руки от нашей священной земли!
Вам нашего яркого солнца не видеть,
Вам нашего лунного света не видеть,
Кровавой рукою не трогать листвы,
Поганой ногой не касаться травы.
Джамбул далеко от приморья живет,
Но песня Джамбула с бойцами живет;
Она с пограничником ходит в дозоре
Под небом лучистым, на суше, на море.
Слова моей песни остры, как клинок,
Лети, моя песня, на Дальний Восток,
Будь другом сердечным бойцу, командиру,
Стоящим на страже Совета и мира,
Будь пулей смертельной для вражьих
отрядов.
Сражайся с бойцом, с пограничником рядом...
...Герои-бойцы высоты Заозерной,
Она вместе с вами шагала упорно,
Она, как Пожарский, бесстрашно и смело
Звала в наступленье, снарядом летела.
Сове не взлететь до вершины высокой,
Не прыгнуть и льву до луны светлоокой,
Никто не скует океан необъятный, –
То – сила народа,

То – наши орлята!..
О родина счастья и лунного неба,
О родина солнца, заводов и хлеба,
О родина дружбы, сильна ты,
Стоишь ты над миром, как Эльбрус зубчатый!

;

УЧЕНОМУ БРАТУ

С приездом, дорогой ученый брат,
Тебя в родном ауле встретить рад.
Послушай, что споет домбра моя:
Наука с песней – вечные друзья,
Несут плоды своих больших сердец
Народу академик и певец.

Взгляни, мой брат, как жизнь весела,
Как наша степь родная расцвела,
И песня, что печальною была,
Ручьем весенним звонко потекла.
А помню я другие времена –
Здесь враждовали наши племена,
Здесь кровью степь была напоена,
Здесь из колодцев, что в песках стоят,
Не воду пили мы – смертельный яд.
Свивались в кольца змеи на груди,
Тропа рабов осталась позади.
Взгляни, мой брат, как жизнь хороша,
Послушай, как поет моя душа.
И песни ярче утренней зари...
...Приехал ты ко мне издалека,
В моей руке лежит твоя рука,
Тебя встречает песнею домбра,
Джамбулу ты и друг, и кровный брат,
Я рад тебе и я тобою горд.
В стране у нас ученый выше гор,
Почетом жизнь его окружена,
Свою любовь дарит ему страна!..

ЗДОРОВЬЕ НАРОДА

Народные думы, живущие в слове,
Взвиваются стаяй крылатых пословиц.
И нет им границ, и нет им числа,
Одну из них память моя сберегла,
Одну из них память моя воскресила,
В ней мудрость народная говорила:
Богатство не в золоте, добытом кровью,
Богатство и сила народа – здоровье.

Как злое виденье, встают из тумана
Страницы облитого кровью замана:
По хижинам нашим чума проходила
Да бритвою смерти аулы косила,
И оспа печатью позорного века
Ложилась на смуглом лице человека.
Под дикий шакалий полуночный лай
Купался в народной крови Николай,
Презренный палач, всех зараз воевода
Укравший здоровье и вольность народа...

Примите, ученые, песню привета,
Сердечную песню степного поэта.
Здоровье народа дороже всего,
Богатства земли не заменят его,
Здоровье не купит никто, не продаст,
Его берегите, как сердце, как глаз,
Храните его и заботьтесь о нем.
Великая честь быть советским врачом.

ЗА БОЛЬШОЙ УРОЖАЙ

С неба выпал белый нежный снег.
Это счастье! Это дар весне!
Белизной сияя, чист всегда,
Как моя седая борода,
Он в долинах и лугах залег –
Урожая нашего залог.

Серебристый, свежий утолил
Жажду расцветающей земли.
Пей, земля любимая, легко,
Белый снег соси, как молоко,
Чтоб душистой свежести полно
Налилось пшеничное зерно.

Слышу я дыхание весны,
Скоро в степи выйдут табуны,
В небе солнце ярче загорит,
Снег растает и заговорит
Радостно журчащую рекой
И затихнет в логовинах гор
Сказочной прозрачностью озер.

В солнечную прилетев страну,
Птицы встретят песнями весну,
И промчатся в зелени степей
Косяки игривых лошадей.
Необъятна, широка земля!
Плодородны степи и поля!

Слушай песню, мой родной народ,
Выходи, встречай весны приход,
Каждым днем и часом дорожа,
Выходи в поход за урожай,
Чтоб по нашей радостной стране
Каждый колос золотом звенел.

Ты готовь комбайны, трактора,
Скоро в поле выйти им пора.
Ты проверь заботливой рукой
Семена пшеницы наливной,
Чтобы было каждое зерно
Чистое, как жемчуг, под луной,

Слушай песню, пой родной народ,
Выходи, встречай весны приход.
Чтобы хлеба больше получить,
Чтобы хлеба больше накосить,
Чтобы взять несметный клад земли,
Чтобы табуны приплод несли,
Чтобы слава шла из края в край
Про большой колхозный урожай.

Ты лети, как соловей,
По колхозам Родины моей!
Любят нас, заботятся о нас
Партия, правительство, страна;
Нам навеки земли отданы,
Мы крепки, зажиточны, сильны...

...О страна моя! Джамбул поет,
О страна моя! Джамбул зовет:
Ты готовь своих стальных коней,
Ты навстречу выходи весне,
Чтобы хлеба больше получить,
Чтобы слава шла из края в край
Про большой колхозный урожай.

БАТЫРАМ НАШЕЙ РОДИНЫ

Народ мой не раз по земле кочевал,
Немало батыров народ мой видал.
Батыры в горах разжигали костры.
Батыры в степях разбивали шатры.
Батыры с булатом и пикой стальной
Бросались, как тигры могучие, в бой.
Их слава рождалась в пожаре восстаний.
Я слышал о храбрых Рустеме, Дастане,
Я слышал о гордом, как лев, Утегене,
О Суранши, что не знал поражений.
Я видел Саурыка в железной кольчуге.
Набеги Саурыка – смертельные выюги.
Он след выстилал из султанских костей,
Из камня разбитых в боях крепостей.

Батыры за счастье с дружинами шли.
Но счастье народу добыть не могли.
В руках холодеющих пики сжимали,
С мечтами несбывшимися умирали.
В курганах схоронены их стремена.
В далекие, горькие те времена,
Как стоны глухие, в тоске и печали
Напевы Джамбула в песках умирали.

Из стали рождается гневный булат.
Рожденный ручьями, гремит водопад,
Из тропки большая дорога растет,
Зарю восходящую свет создает,
Героев рождает могучий народ.

Запой, мое сердце, двухструнной домброю,
Запой, мое сердце, о смелых героях!
Родились они, как степная поэма,
Батыры с могучею силой Рустема,
С душой Утегена, с мечом Исатая.

Как беркуты, к солнцу на крыльях взлетая,
Они поднимали народ за собой,
Рожденные в бурях, зовущие в бой.
От грома утесы и горы немели.
Как молния в небе, клинки заблестели,
Готовые грозною силой удара
В бою разрубить непокорного хана...

Священное красное знамя держали,
Цари и султаны от страха дрожали,
Могучи удары батырской руки:
Змеиные головы сняли клинки.
В октябрьские грозы, в бушующий год.
Встречал возрожденный свободный народ
Весны своей утро и славы восход.

С тех пор мои степи и доли цветут,
Акыны сердечные песни поют.
От недругов солнечной нашей земли
Мы крепость стальную свою возвели.
Она, как утес неприступный, стоит,
Она, как маяк в поднебесье, горит
И труд наш спокойный и песни хранит.
Батыр мой бесстрашен и непобедим,
Нет силы на свете, чтоб мерялась с ним.
Он горы в бушующем гневe свернет,
Он стойбища вражды, как буря, сомнет.
На танках он лесом пройдет и рекой,
Красноармеец – батыр молодой.
И полчища волчьи его не страшат,
Как с грохотом падает с гор водопад,
Обрушит он грозные силы свои,
Чтоб враг захлебнулся в своей же крови.
Весь мир затихает и слушает мир:
Присягу народу приносит батыр.
Могучей душой, как орел, он высок,
Он в пламенной клятве целует клинок.

Готов он в пожарах грядущей войны
Бороться во славу любимой страны.
Готов свою кровь он по капле отдать
За счастье народа, за родину-мать...
Клинки заблестят, застрочат пулеметы.
Поднимутся в небо орлы-самолеты,
Пойдут бомбовозы в густых облаках
И конница хлынет на аргамаках;
Врагу не бывать в моих светлых долинах
Змее не бывать на орлиных вершинах.
Батыры народа присягу дают,
Батыры народа, как честь, берегут
Народное счастье и радостный труд,
Колхозы, где нива шумит золотая,
И гордые горы родного Алтая,
И розы, цветущие в наших садах,
Заводы и шахты, стада, города.
Я солнцем весенним согретый пою,
Я родине песню свою отдаю,
Народную песню степного певца,
Присягу поэта, присягу бойца.

ТАРАС

Слушал я звонкий запев соловьиный,
Слушал я песни твои, Украина.
В степи летели они по утрам,
Плыли, как лебеди, по водам Днепра.
Песни твои, мой любимый Тарас,
Вместе с народом я слушал не раз:
Горы склонялись и степи внимали
Голосу гнева, страданий, печали.
Черное время тебя истерзало,
Песни железным арканом связало,
Руки твои в кандалы заковало,
В клетке холодной мечты сжоронило,
С родиной милой тебя разлучило,
Счастье непознанное отравило.
Пел ты и плакал, великий Тарас,
С кровью текли твои слезы из глаз.
Пел ты и плакал, великий Тарас,
Песен твоих заглушить не могли.
Жажду ты в пламенном сердце носил,
Песней царей и господ ты косил.
Вместе с тобою, товарищ желанный,
С песнею острой, как меч восьмигранный,
Старый Джамбул свою месть пронесил
Старый Джамбул, не пугаясь, разил
Баев и ханов, князей и царей,
Наших, Тарас, вековых палачей.
В степи казахов, в неведомы дали
Песню твою под штыками пригнали,
Светлую песню твою, Украина,
Смелую песню любимого сына.
Слушал я песню в голодных кстау,
Слушал в безмолвных степях Мангистау.
Шел и Джамбул этой черной дорогой
С цепью раба и разбитой домброй,
Шел я с тобою дорогой одной,

Шел я с тобой. Мы друг друга узнали,
Шли мы, два брата, и молча слагали
Песню свою на родных языках;
Ветры несли эту песню в песках.
Шли мы, любимый, в безлюдье степном,
Шли мы и пели с тобой об одном.
Шли мы, как зубры, чуждался стада,
Шли мы, как зебры, на зов водопада.
В песнях хранили мы, в песнях несли
Правду великую. Долго мы шли...
Все, что лелеял ты, все, что искал, –
Я на любимой земле увидал:
Солнце лазури, счастливый народ,
Землю, что стала, как пышный енол,
В розах, в цветах и дыханье степей,
В свежести наших озер и морей.
Сердце мое молодое стучит,
Слышишь, Тарас, твоя песня звучит...
Песня бушует, как горный прибой
Неумолкающего океана!
Песня бушует и песня зовет.
Враг недобитый к границе ползет,
К нашему житу, к степям и долинам.
Будь же готова, моя Украина,
Грозным ударом огня и булата
Встретить презренного черного ката,
Чтобы нашел он в последнем бою
Катову участь – могилу свою!

СЪЕЗДУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Пусть голос мой мчится, как ветер степной,
Крылатая песня, лети над страной
До края земли через все океаны,
Как вестник победы, как сокол желанный,
Народу родному мое посвящение,
Героям, не знавшим в боях поражения,
Героям, на счастье народа рожденным,
Партией нашей в боях закаленным.
Врагов ненавистных нещадно разя,
Лети, моя песня, на радость друзьям,
Как сердце свое, посылаю тебя
На съезд победителей, песня моя...
...В борьбе и победе прошло пятилетье,
Но прожитый год я равняю столетью.
Прошло пятилетье – весь мир в восхищение.
Летит, как орел в молодом оперенье,
На гибель врагов и на счастье друзьям
Страна моя, родина, гордость моя.
Взошло Конституции вечной светило,
Лучами жемчужными мир осветило,
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей...
...Живем мы в обилие, богаты, сильны,
На пастбищах тучно растут табуны,
Омыта пустыня хрустальной водой,
Наполнен керсень ароматной едой.
Как море, волнуется хлеб на полях,
Дорога комбайна, как путь корабля.
Нам недра свои открывает земля,
Рождая высокие скалы угля.
И бьет водопадом с горы вековой
Железо горячей бескрайней струей.
Кипучая нефть, как поющий ручей,
Течет по земле полногрудой моей.
Узором затейливым степи обвел

Моих караванов большой темир-жол.
Мои сыновья на тулпаре сидят,
Глаза, как светильники счастья, горят.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей...

Встает моя родина в броне булатной,
С душой богатырскою, с шашкою ратной.
И, как облака, в поднебесных полетах,
Сомкнув свои крылья, плывут самолеты.
Змеиное сердце врага векового
Трепещет от страха и лопнуть готово.
Могучие танки готовы к боям,
Покорны бесстрашным моим сыновьям.
И грозные пушки из верных бойниц
На каждой тропе неприступных границ
В глаза ненавистные смотрят врагу
И счастье мое и мой труд берегут.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей...
...На празднике родины все на виду,
Хозяева жизни в почетном ряду –
Профессора, агрономы, шахтеры,
Поэты, колхозники, комбайнеры.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей.

...Слушайте все: и Урал, и Кузбасс,
Караганда, и Алтай, и Донбасс,
Слушай, колхозник, и ты, командир,
Слушай, чабан, комбайнер, бригадир.
Слушайте все, и для родины милой
В дни эти с новой стахановской силой
В шахтах, забоях, в полях и отарах
Вы приготовьте заветный подарок:
Хлынули, чтобы, как песня певца
Реки металла, железа, свинца,

Чтобы в колхозах дала нам весна
Семь миллиардов пудов зерна.
Врали окружают нас черным кольцом,
Глазами кровавыми смотрят кругом.
И тянут костлявые руки свои
К горячему золоту нашей земли.
Чтоб голову вражью ударом снести,
Чтоб нечисть поганую всюду смести,
Будь начеку, мой великий народ!
Вооружайтесь, поэты, стихами,
Взвейте поэмы и кюйи, как знамя,
Зовущее к новым победам и славе!
Съезд победителей в песнях прославим!..

ВЕСНА

Разлилась весна по степи, как река,
Журавлиной тропкой летят облака.
Зеленеет земля, светла, широка.
Все цветет, и заря – как расцвет цветка.
Мертвый посох, стебель сухой тростника
Зацветет, лишь воткни его в кучу песка.
Беспечальны люди, стал радостью труд,
Мой народ, ты такой весны ждал века!
На джайляу ржанье жеребят с утра.
Овцы и ягнята. Море молока.
Верблюдицы звонко зовут верблюжат.
Зыбь озера – словно пена каймака.

Если старый Джамбул язык наточил,
Послушать придут его издалека.
Иноходец он, бравший приз на байге,
Всегда его песня бойка и звонка.
Часто мокры бока, но первым пришел,
Видишь, девушки машут шелком платка!
Много прожил Джамбул, сто одну весну,
Эта лучше всех, лучше прежних пока.
Молодея, радуюсь сталинской весне,
Сто лет – сто пудов – легки для старика,
Шестьдесят две жилы кровью налились,
По домбре летает птица – не рука.

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Я вижу, как реки дары свои льют,
В степях моей родины реки поют,
И тракторы мчатся густым табуном,
Как вольная песня в просторе степном.
Зимы покрывало снимает земля,
Согретая солнечным маем земля.
Стальными плугами разрыта земля,
Садами, цветами покрыта земля,
Овеяна ветром, омыта дождем,
Засеяна чистым колхозным зерном.
И стаями птицы летят надо мной,
Бушуют озера весенней волной!
Я вижу, как рыбы резвятся на дне,
Блестя серебром чешуи под луной,
И скачут отары кудрявых ягнят,
Веселых телят, жеребят, верблюжат.
И льется Джамбула весенний напев,
Счастливое сердце народов согрев.
Все звонче и радостней песни полет,
С народом шагает Джамбул и поет.
Как сердце, открыты, как жизнь, бодры
Двенадцать ладов моей новой домбры.
Иду, не старея, с отчизной родной
Веселый, счастливый, всегда молодой.
А псы самурайские воют в ночах,
От крови чернеет топор палача.
В холодные ночи, в горячие дни
Лети, моя песня, как беркут, лети,
И если завидишь врага на пути,
Бросайся, как беркут, и враг не пройдет.
Как беркут, ломай ему, песня, хребет.
Кто дохлым родился, тот дохлым и будет,
Пусть воет, пусть лает, но пусть не забудет,
Что в мире туманном, как солнце, встает
Великий, бессмертный советский народ.

Как гром первомайский он грянет, пройдет...
Берлогу залаявший пес не найдет.
Присяга народа крепка, как гранит,
Народ мой веселый. Он будет сердит,
Когда свою пасть враг клыкастый откроет,
Народ его в землю с клыками зароет.
Открывший огонь не сочтет своих ран.
На озере нашем советском Хасан
Урок самураям хороший был дан.
Присяга народа крепка, как гранит,
И песня Джамбула, как пуля, летит.
И песня Джамбула летит и разит, –
Народная песня врага не щадит.
О память, ты майские дни вспоминай!
Я видел их много, но нынешний май
С весною народов сердца обновил
И звонкие песни мои вдохновил.
Хотя у меня и седа борода.
Хотя и подходят к столетью года,
Но знаю – на родине юной всегда
Душа у Джамбула, как май, молода.
Я родине звонкие песни слагаю,
Я красным батырам свой кюй посвящаю.
Я каждое слово с любовью дарю
Всему молодому, что в жизни люблю.
Столетье подходит, но молод я стал.
Лети, моя песня, над миром взлетай
И славь всех племен торжествующий май.

МАСТЕРАМ ЖИВОТНОВОДСТВА

Дружно собрался на радостный слет
Высокоплечий мой сильный народ.
Шагом он смелым расколет и камни,
Крыльями смелыми к солнцу

взмахнет,

Взором орлиным увидит лисицу.
Крепкие руки. Веселые лица.
И молодые, и старики
Съехались в солнечную столицу.
Взору Джамбула их сила видна,
С высью сравнялась у них низина.
Выросли ростом своим небывалым
Радостны, как молодая луна,
Счастьем гордятся народа сыны.
Выращены в вольных степях

скакуны,

Могут скакать от утра до утра,
Львиные гривы взметнув на ветрах.
Груди упруги и узды крепки –
Это колхозные аргамаки,
Это колхозные табуны,
Кровью текинской кипят скакуны...
Народ мой –

хозяин свободной степи,

Обилием дышат колхозы мои.
Корову колхозная холит рука,
Корова колхозная высока –
Рогами заденет она облака,
А вымя, касающееся земли,
Клокочет фонтанами молока.
Душистого сена скирды высоки.
Бараны идут, опустив курдюки,
До самой земли опустив курдюки.
Резвятся в долинах гурты жеребят

И шелковокудрых степных верблюжат,
Наров горбы поднялись в небеса,
Головы – гнущаяся коса,
Глаза их яснее звезды горят...
О нарах колхозных в Москве говорят.
Русский, казах, и уйгур, и якут
Дружной семьей колхозной живут.
Край их цветущий шелками одет,
Жентом накормлен и в песнях воспет.
Перед обильем советской страны,
Родины радости, песен, весны,
Все, покоряясь, преклонены.
Кто это счастье нам дал навсегда?
Дал нам богатство полей и стада?..
Слушайте, степи родные, меня,
Вы, молодые мои сыновья,
Вы, уважаемые старики,
Будьте в труде, как Стаханов, крепки.
Чтобы, как звезды вокруг луны,
Были бесчисленные табуны,
Наши колхозные табуны.
Чтобы джайляу советской страны
Были повсюду гуртами полны.
Партия к новым победам зовет,
Партия к новым победам ведет.
Партии мы свою клятву дадим,
Партии силы свои отдадим,
Чтобы росла наша мощь неустанно
В неисчислимых стадах
Казахстана,
Чтобы повсюду знали о нас,
Чтобы повсюду слава неслась.
Лучшие в мире верблюды у нас.
Лучшие в мире коровы у нас.
Лучшие в мире овцы у нас,
Лучшие в мире кони у нас,
Лучшие в мире травы и воды,

Лучшие в мире животноводы –
Наши колхозные животноводы.
В эпоху, которая счастьем щедра,
Я с вами, друзья.
Молодая домбра
Для вас свою песню поет с высоты
Взлелеянной сердцем поэта мечты.

КАЗНА НАРОДА

Мой край своей землей богат,
Бегущей с гор водой богат,
И всеми видами скота
Он, как никто другой, богат.
Пшеницею литой богат
И горною рудой богат.
На дивной выставке в Москве
Наш павильон большой богат.

На снежные хребты гляжу.
В долинах на цветы гляжу.
Джамбул! – себе я говорю –
Молчать не можешь ты, гляжу.
Ну, что ж! Воспой красу отар,
Любой баран в них, как архар.
На овцах многоценный жир –
Летовок наших щедрый дар.

Гурт не в руно, а в шелк одет,
И молоко овец – шербет,
А козы ростом с антилоп.
Нигде таких на свете нет!
Такой страны, где мы живем,
Во всей вселенной не найдем.
На счетах костяных в сто лет
Ее сокровищ не сочтем.
Корова издали видна,
И землю выменем она
Метет... Прокормит пять семей
Обильным молоком одна.

Такой у нас плодится скот –
Рогами небо подопрет...
А лошадей – не перечеть!
И все отборнейших пород.

Теке-Жаумуд – с туркменских рек,
Конь для седла, не для телег.
Быстрее горных антилоп
Его неудержимый бег...
Немало степь их развела...
Масть их сера, гнеда, бела.
Попробуй-ка их обуздай –
Рвут аргмаки удила!

Народ диковинных коней
Растит для Армии своей,
И тверд, и важен гордый шаг
Питомцев солнечных степей.

У нас есть местность – Дегерес.
У кобылиц там легок вес.
Зато – у каждой жеребят
По тысяче. Вот край чудес!

От жеребцов Теке-Жаумуд
Не клячи – скакуны растут.
Из переполненной сабы
Кумыс тут до отвала пьют!

Сады моей Алма-Аты
Под жарким солнцем золоты.
Там спеют яблоки с арбуз,
Медовым соком налиты.

В Москву, на выставку мы их
Послали из садов своих.
Не из последних Казахстан
В семье республик молодых.

Шелка Таджикистана там,
Урюк Узбекистана там,
Грузинский сладкий виноград
И конь Туркменистана там.

Дает нам золото Алтай,
Шлет уголь нам Караганда,
Медь – прибалхашский щедрый край,
За нефтью в Эмбу посылай –

Озера нефтяные там.
Из домен же – я видел сам –
Металл расплавленный течет.
Подмога есть людским рукам –

Машины. То-то легок труд!
Машины сеют хлеб и жнут,
Летают в небе, ткут сукно,
В степях руно с овец стригут.

В сиянье Ленинского дня
Народов выросла семья.
И всех нас Партия ведет
Под знаменем – красней огня.

Московской выставки размах
Свет гордости зажег в глазах
У всех народов. Там сошлись
Туркмен, узбек, грузин, казах.

Живем под знаменем одним,
Богатство общее растим,
Но вероломному врагу
Одной крупницы не дадим!

Предупреждаем без затей
Мы всех врагов любых мастей:
А ну, попробуй, напади –
Не унесешь своих костей!

ДУХИ

Аромат их приятен сердцам молодых,
Мне ль к лицу в девяносто все прелести их?
А друзьям, что толпой окружали меня,
На непокорного стали похожи коня.

Шерстью белой укрыл подбородок я свой,
Весь оброс и хожу, сам смеюсь над собой,
Стал подобен я карточному королю...
Сколько б ни было в сердце огня – я седой.

,

КЕКЛИК

Вот кеклик шумно вспорхнул...
Гали испугался, вздохнул.
Сороку одну он убил,
Патроны ей все подарил.
По голосу слышу вдали –
Смущен и растерян Гали...

ДОРОГА В СТЕПИ

1940

Страна моя могучей силой вдаль
Звенящих рельсов протянула сталь.
Поющие, горячие легли
Они, как украшение земли.
И радостен народ мой и богат,
Красив его невиданный наряд.
Забыл я караванную тропу.
Мой поезд скор, и весел новый путь.
Мне силы прибавляет свежей он,
Движением я быстрым окрылен.
В аулы, на джайляу, в города,
Сыны мои проводят поезда.
Безмолвная пустыня здесь была,
Безвестная скупая Картала,
Глухая, как могила, Акмола.
Здесь смерть свою добычу стерегла.
Здесь степь не улыбалась никогда,
Но вот пришли заветные года,
А с ними в пустыри Сары-Арки
Пришли сыны мои – большевики.
Степями, где стонал от зноя нар,
Проносится мой огненный тулпар,
Под белой гривой – рельсы в серебре
Поют, гудят, как струны на домбре...

БАТЫР В СТАЛЬНОЙ ШУБЕ

В солнечной юрте слагал я не раз
Смелым батырам свой песенный сказ.
Славил я вас, молодые сыны,
Пламенной силой горячей струны.
Соколом сердце пускал я в полет.
Родина – мать вам, отец ваш – народ!
Пусть же в походах, в победных боях
С вами проносится песня моя.
Пусть эта песня седого певца
В лютые вьюги согреет бойца.
Пусть моя песня в атаку летит,
Колет, как штык, и, как пуля, разит.
Смелым народом герои-сыны
В час боевой для побед рождены.
Разве им будут в походах страшны
Грозы, морозы и вихри войны?
Вижу я гордый орлиный полет,
Вижу я: сын оседлал самолет...
Родину он золотую хранит,
Насмерть налетчиков сокол разит,
Бомбами норы звериные рвет,
Танками горы крутые берет.
Птицы стальные под небом гудят,
Крылья, как склоны Алтая, блестят.
Мира просторы – сыновья постель,
Мужество смелых – сынам колыбель,
Грозный мотор – им игрушка в руках,
И изголовье сынов – облака.
Он восхищает отвагою мир,
В шубу стальную одетый батыр,
Он не боится разбоя пурга,
В страхе бегут от героя враги.
Саблей батыр валуны рассечет,
Пикой до самой луны достает...
...Знаю я бурю в боях за Хасан...

Ливнем свинцовым легли небеса,
Тучи – не тучи по небу ползли, –
Это летели сынов корабли.
Дождь шел – не дождь, – из густых облаков
Пули сынов поливали врагов.
Там, где Балтийское море шумит,
Ленина город могучий стоит.
Он – украшенья отчизны моей.
Радостный город моих сыновей.
Выйди за город и дальше взгляни –
Там не сияют в тумане огни.
Дремлют в молчанье медвежьи леса,
Стынут озера, темны небеса.
Враг, пробираясь тайной тропой,
Выполз оттуда студеной порой.
Солнечный город поджечь он хотел,
Руку с огнем протянуть он посмел.
Море хлестнуло волной в берега,
Сын мой батыр опрокинул врага.
Сын мой отправился в гневный поход
За Ленинград и за финский народ.
Знаю, собаки за морем скулят,
Знаю сороки за морем трещат,
Им не помогут ни лай, ни обман.
Лают собаки – идет караван,
Наш караван и победа за ним,
Наш караван, он народом любим,
Наш караван и его корабли –
Сила и слава советской земли!
Счастье палач у народа украл.
Кровью народа палач торговал,
Лапой когтистой землю прижал,
Тьмой и морозом ее заковал.
Гневом наполнена песня моя,
Вышли в поход мои сыновья
За Ленинград и за финский народ,
И восхищает отвагою мир

В шубу стальную одетый батыр.
Красные звезды на шлемах горят
У сыновей моих – красных орлят,
Им не страшны ни мороз, ни война;
Все мы спокойны, спокойна страна,
Город спокоен, спокоен аул,
Песню спокойно слагает Джамбул,
Славя отважных аскеров-сынов
И их полководцев – большевиков.

ТЕЗЕКБАЮ

Жигиты. Что скажете про Тезекбая?
Не он ли виной, что каурый, лягая,
рыжего жеребенка убил?
Ни в поле, ни дома заботы не зная,
Какое он прозвище заслужил?

СЪЕЗДУ БОЛЬШЕВИКОВ

Звоном чище серебра
Ты полна, моя домбра.
Каждый лад молвой несется.
Ливнем свежим слово льется,
В сердце песня отдается,
Если я беру тебя.
Песню счастья я пою
В пору светлую мою.
Как Талгарский острый пик,
Как из горных скал родник,
Как поток горячих дней,
Песня родины моей.
Как же струнам не звенеть,
Как же сердцу не кипеть.
Если ваш победный той
Я приветствую домброй?
Я на праздник не один
Прихожу в венце седин,
А с большой семьей певцов –
Молодых и стариков.
Песней радости сердечной
Славлю съезд большевиков.
В съезде вашем, сыновья,
Силу жизни вижу я.
Славу, дружбу вижу я,
Думы новые свои
И могущество земли...
...Вы в труде – пример для всех.
Там, где вы, – всегда успех.
Молот славы – это вы.
Счастье наше – это вы,
И победами крепка
Всюду жизнь большевика.
Счастье мой народ искал,
Воду он искал в песках.

Он мечтал тулик иметь,
Уголь, золото и медь.
Вольным он мечтал пойти
По великому пути...
И о чем народ мечтал
Все, что он в веках искал,
Как заветный дар реки,
Дали вы – большевики!
Смотрят с радостью отцы:
Вылетают их птенцы,
Блещут перьями стальными
Под лучами золотыми,
Опуская с облаков
Дождь свинцовый на врагов.
Незнаком героям страх
На морях, в лесах, в горах,
Поразрыты вражьи норы,
А железные заборы
Черных спутников войны
Гневной силой сметены.
Расскажи, домбра, пропой,
Как птенцы летели в бой
Тучей шумной, грозовой
За свою родную землю
И за свой народ родной!
В съезде смелых, сыновья,
Силу жизни вижу я.
Для народа мы всегда
Путеводная звезда,
Что дорогу озаряет
Нам на долгие года.
Силу, бодрость нам дает,
К коммунизму нас ведет.
Как же песне не звенеть.
Как же мне не молодеть,
Если вся земля цветет,
Если вся земля поет...

Чувств и дум своих ларец
Открывает вам певец.
О родные сыновья!
Вы столетнего меня
Не считайте стариком,
Я иду большевиком,
Не склоняя головы,
Вместе с вами, как и вы.

ПАРНЯМ, ОБУЧАЮЩИМ НЕОБУЗДАННЫХ КОНЕЙ

На необъезженных коней,
На диких молодых коней
Садились мы, как удалцы,
Мы мчались в разные концы.
Нас называли – сорванцы!
Вот наша слава и беда:
Бездельничали вдоволь мы,
Мы были без вина пьяны,
Впустую наши шли года.
Ворчали сумрачно отцы:
«Мол, не за девками ль в аул
Мой «бозбала» опять свернул».
Подумайте о том, друзья.
Пример с нас в этом брать нельзя,
Да сгинет лодырь навсегда.

ТАЖИБАЮ

Я Джамбул... Несу я имя от отца.
Я не спотыкался в песнях до конца,
Ночью пел я – ночь была мне коротка.
Потревожу ль нынче молодость в сердцах?

Летела песня громкая моя.
Праздником веселья возгорался я,
А сегодня голос выполз изо рта,
Что же с ним случилось – сам не знаю я.

По душе ль придется это, Тажибай?
Спрашиваю в тайне. Сам пойми, узнай.
Голову и песню, – все мое возьми.
Может, это старость? Сам ты отгадай!

БОГАТЫРЬ ПЕСНИ

Не звезда ли в час ночной
Над вселенною немой
Украшает кошму моря.
Породнив себя с волной?
Не мои ли скакуны
Грудью острою сильны,
Не они ли украшают
В Дегересе табуны?
Не домбру ли у Джамбула
Украшают две струны?
Не отважные ль сыны,
Что народом рождены, ,
Не они ли украшают
Славу советской страны?
Не поющий ли ручей
Украшение степей?
Не луна ли молодая
Украшение ночей?
Не садов ли украшенье
Звонколадый соловей,
И не ласковое ль солнце
Украшение светлых дней?
Не зарницы ли приход
Украшает небосвод?
Не победная ли песня
Украшает мой народ?
Если песня холодна,
Кровь согреет ли она?
Коль народ ее не любит,
То кому она нужна?
Если песня не ведет,
Если песня не зовет,
Разве в бой жигит вступая,
Эту песню запоет?
Если песня не кипит,

Если песня не горит,
Если трусость скрыта в песне, –
Разве песня победит,
Разве в схватке эта песня
Ненавистного сразит?
Мне сказала степь моя:
«Ты воспой богатыря
Грозной, смелой новой песней,
Светлой, яркой, как заря.
Эта песня всем родна,
Непокорна она –
В грозных бурях проходила,
Кумысом друзей поила,
Пулями врагов кормила,
Поднялась она до звезд.
Знаменосец песню нес.
И была она тверда,
Не сдавалась никогда,
Всем народам эта песня
Стала другом навсегда.
Мне катун в степях сказал:
«Богатырь закрыл глаза
И умолк, и стала песня,
Как утихшая гроза...
Ой, лукав узун-кулак!
В страхе лгал на песню враг.
Богатырь не умер, песню
По степям понес казах,
Подхватил грузин в горах,
И запел узбек в Ташкенте,
И ойрот запел в лесах.
Эту песню слышу я,
Разве имя Маяковский
Не проносят сыновья?
Разве он на гребнях гор
Не пылает, как костер?
Разве он с домброй Джембула

Не проходит по аулам?
Разве он из года в год
Для народа не живет?..
Вдохновением согретый,
Я сравню вождя поэтов
С несравненным Махамбетом,
Смерти он смотрел в глаза,
Хану он плевал в глаза.
Словом пламенным, как меч.
Он умел и ханов сечь.
Пой, домбра, пусть песня льется,
Пусть горячая несется
В честь того, кто для народа
Стал любимым иноходцем,
Кто страну свою любил,
Кто народ родной любил,
Кто билет партийный в сердце
На столетья сохранил,
Кто, как молния крутая,
Тучи в небе разводил,
Кто за каждым словом в песне
Слово Ленина носил.
Кто, как горных рек порыв.
Как разлив мосей Нуры,
За собой зовет певцов
И ашугов, и жыршы,
Полным голосом души
Славит жизнь большевиков...

РОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

Из светлых окон самого большого дома Москвы я вижу Кремль. Красные звезды, как знамя, высоко поднимаются к небу. Мне кажется, что я стою на самой недоступной вершине Ала-Тау.

Я снова в родной Москве. Я вижу ее чистые, как степное озеро, улицы, крышами до луны достающие дома. Вечером она мне кажется небом, усеянным огоньками звезд...

Стройно ли побежит моя мысль, будут ли слова мои подобны ручью, впадающему в океан? От радости и волнения я подобен сабе, наполненной кумысом, и если в золотистый напиток слов попадет пылинка, вы, не сердясь, сдуйте ее, сыновья!

Молоко матери стремится к ребенку, сердце ребенка стремится в степь. Могу ли я говорить о песне, не назвав имени певца? Могу ли я говорить о радостях новой жизни, не вспомнив горьких, как слезы, дней прошлого? Могу ли я говорить об эпохе, рождающей батыров, не назвав имени батыра, родившего эпоху?

Потревожив свою память, промчась на ее скакуне за семьдесят лет в прошлое, я расскажу вам о своей юности.

Тогда я был джигитом. Мне кланялись травы и улыбались красавицы Кастека и Каскелена. Я был строен и силен. Руки мои могли обхватить столетний ствол дуба, а пальцы – распрямить стальную подкову.

Но сила моя была не в руках. Сила моя была в домбре. Сила домбры была в песне. А сила песни была в правдивом слове, которое любит народ.

Я проходил по степям скитальцем, нищим, без юрты и семьи, без табуна и халата, без невесты и родины. Солнце пустынь обжигало мои брови, от соленых ветров трещины ложились на губах, а щеки горели черным румянцем.

Я голыми ступнями касался раскаленной земли, и каждый шаг, как потревоженный лад домбры, говорил моему сердцу:

– Ты идешь по родной земле, но она не твоя. Ты идешь по чужой земле.

Сердце мое сжималось от злобы и обиды. Я утолял жажду из родных рек, но реки эти принадлежали не мне. Я, ночуя в душистых травах, подслушивал разговор степных цветов. Цветы говорили:

– Иди, иди дальше, родной Джамбул, не то тебя прогонит, а нас растопчет султан.

Отравил колодцы враг,
Стал глухим узун-кулак,
Ханов, беков и султанов
Стало больше, чем собак.
Стонет степь от их грызни,
А народу в эти дни
И от дерева гнилого
Пользы больше, чем от них.
Нашу кровь, как воду, пьют,
Нашу землю продают,
На большом народном горе
Вырос войлок ханских юрт.

На холодной, как лед, заре я пришел в аул волостного управителя. Управитель выиграл в споре табун баранов у соседнего бая и устроил той. Обращаясь к народу, он сказал:

– Всех угощаю. Ешьте бешбармак, пейте кумыс, садитесь на кошмы, завидуйте моему уму и радуйтесь моему добросердечью.

Я тогда, опьяненный кумысом и вниманием бесчисленных глаз, взял домбру. Возле самого уха управителя я спел песню о том, как богатый воробей собрал всех птиц и зверей, кроме барана. Баран был заколот на угощение. Угощая гостей бешбармаком и кумысом, воробей хвалился, что может проглотить даже медведя. А медведь сидел рядом. Он рычал и зло погля-

дывал на воробья, но соглашался с ним и даже разрешил воробью садиться на свое ухо. Медведь был голоден, а свежая баранина так вкусна, что до поры воробью безнаказанно проходило его хвастовство.

Не успел я закончить песню. Управитель выпил меня своими пустыми глазами и прервал на полуслове.

– Раб вечно будет рабом. Не бывать ему медведем так же, как не видать своими глазами собственного сердца!

Много лет прошло с тех пор... Кости хвастливого управителя давно рассеял ветер. Я своими глазами видел, как медведь проглотил воробья, как народ поднял на колья и истребил вековых врагов, султанов, баев, мулл, царских генералов и управителей.

Я вспомнил хвастливого управителя еще и потому, что недавно в чудесной кремлевской комнате врачи посмотрели мое сердце и сказали, что оно еще крепкое, и показали сердце мне...

Когда я проезжаю на своем коне по колхозам Узун-Агача, я встречаю веселые и радостные лица людей, не знающих рабства и горя. Я вижу свою колхозную родную землю, отданную навеки народу. Я вижу молодые яблоневые сады, табачные поля, многочисленные табуны, светлые школы моих сыновей.

И все это принадлежит народу...

Батыры народа Исатай и Махамбет, Саурык и Суранши поднимались на вековых воров, укравших у народа ключи счастья. Из всех сердец народ ковал батырам мечи, а из песен ткал знамена. Можно ли победить врага, если руки скованы цепью? Можно ли достичь вершины, если к ногам привязан камень? Не достигнув вершины, умирали батыры. Умирая, они знали:

Кто к врагу идет с прошением
О пощаде, тот бессилен
И не стоит уваженья.
Кто, о чести забывая,

Просит милости у баев, –
Жалок тот и безнадежен
И о нем молва худая.
Тот батыр, кто за народ
В битве жизнь отдает.
Трус пощады не добьется,
Богатырь найдет почет.

Победу народу принес бессмертный батыр Ленин.
В степях давно, давно жила поговорка: «Урус бьет
кокана, кокан бьет киргиза, киргиз бьет уйгура, все
плачут, а правды не найдут».

Цари и султаны натравливали нас друг на друга, и
земля была завалена мертвецами. Там, где сочная
трава, – жиреет бык, там, где много мертвецов, –
жиреет мулла.

Умерла старая поговорка. Русский, казах, узбек и
уйгур, украинец и белорус нашли великую правду.
В богатстве и дружбе, согретые навеки лучами совет-
ского закона, живут они на родной земле.

В Москве я встретил много батыров с золотыми
звездами на груди. Я смотрел на них и думал:

«С такими может меряться силой только тот, кто
ищет смерти. В этих сыновьях я вижу весь мой совет-
ский народ, непобедимую землю. Герои с золотыми
звездами освободили наших братьев – западных
белорусов и украинцев и выбили зубы белым собакам,
оскалившимся на город Ленина».

Ураганом грозным шли.
Грудь врага свинцом прожгли,
Огненной рукой достали
Белых змей из-под земли...

Я молодым иду по родной земле. Там, где умирали
мечты и песни скитальцев Коркыта и Асана-Кайгы,
отдают народу свои дары моя Эмба и Караганда,
Балхаш и Алтай, Арал и Каспий.

В степях Акмолы, где верблюды теряли тропы, мои
сыновья-комсомольцы построили железную дорогу.

В безводных пустынях, где залетевший беркут умирал от жажды, народ прорыл арыки и пустил воду.

На солончаках, где прятались каракурты, народ посадил яблоневые сады.

В пустырях, где стояли дырявые юрты и холодные саманные зимовки, народ выстроил светлые города и заводы.

Где стояли гнилые мечети и тюрьмы, народ выстроил мраморные дворцы и театры.

В иссохших долинах, где росла одна горькая полынь, как волны Балхаша, шумит колхозная пшеница, раскрывает золотые коробки хлопок и зреет рис.

В необъятных степях моего Казахстана множатся колхозные табуны. Кто сосчитает верблюдов в них, кто сосчитает баранов в них, кто сосчитает табуны крутошеих аргамаков, выращенных народом для своих жигитов?!

Кто в мире сильнее и богаче моего народа?!

Где в мире страна могучей и свободней, радостней моей родины?!

Я иду, и солнце бессмертной дружбы народов освещает мне путь, и сердце поет о рождении жизни...

ВИДЕЛ Я РОДНОЙ КАЗАХСТАН

Видел я родной Казахстан
В ненавистный злой заман.
Буйно травы в лугах цвели,
Вились золотом ковыли,
До крутых заснеженных гор
Пышно лег богатый ковер.
Степь моя, как напев певца,
Без конца цвела, без конца,
Но цвела она не для нас –
Ханы крали счастье у нас.
Травы кланялись не нам...
Я ходил по сухим пескам
Необъятной моей страны.
Заметали след катуны,
Обжигал мою спину зной,
И барханы ползли за мной...
Видел я безлюдную степь
В ожерелье белых костей.
А под мертвой корой земли
В скалах каменных берегли,
В тайниках века берегли,
Как домбру бережет певец,
Уголь, золото, медь, свинец.
Не могла их достать рука
Бесприютного бедняка...
По степи струится река,
Были мертвыми берега.
Не скользил баркас рыбака
В серебристых ее волнах,
И терялись реки в песках.
Видел я родной Казахстан
В ненавистный черный заман.
Шел усталый мой караван,
По горячим его следам.
Как собака, брела нужда.

И стонал любимый народ
Под ярмом царей и господ.
Под ярмом султанов и мулл
Задыхался в степях Джамбул.

В ГОРАХ

Ровесник столетью – на белые горы гляжу..
По склонам крутым, как в былые лета не хожу.
Для странствий своих не седлаю, как прежде, коня.
Промчались годы! Я стар и спокойно лежу..

Глаза потускнели. Остыл соколиный порыв,
Не вынесут ноги меня на вершину горы,
И кажется – наглухо уши забиты мои,
Слова исчезают, лишь говор шумит, как арык.

♪

К ПОРТРЕТУ АБАЯ

Что это? Абая ли это портрет?
Могущества слова и песни расцвет!
Умом и отвагою равно велик,
Какой же с Абаем сравнится поэт?

Величье акына он гордо вознес,
Грядущему славным примером возрос.
Аргын и Найман удивлялись ему,
Словам, уподобленным яркости звезд.

Течением мысли, как море, глубок...
А сердце мне шепчет: «Он был одинок...»
Без радости, но с душой непреклонной,
С досадою гений из мира ушел.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

В сто лет я достиг воплощенья мечты!
Ликующей, радостной жизни цветы,
Я вдоволь хочу насмотреться на вас.
Мне галстуки красные радуют глаз.
Я, тополь высокий, расту среди вас,
Ветвями души я сплетаю вам сказ.
Вы просите:
Спой нам скорее, Жаке!
Покорна домбра моей верной руке,
И молодость снова кипит в старике,
И новая песня струится ручьем.
Мы с вами в счастливое время живем...

Вас школа зовет в эти светлые дни,
Науки дворцы зажигают огни.
Учитесь, как Ленин,
И знаний родник
Забьется хрустальный из ленинских книг...

В науке, в борьбе
От жизни ключи вы найдете себе,
Где вашим отцам приходилось идти,
Где матери вас от невзгод берегли,
Счастливые дети счастливой земли!
В семье вашей радостной, вижу, идут
Ребята пяти осчастливленных юрт.
Не знали ни света они, ни тепла,
Их голод давил и нужда стерегла.
К ним Армия Красная наша пришла
И счастье для всех малышей принесла...
Я радуюсь с вами, внучата мои,
Вас школа зовет в эти светлые дни.
Учитесь, как Ленин. Из книг
Бьет света и знаний хрустальный родник.

Я – ТОПОЛЬ СТОЛЕТНИЙ

Я сравню себя со столетним тополем. Корни мои – родной народ, ветви мои – песни, листья мои – молодые сыновья и дочери. Я рос в голодных степях. Песни были безводны. Ханы, баи, муллы и алаши рубили мои корни. Тучи скрывали от меня солнце. Мои молодые листья срывали злые вьюги.

Я стремился вершиной к солнцу. Но не было солнца. Я тянулся корнями к воде. Но не было воды. Я ветви протягивал к счастью. Но не было счастья. Я гнулся под бурей, оберегая листья. Но силы слабели, а буря срывала и жгла обнаженные листья.

Грозой прошел по земле Октябрь. Ленин открыл родник жизни. Вдоволь насытились корни мои. Ленин разогнал тучи и открыл мне солнце. Ветви мои распрямились. Листья мои зацвели в золотистых лучах. Стали крепкими мои листья. Я, тополь столетний, пою о найденном солнце, о счастье народа, о своих молодых сыновьях и дочерях.

Золотой джайляу народа – счастливая родина моя. Через двадцать хребтов перешагнул мой Казахстан...

Я жду дорогих гостей в свою юрту. Пусть наполнится она песнями всех народов, и моя казахская песня сольется с их песнями. К тебе протягивает ветви уподобивший себя столетнему тополю седой Джамбул.

БАРЛЫБАЕВУ

У казахов я – курица, много прожившая лет,
Милый мой, исцелишь ли меня ты леча?
Разве старому сердцу не смотрит опасность вослед,
Если крепко руками сожмешь ты лопатки в плечах?
От недуга спасенья, как вижу, на старости нет,
Если буду, мужаясь, ходить без совета врача.

СТАРОСТЬ

1941

Железная лопата в растворе меловом –
То борода Джамбула на склоне вековом.
О старость, что ж взяла ты еще себе в позор?
Седых волос щетину открыла под виском.

Лица былую свежесть с годами унесла
И рот мой пуст. Все зубы, проклятая, взяла.
Моих суставов гвозди присвоила себе,
О старость, злая старость, все силы отняла!

Глаза мои укрыла холодной краснотой,
Все мясо съела, остались кости лишь со мной
Склонюсь едва, а старость толкает, чтоб упал.
С батманом, полным соли, на горб садится мой.

ДОСТИГ Я, ШАГАЯ, ВЕРШИНЫ ГОРЫ

Достиг я, шагая, вершины горы,
А век бесконечен, как песня домбры...
Расходятся ноги, как струны, дрожат,
Стоять не могу, мои ноги стары.

Мой доктор, ты правду Джамбулу скажи,
Не скрой ничего и меня поддержи!
Где встретил я старость – несчастье мое?
Как хочется жить! Как мне хочется жить!

Я ветхой кибитке подобен. В груди,
В глазах и в ушах моих ветер гудит.
Нет сил моих прежних управиться с ним,
А старость не вылечишь. Что ж впереди?

ПЕСНЯ БЛАГОДАРНОСТИ

Посетили вы меня,
Задушевные друзья.
От счастливой вести сердце
Стало горячей огня.

Песню слушала страна,
Песня родине верна,
Песня старого Джамбула
Родиной награждена!

Мне достойно бы суметь
Честь высокую воспеть,
На крылах свободной песни
До Москвы бы долететь.

Океану бы приказать
Золотыми чернилами стать, --
Не хватило бы океана,
Чтобы радость описать.

Если б каждый кустик мог
В лист бумаги свой листок
Превратить, то не хватило б
И листов для светлых строк.

Карагач бы каждый взять,
В карандаш бы обстругать, --
Их бы тоже не хватило,
Чтобы радость описать.

Кюи, что хранит домбра,
И алмазы слов собрать, --
Их бы тоже не хватило,
Чтобы радость передать.

От души в степях пою,
Песней я благодарю...
Родину -- звезду мою!

ГИМН ВЕСНЕ И ПЕРВОМАЮ

Ты пришла, моя весна,
Солнцем степь озарена.
Юрта старого Джамбула
Песнями окружена.
В нежном бархате поля,
Открывается земля,
Степь засеяли пшеницей
Молодые сыновья,
Дождь серебряный прошел,
В тучах вымылся орел.
У подножья Ала-Тау,
Поклонясь медовым травам.
На заре тюльпан расцвел.
Тополя листвой шумят.
Буйно воды Чу кипят.
На зеркальные озера
С криком лебеди летят.
На колхозные джайляу
Табуны мои спешат.
Не окинешь взором стад
Пышногривых жеребят.
Ярким солнцем удивленных
Милых, строгих верблюжат.
Край мой счастьем обновлен,
Ала-Тау шлет поклон,
И зовет певца седого
К Кулансазу в гости он.
Сердце, соколом взлетай.
Мой народ встречает май,
Знамя красное над юртой.
Теплый ветер, развевай.
Песню старого Джамбула
Пронеси из края в край.
Славлю я колхозный труд.
Сыновья мои растут;

Сквозь туманы в самолетах
Сыновья мои плывут;
В океанах пароходы
Сыновья мои ведут;
На куланах-вездеходах
Сыновья подъем берут;
На полях и на заводах
Славу родины куют;
На заставах и в походах
Нашу землю берегут...
...И встречаю я с домброй
Первомай светлый той,
С сыновьями я пирую,
Радостный и молодой!..

БОГАТСТВО ЗЕМЛИ

Весне я рад! Пора труда.
Ушли бесследно холода.
Растаял снег. Дымятся горы,
В тепле земли моей просторы,
В оврагах – полая вода...
Колхоз Джамбула поспешил
Пахать поля – он пашней жил.
Без дела день один не прожит!
Казы искусно так не крошат,
Как лемех землю искрошил.
Смотри! Пшеницы́ всход богат,
А с Ала-Тау водопад – ’
Вода прозрачная, большая.
И все посе́вы орошая,
Арыки звонкие журчат.
Земля богатств не утаит:
Живи в труде – и будешь сыт!

ЛЕНТЯЯМ

Рукам лентяев круглый год
Не дотянуться до работ.
Спят лежебоки сладким сном –
Не крутятся веретеном!
С трудом в раздоре много лет,
На гладких лбах их пота нет.
Им, тунеядцам, невдомек,
Что хлеб печет им хлебопек,
А сладкий и душистый мед
Им добывает пчеловод.
Вот лодыри в разгаре дня
Пришли – и сразу болтовня,
Кругом плевки, следы слюны,
И насыбаем рты полны.
Им бы не двигаться – стоять,
И не работать, а лежать.
Им тараторить лишь не лень.
Какой тут будет трудодень?
Что ж! Коль людской услыша суд,
Лентяи в разум не придут, –
Зимой их ждет позор и крах –
По самый пояс быть в долгах.

КУЛАНСАЗ – НАША ЛЕТОВКА

С утра ползет прохлада с гор,
На летнем пастбище – простор.
Я вспомнил юности летовки...
Ослаб я, одряхлел с тех пор.
Взмахну-ка крыльями опять,
Чтоб по горам покочевать!
Что за туманец, что за дымка –
Вершин желанных не видать!
Прохладен вечер, воздух сух,
Близ льда ни комаров, ни мух.
Вон Кулансаз – летовка наша,
Огромный гурт ведет пастух.
Эпохе нашей бью поклон!
Колхоз богат. Со всех сторон
Приходит счастье к человеку,
И справедлив у нас закон.
Вот одолел я перевал,
Кобылу к ели привязал.
Табун пасется. Возле маток
Всех сосунков я сосчитал.
Растут, резвятся... Их не тронь –
Не кровь в их жилах, а огонь.
И виден в каждом жеребенке
Батыра друг – крылатый конь.
Тот воздух может опьянить,
Дыши – кумыс не надо пить.
Джамбулу отдых – струны тронуть
И песню новую сложить.

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ!

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, –
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш острия...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чують смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад.
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских
громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колеи,
Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края...
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:

Их ссылали в его аул,
И кандалный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев.
Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск

Ленинских слов-лучей

Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры.
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ.
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи

Будет в корчах шипеть змея.
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Как владычицу меж владык,
Почитать я землю привык.
Ныне страшный в ней выжжен след,
Причинен ей огромный вред,
Беспощадно ее грызет
Окровавленный людоед!
Но последний близок расчет,
И земля в преддверье побед.
Вся страна идет на врага,
Поднимается весь народ,
И не сломит наших свобод
Гнет фашистского сапога,
Не коснется вражья нога
Вас, наследственный наш оплот,
Ленинградские берега!
Вы громили врага и встарь:
Не одна враждебная тварь
Свой могильный нашла покров
У прославленных островов.
К вам в разгар гражданской войны
Подбирался царский холоп, –
Вы его увидали в лоб,
Увидали и со спины.
Ленинград сильней и грозней.
Чем в любой из прежних годов,
Он отпор отразить готов!
Не расколют его камней,
Не растопчут его садов, –
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда.
Провожают своих бойцов

Наши села и города.
Взор страны грозиво-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.
Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь
И свинец, что в срок в впопад
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжелом,
как дробь, зерне

Со свинцом идет наравне.
Наших лучших коней приплод,
Груды яблок, сладких как мед, –
Это все должно вам помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Слышат пастбища Сыр-Дарьи
Вой взбесившегося зверья.
Если бы ныне к земле приник,
Только ухом приник Джамбул, –
Обрела бы земля язык,
И дошел бы сквозь недра гул,
Гул Отечественной войны
На просторах родной страны.
Всех к отпору Жданов призвал:
От подъемных кранов призвал,
От огромных станков призвал,
От учебных столов призвал.
В бой полки Ворошилов ведет,
Вдоль холмов и долин ведет,
Невских он старожилов ведет.

Беспечален будь, Ленинград:

Скажет партия: – В путь!

В Ленинград! –

Все пойдут на выручку к вам,

Полководческим вняв словам.

Предстоят большие бои,

Но не будет врагам житья!

Спать не в силах сегодня я...

Пусть подмогой будут, друзья,

Песни вам на рассвете мои,

Ленинградцы, дети мои,

Ленинградцы, гордость моя!

МОСКВЕ

Бессмертное сердце страны!
Владычица мыслей, Москва!
Не раз у кремлевской стены
Склонялась моя голова,
Не раз на пороге весны,
Когда зеленела трава,
По праву певца-старшины
К тебе обращал я, Москва,
И голос хвалебной струны,
И полные ласки слова!

Шуршит, опадая, листва, ,
Снежинки снуют над Кремлем,
Природа ясна и трезва,
А ты, трудовая Москва,
Сражаешься с пьяным зверьем...
Врагу не видать торжества!
Набьешь ты свинцовым огнем
Живот ему тощий, Москва!
О полная мощи Москва!
Будь с немцами жестче, Москва!
Дави их и ночью, и днем,
Руби их, как рощи, Москва!
Твой враг беспощаден, Москва!
Он злобен и жаден, Москва,
Но сломишь ты гадин, Москва,
Твой каждый овраг и подъем
Фашистов схоронит живьем!
Мне птицы стрекочут – «Москва...»
Мне горы грохочут – «Москва...»
Твой подвиг под Млечным Путем
Мне звезды пророчат, Москва!
Ты кладезь сокровищ, Москва!..
Ты краше,
чем все божества.

Я замер в горячей мольбе...
Подобно кинжальной резьбе
Да будут чеканны слова.
Всю суть своего существа
Джамбул обращает к тебе,
К тебе, великан Москва!
Когда извергает злодей,
Теряя шакалов своих,
В тревожную тьму площадей
Железо из пушек своих, –
Я знаю – ты прячешь детей
На дне подземелий своих,
Где тянутся рельсы путей
Сквозь мрамор ущелий своих.
Когда на бомбежку с лихвой
Твоя откликается тишь,
Я знаю, что даже глухой
Подвластен призыву «услышь!»
Метнет ли разведка лучи,
Их в небе скрестив над Москвой,
Я знаю,

что даже слепой

Стервятника видит в ночи.

И тот,

кто под славой знамен

Кремлевской стеной осенен.

Кто вечен в прозрачном гробу,

Я знаю – он слышит стрельбу,

Он слышит призывы племен,

Он в нашу вникает судьбу.

Он гневом безмолвным объят

Он пушечный слышит раскат,

Что с дальнего шлют рубежа,

И тайные вздохи томят

Ту грудь, над которой, дрожа,

Священные стекла звенят.

Я знаю, что дети Москвы

Дерутся как горные львы,
И мстят за кровавый разбой.
Мы внемлем стоустой молве,
Что немцам не быть в Москве
Что им не владеть Москвой.

Три дюжины лет протекло
С тех пор,
 как воюя с царем,
Рабочее воинство шло,
С винтовками шло и с дубьем
И царских орлов на бегу
Топтало в московском снегу.
Прошла еще дюжина лет,
Послышался ленинский клич,
И свой большевистский Совет
Отстаивать вышел москвич.
И год он сражался и два.
Голодный,
 продрогший москвич,
Но вырвал у недруга бич,
И верх одержала Москва.
Здесь Ленин народу служил,
Здесь после бессонных ночей
Он сном непробудным почил...
Мы знаем,
 что значит Москва,
Над миром маячит Москва,
А век твой лишь начат, Москва,
В дни грозных осенних боев
Неужто заплачет Москва?
Неужто разбойничий рев
Тебя озадачит, Москва?
Всем может простой человек
Тебя обеспечить, Москва!
Тебе ни ненастье, ни снег.
Ни гладь замерзающих рек

Не станут перечить, Москва!
Не даст, не позволит вовек
Себя онемечить Москва!
Друзья! Не во сне – наяву
Разбойники рвутся в Москву.
В опасности наша Москва!
Помочь ей, немедля помочь!
Дай брата, дай сына и дочь,
Родимого дома глава!
Врагов измолоть, истолочь,
Откинуть их скопища прочь.
Пожертвовать всем для Москвы,
Народы, обязаны вы!
В Сибири, в Крыму, на Неве
Страна помогает Москве.
Наш Риддер.

Чимкент и Балхаш,
Арал и его острова,
Бурильщик и угольщик наш
Тебе помогают, Москва,
Полки казахстанских сынов
Участвуют в смертном бою
За тысячи светлых домов,
За душу, столица, твою.
Мне ветер, мне поле – родня.
С пеленок в седле я живу,
Чуть свет я сажусь на коня,
Поводья, как юноша, рву
И мчусь,
стременами звеня,
И всех, узнающих меня,
Москве на подмогу зову.
В Москве еще рано, светло,
Несметно проезжих число,
А здесь уже шепчет мне ночь:
«Покинь, престарелый, седло!
Ты должен ей песней помочь».

И вот заодно с темнотой
На запад я взором плыву.
Где теплится день золотой...
Колени к сырому жнитву
Джамбул приклоняет седой;
Мигает звезда в синеве,
Сверкает в речном рукаве;
Я струнную рву тетиву,
Я звоном пугаю сову
И песню творю о Москве –
Москве.

Для Москвы.

За Москву.

ВЫСТОИТ ПЛЕМЯ БОГАТЫРЕЙ

Шли и прошли две дюжины лет,
Годы, которым дивится свет,
Годы, которым подобных нет.
Землю свободой животворя,
Мир всенародный щедро даря,
В день, что не раз был нами воспет
Грянул желанный гром Октября.

К двадцать четвертой светлой черте
Мы с небывалым чувством идем.
В мае еще мы были не те,
Люди стремились к другой мечте,
Солнце скользило другим путем,
Хлеб увлажнялся другим дождем.
Птицы в дубравах пели не так,
Волны в реке шумели не так.
Ранняя стужа длилась не так,
Сердце Джамбула билось не так.
Многое ныне стало иным;
Мрачно клубится пушечный дым,
Враг беспощадно чинит грабеж,
Враг угрожает нивам родным,
Рвется на север и в теплый Крым,
В тело отчизны вонзает нож.
Пусть не в пример торжествам былым.
Дымом ты застлан пороховым,
Пусть ты на прежние не похож,
День Октября, ты праздничен все ж!
Будь же отмечен, день Октября,
В нашей отечественной войне!
Пусть на врага вдвойне и втройне
Рушатся небо, твердь и моря!

Помню я много мудрых примет.
Помню я старый порядок лет:

Зима по дюжинам велся счет.
Прозвища зимам давали встарь,
С живностью связан был каждый год:
Звался, как зверь, как домашний скот,
Звался, как ползающая тварь.
Стань для фашистов, нынешний год,
Годом улиток и годом змей!
Стань для страны, где правит народ
Годом орлов и годом коней!

Песню послал к ленинградцам я,
Песню послал я и к москвичам,
Струнам велел не смиряться я
И разучился спать по ночам,
Я для народов, слитых в семью,
Выносил новую песню мою.
С нами народы заморских стран,
Те, что проникли в черный обман.
Те, чьи тяжелые корабли
К нашим причалам путь обрели.
Выстудят, выморозят зверей
Наши сугробы и наши льды,
Выстоит племя богатырей,
Выручит родину из беды,
В прошлом немало суровых зим
Сделал оружием предок мой;
Холод нам друг, и этой зимой
Натиск фашиста мы отразим;
Нашу изведает зиму он.
Сил не найдет для разбоя он,
Гнев наш разрушит вражью тюрьму,
Детище тьмы отпрянет во тьму..

СОВЕТСКИМ ГВАРДЕЙЦАМ

Есть в языке такие слова,
Чье назначенье пламенем жечь:
Если услышишь – вздрогнешь сперва,
Выше поднимется голова,
Станет певучей скромная речь...
Эти слова, как молния, жгут.
Сердце пьянят, на подвиг влекут.
Старцев пленяют, тешат ребят,
Недруга вяжут сотнями пут,
Трубами смерти над ним гремят.

Сколько прекрасных воинских слез
Ни озаряло Джамбулов кров.
Сколько он сам их ни находил, –
Громче, чем «гвардия», не слышал,
Ярче, чем «гвардия», не встречал.
Слаще чем «гвардия», не твердил,
Тверже, чем «гвардия», не чертил
Чище, чем «гвардия», не вдыхал.
Если такое слово из слов
Стало наградой целых полков,
Если в трудах и в муках оно
Красным знаменем присуждено,
Если победный дедовский чин
Стал достоянием наших дружин –
Значит, врагов постигнет скорей
Кара земель, небес и морей;
Значит, достигла новых вершин
Доблесть советских богатырей;
Значит, злодеям приходит срок,
Сражает их метко гвардейский стрелок.

Праздник сегодня удвоен мой:
Почести край удостоен мой!
В части гвардейцев частью восьмой

Входит и собственный воин мой,
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на шлеме своем храня
Прикосновенье старческих рук,
Им унесенное от меня.
Сын Казахстана мечом сверкнул.
Ветер гвардейский стяг натянул –
Поступь победы слышит Джамбул.
Ярость бойца, священная страсть!
Денно и ночью в битвах владей
Теми, кто жизни дарует власть,
Теми, кто выше тысяч смертей!
Слава жигитам лучших частей!
Множься и крепни, гвардейская часть,
Нечисть фашистскую сокрушай,
В бегство разбойников обращай,
Мрази немецкой ужас внушай!
Гвардии славной путь открыт,
Путь, что тяжелым плугом изрыт.
Путь, что горячей кровью омыт!

В НОВОГОДНИЙ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ЧАС

1942

Снег ложится могучим пластом,
Реки тихо текут подо льдом,
Нависает сосульками лед.
Холодна предрассветная тьма.
Посетившая землю зима,
Продолжает привычный обход,
И стучится в родные дома
Молодой наступающий год.
На полях снеговых, ледяных,
В тишине новогодних часов
Слышу я переключку бойцов,
Наших славных, советских, родных,
Слышу тысячи их голосов...
Звон оружия у их поясов
И походку суровую их.
В эти дни наступил перелом,
В эти ночи не спится врагу,
Он почуял свой близкий разгром –
Оставляя село за селом,
Он теряет на каждом шагу
Все, что занял коварством и злом;
Он за слезы невинных детей
Платит кровью поганой своей.
Ленинград, и Москва, и Ростов,
И десятки других городов
Дали грозный злодеям отпор
И заставили в землю залечь,
И выкуривать стали из нор;
Партизаны их гонят на двор,
И не греет их русская печь.
Надо их до конца истребить.
До единого всех перебить!
К вам, мои дорогие сыны,
К вам, защитники нашей страны,

Обращается старый Джамбул:
Меч победы над миром сверкнул!..
...Пусть немолод я, пусть седовлас –
Я за ним по-орлиному взмыл,
Чтоб помог вам мой песенный пыл
В новогодний торжественный час.

’

СОВЕТСКИМ ВОИНАМ

Морозный ветер родной страны
Наполнился пеньем моей струны.
Сквозь гул орудий мой сын и внук
Пушкой услышит певучий звук!
К могучим силам под гром войны
Слова Джамбула обращены.
Красноармеец! Привет тебе,
Тебе, кто страха не знал в борьбе.
Тебе, чей зорек и грозен взгляд.
Тебе, кто немцев теснит назад.
Тебе, чье сердце – огонь и лед,
Тебе, чья слава летит вперед,
Чей шаг уверен, чей путь суров,
Кто защищает родимый кров!
Вы миру дали расцвет зари,
Отчизны нашей богатыри!
Вы плоть от плоти своих отцов.
Стяжавших славу лихих бойцов.
Вы утешенье для матерей,
Таких вскормивших богатырей.
Вскормить героя сумела мать,
Его сумела и в бой послать;
В пеленках ею он был согрет,
В ее он пряжу теперь одет;
Оружье наше народ ковал.
Народ свободу завоевал;
Страну, где Ленин в сердцах живет,
Никто на части не разорвет!..
Враг подбирался с ночных небес,
Но рухнул камнем на черный лес;
Шел под волной он и по волне,
Но, захлебнувшись, гниет на дне;
Пришлось под снегом и на снегу,
Околевая, лежать врагу.
Все это сделал рукой своей

Наш воин, мстящий за кровь детей,
За нас, скорбящих, как никогда,
За наши села и города.
Все, чем захватчик еще силен,
Все, чем сломить нас мечтает он.
Что он надергал, что он наскреб,
Все, чем кичится, крича взахлеб, –
Все это должен сравнять с трухой
Советский воин своей рукой!
Советский воин! На запад, вдаль!
Разящей пулей врага ужаль,
Сверкни очами из-под бровей,
Сломи фашистов и в прах развей!
Им передышки мы не дадим,
Красноармейцы, мы победим!

СЫНАМ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ

Казах Сеитов Дюсекей
И русский Сахаров Борис!
Ваш клич достиг моих ушей,
Он тучей над врагом навис.

Залегши в снежной целине,
Готовя извергам разгром,
Вы обращаетесь ко мне
С коротким пламенным письмом.

Вы заявляете: «Сведем
С фашизмом счеты мы сполна».
Вы пишете: «Мы песни ждем,
Джамбул, поможет нам она!»

Я бремя лет откину прочь,
Чтоб спеть о празднике весны.
Есть, песню дать! Есть, вам помочь,
Народов доблестных сыны!

Песня весны

Беспокойным тяжелым сном
В эту зиму спали поля...
Пел свинец во мраке ночном,
Вражью рвань в сугробы валя.
Наши мирные очаги
Но разгневавшийся народ
Гнал на запад фашистский сброд.
Вот зиме наступил конец,
Вешним солнцем пригрет боец,
Оживает трактор в тылу,
В землю падают семена,
Дети радуются теплу,
Вновь ручей течет по руслу,
Вновь береза соком полна,

Вновь курлычат в синей дали
Перелетные журавли.
Их встречая, старый Джамбул
Руки к ним свои протянул,
Протянул и громко спросил:
– В чем источник жизненных сил?
В чем развязка наших тревог?
В чем победы нашей залог?
– В нашем солнце, в нашем вожде,
В жажде мести, в дружном труде,
В неразрывности всех частей
Благородной нашей земли, –
Так пропел Джамбулу ручей,
Так шепнули соки корней, ,
Так ответили журавли.
Никогда ни один народ
Не признает в немцах господ!
Разве реки иной страны
Для Дуная мелеть должны?
Разве ходят липа и клен
К можжевельнику на поклон?
Разве смолкнет перед совой
Сокол горный и луговой?
Кто отважен и кто силен,
Тот не будет порабощен!
В блеске чистой голубизны
Встретим светлый праздник весны,
С новой мощью ринемся в бой!..

ДЕВУШКА НА СТАЛЬНОМ ТУЛПАРЕ

Я помню: когда в старину
Казах уходил на войну,
Когда на войну уходил
И сына с собой уводил,
Тогда поручал он жене
Заботу о доме своем,
О мирном своем табуне,
О тучной родной целине,
Покрытой густым ковылем.
Покуда мечом и копьем
Отечество он защищал,
Он матери скот поручал,
К охоте сестру приучал,
И еле подросшую дочь
Обязывал зерна толочь.
Об этом старинном труде,
О твердости женской руки
Поныне всегда и везде
Седые поют старики.
Об этом над вешней водой
Джамбул вспоминает седой.
Чтоб лопнула вражья броня,
Как черный болотный пузырь,
Чтоб схлынуло море огня,
Что лижет советскую ширь, –
Взнуздал вороного коня
Народный лихой богатырь,
Он скачет и песню поет,
Он в синий небесный пустырь
Уводит стальной самолет,
Он грозные танки ведет,
Он танками давит врагов,
Немецкие топчет полки.
Как топчут гадючьи клубки
Копыта могучих быков.

Он силой карающей стал,
А кем он вчера еще был?
Он зерно урожая считал,
Он силою мирною был.
И вот он от дома далек...
Кому же теперь невдомек.
Что сеятель пахарь и жнец
Средь недругов сеет свинец,
В дугу их, как дерево, гнет,
Их косит, и давит, и жнет?
Он в смертном кровавом бою
Семью защищает свою,
За правое дело стоит,
За родину смело стоит,
Стоит за свободу и честь.
И всюду на быстрых крылах
За вестью разносится весть
О им совершенных делах.
Где землю пахал он вчера,
Его заменила сестра;
Сражается пахарь и жнец.
Но мать его, дочь и жена
Постигли всей глубиной сердец.
Что помощь их фронту нужна.
Родимая! Трактор веди,
С машиной хозяйственно ладь,
За винтиком каждым следи,
Работай танкисту подстать
И с ним соревнуйся, гляди –
Горючего даром не трать...
Подруги, трудитесь в тылу!
Все думы теперь об одном:
Чтоб землю готовить к теплу,
Чтоб колос был полон зерном!
На помощь в заветном труде
И школьник спешит и старик.
И пусть мальчуган невелик,

А дед с сединой в бороде,
Но будут в порядке хлеба!
Ведь нынче повсюду борьба...
Вот выйдешь ты, дочь, на жнивье
И, пот утирая со лба,
Воскликнешь: «Уж я ли слаба?
Уж нам ли зимой не житье?
А вот они – наши хлеба!
А вот оно – дело мое!»

ДРУЖБА НАРОДОВ

Там, где Джамбул родился и рос.
Где до седых он дожил волос,
Там, где он песни свои слагал,
Там, где он родине помогал,
Там по раздолью древних степей
Бродят несметные табуны,
Там в бечеве озерных сетей
Рыба выходит из глубины,
Там поглощают влагу дождей
Борозды вспаханной целины;
Там для расчета с лютым врагом
Уголь пылает, плавя руду. ,
Там управляет и стариком
Воля к борьбе и воля к труду;
Там научились владеть штыком
Наглому Гитлеру на беду,
Там – кладовая силы земной,
Там – колыбель бесстрашных людей –
Там – Казахстан неоглядный мой
Во всеоружье славы своей!
Тесной дружбой со всей страной
Спаян мой доблестный Казахстан,
Стал он любимцем в семье родной.
Стал образцом для дружеских стран.
Внуки мои! Мои земляки!
Я не однажды за этот год
Мощные ваши воспел полки
И проводил в священный поход.
Каждый из вас меня вдохновлял,
Вас я на битвы благословлял.
Под Ленинградом и под Москвой
Стали вы сказкой вечной живой.
Многих из вас на горе врагу
Славный Панфилов вел за собой.
Горд я и счастлив – скрыть не могу! –

Тем, что казах на русском снегу
Знамя гвардейцев, дар боевой,
Поднял средь первых над головой.
Горд я и счастлив тем, что казах.
Берег заветный вернув стране, –
Пал на колени, целуя прах,
Степь Украины, как пишут мне...
Берег реки под ливнем свинца
Он целовал, как руку отца.
«Жарко он, – пишут, – к земле прильнул...
Что же скрывать? – ты сладко всплакнул,
Слыша об этом, старый Джамбул!

Время идет и недолго ждать –
Мы людоедов начали жать.
Но, чтобы скорей погибли враги, –
Силы свои вдвойне напряги
Слитый с отчизной, мой Казахстан!
Слышат народы наши шаги,
Видят грядущих битв ураган.

ПРИКАЗ РОДИНЫ

Грозный день, о сын, наступил!
Горе! К горлу враг подступил!
Нам дыханье хочет пресечь.
Все с землею сравнять и сжечь,
Осквернить святыни отцов!..
Враг вступить посмел на Кавказ,
Хочет лучшее взять у нас!
Хочет бить Кубань, Волгу, Дон –
Кровь и плоть веков, радость глаз!
Каждый город и каждый дом
Создавались нашим трудом,
Это – наше с древних времен!
Все отнять у нас хочет он!
Все, чем жизнь была дорога,
Разве ты берег для врага?
Если над головою гроза.
Разве смерти не взглянем в глаза?
И важней разве что-нибудь есть,
Чем народа и родины честь?
Разве честная медлит рука
Вывать жизнь из груди врага?
Каждый, каждый, земли вершок –
Это тело твое, кровь и пот!
Здесь по жилам железных дорог
Протекает жизни поток.
Там, где слышишь, как дышит завод, –
Сердце родины бьется, живет;
Там, где руды в земле залегли, –
Видишь светлую душу земли!
Где зеленый раскинулся луг –
Это – сила трудящихся рук.
Это – радости мирной жилье,
Это – верное счастье твое!
На тебя с надеждой глядел
Каждый памятник дедовских дел!
Если враг это рушит сейчас.

Если это он топчет, кичась,
Чья душа не вспыхнет огнем!
Разве в пропасть врага не столкнем?!
Где берет он хоть малую пядь –
Он спешит в себя силу впитать!
Там, где верх он над нами берет –
Сил лишить он стремится народ!
О, скажите! Кто это поймет,
Разве можно еще отступать?
Разве есть у нас лишний вершок,
Что не жалко врагам уступить?
Нам разбойники рабством грозят!
Помни, воин: ни шагу назад!
Чем позорного рабства печать,
Смерть не легче ли нам во сто крат?!
О, великое племя! Вы,
Наши юноши, наши львы,
Никогда еще о себе
Не слышали дурной молвы,
Не терпели еще обид,
Вас не жег униженья стыд!
Гордой матери молоком
Вскормлен родины сын – жигит!
О, свободной земли сыны.
Гляньте в дымную даль войны:
Там прекрасные города
Топчет вражеская орда!
Там казненные без вины
Дети раненые видны.
Пощадить дитя молит мать,
Стонут женщины, – плач кругом!..
Как придавленную врагом
Честь, достоинство сохранять?!
Жгучей жалости боль в груди
Разве можно стерпеть? – Иди!
Счастье мщения впереди!..
Кто не знает усталости, тот

По врагам побежденным пройдет!
Помни: трус не останется цел,
Себялюбец себя не спасет –
Будет прятаться, будет слабей
Дикой курицы в травах степей!
О, мой сын, только трусом не будь,
Этой чаши горчайшей не пей!
Разве может народу помочь
И спасется ли в грозную ночь
Жалкий заяц, пустой воробей?
Прочь, кто трусит и плачется, прочь!
О, послушайте старца призыв!
Если дышишь еще, если жив,
Если двигаться в силах рука,¹
Не подрублены ноги пока, –
Бей врага, милый сын, бей врага!
Чтобы выстоять, чтобы не сдать,
Можно, сын мой, каменным стать!
В сталь, в железо себя обратить,
Чтобы от родины смерть отвратить!
Сыновья! Нет дороги иной,
Наступайте волна за волной!
Чтобы враг захлебнулся волной,
Чтоб задохся и выдохся он,
О, боец, бей врага! Ты не сдашь!
Как стоит горнокаменный кряж.
Надо встать, сыновья, надо встать!
Нами созданный мир будет наш!
Если гнев твой остер, как меч,
О, зачем свою кровь беречь?
Бей врага, мой сын, бей врага! –
Это родины нашей речь!
Сын мой, тверже будь, чем гранит.
Будет вдребезги враг разбит!
Бей врага, мой сын, бей врага!..
Будет счастье и будет свет!
А для воина смерти нет!

НЕСОКРУШИМАЯ КРЕПОСТЬ

Про дела счастливой страны
Пел я в мирные времена,
Но, друзья мои, в дни войны
Песня гнева больше нужна.
Мне покоя гнев не дает!
Ночи целые напролет
Я тревожный мысленный взгляд
Устремляю на Сталинград.
Хочет враг занять берега
Нашей славной Волги-реки...
Руки короткие у врага!
Обломаем ему клыки.
Поскользнется его нога!
Сталинград... не каждый ли дом
Повествует здесь о простом
Славном воине-смельчаке,
Что с ружьем, зажатым в руке,
Защищает волжский простор
И свободу казахских гор?!
Ты не дрогнешь, воин-смельчак!
Вспомни в дни тягчайших невзгод,
Как когда-то русский народ
Защищал свой каждый очаг...
Твердо знают и стар и млад:
Враг наш скоро будет разбит.
Совесьь мира на Сталинград,
Затаив дыханье, глядит.
Защищай же волжскую ширь
Безупречный мой богатырь!..
От седой моей бороды –
Я не белый клык оторвал
Я родного сына послал
Сталинградцы, в ваши ряды!
Провожая его в поход,
«Алгадай! – сказал я ему, –

Бей как следует вражий сброд,
Докажи, что ты не урод.
Что в Джамбуловом вырос дому! –
Я сказал ему – Алгадай!
Будь подобен живому письму –
Мой привет бойцам передай!»
Сталинградцы! Песни мои
Алгадай мой вам пропоеет,
Пусть в бурленье волжской струи
И Джамбул свой голос вольтет.

,

ПРОВОДЫ

Благословенье отца над тобой,
Мой сын.
Садись на коня, подготовившись к бою,
Мой сын.
Полыхая седой бородою,
Вослед я тебе погляжу,
И песни, рожденные вместе с домброю,
Я в уши твои вложу.
Мой сын Алгадай, ты честным, почтительным был.
Ты слову отца не перечил и труд ты любил,
И черным поступком, позорящим имя семьи,
Ни разу седин моих не осквернил,
На фронт я тебя провожаю,
Мой сын.
Тебе я здоровья и силы желаю,
Мой сын.
Умножь нашу гордую славу.
Не сбивайся с прямого пути,
Окрылившую песню акына державу
От врагов защити!
Единству и братству народов пришел
испытания срок,
И доблести мужа пришел испытания срок...
Слова мои слушайте, воины-юноши все.
Поймите сердцами преподанный сыну урок.

НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ

1943-1944

Со мной молодежь дружна.
На Новый мне год она
Цветы приносила в дом,
Я песни слагал о ней,
О жизни, ставшей длинней
О празднике молодом,

Как ветви, что рвутся ввысь
И соками налились
Весною в лесу густом,
Так, солнечно-весела,
Меня молодежь влекла
На пиршестве круговом.

Нам свет войной затемнен,
И радости тех времен
Нам кажутся смутным сном...
Где дочери и сыны
Великой нашей страны.
Там думы их об одном:
С оружием врага встречать
И молодость защищать,
Сражаясь ночью и днем.

Отважная молодежь
Злодеев повергла в дрожь,
Разя их смертным огнем.
Оружье сжато в руках,
И тает снег на щеках.
Покрытых первым пушком.

Жигиту-богатырю
Я с гордостью вслед смотрю –
Он сказочным стал щитом.
Победы в Новом году
От вас я, родные, жду.
Своим вам служа трудом.

ОТВЕТ СЫНУ

Как последним письмом, сынок,
Ты порадовал сердце мое!
Ты с гвардейцами наравне,
Ты в отлучке не одинок.
Будь подобен предкам своим,
Саурыку и Суранши,
Во вторую из грозных зим
Без пощады немца глуши!

Боевые твои друзья
Написали вместе с тобой;
В каждом слове их слышу я
Свист меча над вражьей толпой.
Это – братья твои, сынок!
Это – дети нашей страны!
От волнующих теплых строк
Веет мужеством старины.
Вы мне пишете: «Злобный враг
Скоро канет в подземный мрак,
Дни разбойников сочтены!»

Помни, сын мой, слово отца
О приказе родной земли!
Был приказ: стоять до конца!
Стой и немца свинцом сверли!
Верен будь присяге своей,
В битве, сын мой, сил не жалея.
Вижу я из твоих простых
И по-воински скромных строк,
Что немало дел золотых
Совершил ты в короткий срок.
Ваши части гонят врага,
Остановлен вражий набег,
Очищаются берега
Замутившихся русских рек.
«Мертвой нечистью» путь устлав,

Перед родиной воин прав». –
Так ты пишешь, и вот ответ:
Мертвой нечистью путь покрыт,
Но не сыт я, мой сын, не сыт,
Я не сыт, и покоя нет...
Пусть отец твой годами стар –
Жажда мести мне сердце жжет.
За ударом нужен удар,
Новой славы отчизна ждет,
Не окончен победам счет,
Полной мести близок разгар,
Грозных молний виден полет!
Помни, сын, что истый жигит
Не боится своих врагов. ’
Если будешь и ты таков –
Станешь славен и знаменит.
Только помни: сил не жалея,
Не щади себя, Алгадай,
С оскверненных наших полей
По-гвардейски нечисть сметай!
Будь бесстрашен, мой Алгадай,
Немцам отдыха не давай!
Если струсишь, – не пощажу,
Если выстоишь, – награжу
Тем, что внукам в песнях моих
О твоих друзьях боевых,
О делах твоих расскажу.

КЛЯТВА ПОД ЗНАМЕНЕМ

Казах – скотовод! Мы вместе росли,
Мне с детства знаком твой

мудрый нрав.

Мне песни о славе родной земли
Нашептывал ты под шорох трав.
Идти, отвлекая порчу и вред
От блеющих и от мычащих стад,
Все время за ними идти вослед –
Вот жизни твоей вековой уклад.
Грозили им бури и холода,
И волки, и воры, и тьма невзгод,
Но, сил не щадя, ты холил стада
И ночью, и днем, казах-скотовод!
Прикрывшись полрой, щекой к рукаву,
Промокнув от темени и до ног
Под ливнем, ты все же держал бечеву,
В полглаза дремля, добро ты стерег.

Я видел, колхозник, твои стада,
Но счастье их мне было невоготу...
Колышется степь, как в море вода,
И в этой степи раздолье скоту.
Здесь выпасы всех четырех родов.
Средь шерсти, рогов, горбов и грив
Я гикать, как в молодости, готов,
И грудь мне вздымает мощи прилив!
Меж всадников статных, домброй звеня.
Сквозь эти богатства, сквозь их нагул
Направил шаги гнедого коня
Качаемый иноходью, Джамбул
Вдоль гор продвигаются табуны,
И лоснится волос, как мех бобра;
Пылят годовалые шалуны,
Вовсю жеребьячьа идет игра.
У каждой буренки, гордой на вид,

Запас молока и свеж, и тяжел;
Вот вымя ее сосун теревит,
И радуется взоры знатный отел.
На пастбищах звуки щедрой весны,
О песнях горбатеньких верблюжат
Ягнята младенческой белизны
По-своему высказаться спешат...
Табунщик, телятница, овцепас!
Кто лучше чем вы их речи поймет?
В труде напряженном я видел вас,
И в старческой песне ваш труд живет.

Когда ненасытный и лютый враг
Вломился на наш священный простор.
Казах-скотовод все силы напруг.
Он жаждой отмщенья зажег свой взор!
Табунщик на фронт коня снарядил,
Ему расчесав и гриву, и хвост.
Он в мирное время табун растил,
Но знал, что и в бурях будет прирост.
Я вижу, телятница, что и ты
Для кухонь походных растишь приплод,
А если в бою пересохла рты, –
Вот сливки для них, густые, как мед!
Проживши без малого сотню лет,
Я хрупок, но силы все же припас.
Друзья-скотоводы, пусть мой совет
Приказом и клятвой звучит для вас!

Давайте же силы соединим,
Чтоб доблестный воин досыта ел!
Пусть вашим трудом он будет храним!
Пусть немцев гуртом берет на прицел!
Давайте на части рубить змею,
Что в наше отечество заползла!
Вернемте всех тех в родную семью,
Чьим мукам нет меры и нет числа!..

Будь верен присяге! Где стал, там стой!
Всегда мы такие из рода в род.
Тебя поздравляет акын седой,
Он знает твой нрав, простой скотовод!

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК НАШ НЕДАЛЕК

В лютых вьюгах зимних ночей
Броненосный ринулся вал;
Крепче льда и тучи мрачней
Вражью цепь он властно порвал,
Это в грозной славе своей
Сила наших богатырей –
Красной Армии день настал!
Мир к ней взоры свои приковал!

Всенародный внукам привет
В песне шлет ликующий дед.
Снова молод я и силен, ,
Вами, внуки, я вдохновлен.
Сердца жар ничуть не остыл,
Свет очей моих не погас.
Наш на жертвы готовый тыл
Этой песней приветствует вас!
Ваш удар неслышанным был –
Он врага жестоко потряс,
Путь на запад он нам открыл.
Нам известно, как бить врагов,
Бить и вдоль их и поперек!..
Светлый праздник наш недалек!

МЫСЛИ ОБ АЛГАДАЕ

1

Ты с поездки на фронт возвратился, Гали,
Обласкать тебя дай...
Посетил ли ты холмик печальной земли,
Где лежит Алгадай?

Ты сказал ли устами ему старика:
«Спи спокойно, мой сын»,
Чтоб земля ему стала легка и мягка
В темной глуби теснин.

Словно прессом зажатое, сердце болит,
Тупо ноет спина...
Ненаглядный мой сокол врагами убит.
Весть, как бездна, темна.

2

Если я обойду Ала-Тау в тоске,
Алгадая найду ль?
Если травы обшарю в Сары-Арке,
Соколенка вспугну ль?

Дряхлость старости ядом щекочет глаза –
Столько лет за спиной!
И непрошенной гостьей туманит слеза
Свет дневной.

Я лишь видимость, прежней веселости нет,
Мочи нет, чтоб ходить.
Я на внука гляжу – сиротинкой мой свет
Без отца будет жить.

Но твержу я ребенку, печальной вдове:
Песни любит домбра,
Если светлые думы в твоей голове –
Ты создатель добра

Человека с железными нервами нет,
Человека бессмертного нет...
«Твоя смерть неуместна», – не скажет поэт.
Ты – преддверие побед!

Срок приходит – редет грива коня.
Разве юности мне не жаль!
Но Джамбул дошагал до предельного дня,
За пределом – печаль.

Сердце слабое бьется, а горе твердит,
Льются слезы из глаз.
Только чувствую – где-то глубоко в груди
Жизни свет не погас!

ЛАСКА ДЕДА

Ушел Алгадай от нас,
Не осушить мне глаз.
В тебе, мой внук Куаныш,
Для деда утеха нашлась.

«Дедусь мой», – шепчет внучок.
Я с лаской трону плечо,
Заплаты на сердце кладу,
Целую тебя горячо.

Ты тише сиди, малыш,
Ты песенку деда услышь.
Порадуешь старика –
Спокойней ему, Куаныш.

ОБРАЩЕНИЕ К АКЫНАМ

К вам, пришедшим издалека,
Пусть примчится моя строка,
Вас прислал Ала-Тау к нам,
Вас прислала Сары-Арка.
Сыр-Дарья, Иртыш и Или
Повстречаться сюда пришли,
Много песен у вас с собой –
Украшенье моей земли.
У акына, как мед, уста,
Песня ласкова и проста,
Пусть узнает ее народ,
Пусть ей внемлет Алма-Ата.
Я, услыша призывный гул,
К вам домбру свою повернул,
В славный день торжества для вас
Эту песню сложил Джамбул.
И, на песенный бой спеша,
Стала юной моя душа.
Горячей заструилась кровь,
Вдохновенным огнем дыша.
Пусть выходят на честный спор
Наши песни степей и гор.
Пусть, как птицы, летят они
На родимой страны простор.
И, как принято с давних пор,
Пусть обсудит народный сбор
Ваших мыслей бесценный клад,
Ваших слов золотой узор.
Если конь быстроногий мчит, –
Путь широкий за ним лежит,
Если кляча бредет в степи, –
Степь следов ее не хранит.
Разве может заснуть река.
Разве могут не цвести луга,
Разве может казах-батыр

Не разить на войне врага?
Разве может не петь акын
С юных лет до моих седин,
И не слышать его народ,
Если это народа сын?
Сердце песней у вас полно,
Как тугая струна оно.
Наш старинный степной напев
Над странкою летит давно.
На пути, что прошел наш край,
Пел нам песнь свою Суюмбай
И хранил Канадан в груди
Миллионы крылатых стай.
На дорогах земли родной
Лился голос певца живой:
Кеншимбай нас пленил стихом,
Прозвенел Орымбай струной.
Этих слов дорогой коралл
Нас к далекому счастью звал,
И проложенный ими путь
Караванной дорогой стал.
Куандык, Сарбас, Майкот,
Ваши песни сегодня тут,
Кулмамбет, Кулуншак и Кул
С нами вместе сейчас поют.
Кемпирбай и Шоже хранят
Драгоценный напевов клад.
Вы – их племя и вам начать
Торжествующей песни лад.
Есть земля и на ней живет
Славных воинов гордый род.
По зеленым ее полям
Бродит тучный и сытый скот.
Есть страна, где велик простор
Океанов, полей и гор.
И прозрачных, как лунный свет,
И безбрежных, как даль озер.

Там лесов недоступных тень,
Там зеленых джайляу сень.
Там в широкой степи, акын.
Ты встречаешь и ночь, и день.
Есть земля, что в себе хранит
Медь, железо, свинец, гранит,
И об этой земле твоя
Молодая домбра звенит.
Есть страна, что из года в год
Побеждает, гремит, растет,
И такие в ней люди есть,
Что ведут за собой народ.
Что, услыша военный зов,
Покидают очаг и кров.
И ищут молодые львы,
Побеждая своих врагов,
От казахской степи большой
Наши дети помчались в бой,
Как отважный батыр Малик,
Этой гордой земли герой.
Вы разъедетесь. В добрый час,
Пусть встречают колхозы вас,
Пусть опять прозвучит для них
Вашей песни живой рассказ...
Орымбай, твой напев высок,
Начинай же с веселых строк,
Шашубай за тобой, вдвоем
Вы, как горной реки исток.
Кенен, Нурлыбек, Нартай,
Маясар, Куат, Жаксыбай,
Пусть, как молния, ваш напев
Озарит наш веселый край.
Пусть тут песню поют поля.
Пусть насытится ею земля,
Пусть подхватит ее народ,
Жажду вечную утоля.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Кто мой костер потушил?
Кто мои уши закрыл?
Слабый румянец горит,
В постели лежу без сил.
Я не владею собой,
Слаб я, пора на покой.
Выслушайте отца:
Будьте со мной до конца,
Живу я – будьте со мной
Опорой моей родной.

КОММЕНТАРИИ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Стихи и песни

«ЖАЛОБА» («ШАФЫМ»). Песня записана со слов самого Джамбула в 1941 году его литературным секретарем Г. Ормановым. Впервые она опубликована на казахском языке в полном собрании сочинений Джамбула, изданном в 1946 году и с тех пор публикуется во всех сборниках произведений акына.

На русский язык песня переведена П. Кузнецовым и печаталась несколько раз. Публикуется по изданию: Джамбул Джабаев. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

История возникновения песни такова: когда Джамбулу исполнилось 8 лет, отец Жапа отдает его на обучение аульному мулле. Время было летнее, и аул находился на летовке «Жая» в горах Каскелен. Мулла заставлял мальчиков учиться с помощью порки. Джамбул не стерпел частых побоев и через месяц сбежал к себе домой. Отец хотел снова отвезти его к мулле, и тогда мальчик взмолился отцу и спел экспромтом эту песню. Сам акын впоследствии все время подчеркивал: «Вот так я избавился от побоев муллы». Кстати, это – самая ранняя по времени сложения песня, дошедшая до нас.

«ОТЦУ» («ӘКЕМЕ»). Песня записана со слов Джамбула Г. Ормановым. Дата записи неизвестна. Впервые опубликована в 1946 году и включена во все последующие издания сочинений акына.

На русский язык переведена К. Алтайским и в переводе впервые напечатана в 1958 году в «Избранных произведениях», откуда и взят текст для настоящего издания.

Песня сложена по следующему поводу. С 15-ти лет Джамбул всецело посвящает себя поэзии и начинает разъезжать по аулам вместе со своими коллегами и наставниками, из которых чаще всего брал его с собой знаменитый акын Суюнбай Аронов.

Как-то Джамбул в течение месяца не заезжал в отцовский дом. Возмущенный этим отец выразил сыну свое недовольство, на что Джамбул ответил песней.

«САРЫБАЮ» («САРЫБАЙҒА»). Песню со слов самого акына записал Г. Орманов, а на русский язык перевел П. Кузнецов.

Дата записи не установлена. Впервые напечатана в 1946 году и включена во все последующие сборники произведений Джамбула.

Песня, как вспоминал Джамбул, сочинена примерно в 1865 году, и она по объему была намного больше, но Джамбул не смог воспроизвести ее полностью. Она сложена при таких обстоятельствах. Сарыбай Айдосов, влиятельный и авторитетный старшина рода Екей, слышит о талантливом юноше Джамбуле и приглашает его к себе в аул. Послушав песню юноши, Сарыбай остается довольным и благословляет его.

Сареке – почтительно-вежливая форма обращения к Сарыбаю. Сарыбай Айдосов родился в 1821 году и умер в 1890 году. Он сыграл активную роль в сплочении рода Екей и организации борьбы казахов Семиречья против кокандцев.

«АКЫНУ ЖАНЫСУ» («ЖАНЫС АҚЫНҒА»). Песня записана со слов Джамбула его литературным секретарем Г. Ормановым. Дата записи неизвестна. Она переведена на русский язык П. Кузнецовым. Впервые была напечатана в 1946 году и с тех пор публикуется в сборниках акына. Песня спета Джамбулом в 1866 году. Акын Жаныс, победивший ранее акына Шикая из рода Шыбыл, изъявляет желание вступить в поэтический спор с Джамбулом. Прослышав об этом, Джамбул набрасывается на него таким песенным потоком, что тот не посмел даже ответить.

«ТАБУНЩИК» («ЖЫЛҚЫШЫ»). Песню со слов самого акына записал Г. Орманов, перевел ее А. Брагин. Когда произведена запись – не зафиксировано. Она впервые была опубликована в сборнике 1946 года.

Зимой 1870 года в песках Сарытаукум и Сарыкемер Джамбул вместе со своими сородичами пас табуны. Однажды один из его сородичей, тоже табунщик, обращается к Джамбулу с просьбой сложить от имени табунщика песню его невесте, которая передала свою обиду на табунщика, что тот уже более месяца не едет к ней.

«ДЕВУШКА КЕМШАТ» («КӘМШАТ ҚЫЗ»). Песня со слов самого акына записана Г. Ормановым и переведена П. Кузнецовым. Дата записи не установлена. Впервые напечатана в 1946 году и включена во все последующие издания сочинений Джамбула.

Поводом для песни послужила встреча с красивой девушкой по имени Кемшат, дочерью известного в роде Кунту богача Керима, аул которого находился в низовьях реки Чу. Было это в 1876 году. Кемшат тоже слыла акыном и была избалована славой и повышенным вниманием к себе со стороны сородичей и женихов. Она горделиво отнеслась к Джамбулу, и он сочинил песню, в которой ей в лицо высказал свое отношение к ней.

«ВЕЧНОЕ СОЗДАНИЕ КРАСОТЫ» («СЫРТЫ БІР СҰЛУ ЖАН ЕКЕН»). Песню со слов Джамбула записал Г. Орманов и перевел П. Кузнецов. Когда она записана, неизвестно. Она также посвящена девушке Кемшат, является как бы продолжением предыдущей.

Кас-Карымбай – букв.: «настоящий Карымбай». Карымбай – герой коранического сказания Карун, известного как самого скупого человека и за это наказанного Аллахом. В фольклоре казахов – это образ жадного человека.

«ПОГОНЯ» («ҚУҒЫН»). Песня записана Г. Ормановым от самого Джамбула. Дата записи неизвестна. В первый раз свет увидела в 1946 году. С тех пор публикуется во всех сборниках произведений акына. На русский язык песня переведена А. Брагиным.

Песня сложена осенью 1878 года. Во время жатвы на Майтубе из табуна, принадлежащего аулу Джамбула, исчезают две лошади. На поиски их едет Джамбул. В поисках он приезжает в соседние кыргызские аилы, и там, в одном из аилов обнаруживает пропавших лошадей, он экспромтом поет эту песню. Киргизы, устыдившись, возвращают угнанных коней.

Байеке – у киргизов форма почтительного обращения к почтенному, уважаемому человеку; образовано от слова «бай» – богач; старший.

Кыдыр (Хизр, Қызыр) – домусульманский покровитель тех, кто попадает в беду; исламизированный впоследствии образ покровителя, приносящего людям счастье и изобилие и защищающего обездоленных.

«ШАБДЕНУ» («ШӘБДЕНГЕ»). Песню записал Г. Орманов, а когда, неизвестно. Перевел П. Кузнецов. Впервые была опубликована в 1946 году.

Она сложена в 1879 году летом. Зима 1879 года выдалась суровой, и от бескормицы во время джута пал весь скот аула

Джамбула. Такое же положение было и в других аулах родов Шапырашты. Полагаясь на древний обычай казахов и киргизов помогать попавшим в беду, Джамбул летом поехал к богатому киргизскому манапу Шабдену Жантаеву. Акын несколько дней гостил и пел в ауле Шабдена. Его приезд превращается в праздник, в аул съезжаются другие киргизские певцы. Получивший от песен Джамбула и других акынов удовольствие, Шабден богато одаривает их. Джамбулу же он выделяет 18 лошадей как подарок и сауын – безвозмездная помощь пострадавшим от джута. Тогда и была посвящена песня Шабдену персонально.

Джут – гололедица, образуемая после того, как вслед за обильным снегом идет дождь и резко наступает мороз. Во время такой гололедицы скот не может добывать траву из-под снега и погибает.

Манапы – старейшины киргизских родов; родоплеменная знать.

* «ДОЛЯ БЕДНЯКА» («КЕДЕЙ КҮЙІ»). Песня записана Г. Ормановым. Время записи неизвестно. Переведена П. Кузнецовым. Впервые напечатана в 1946 году в «Полном собрании сочинений» Джамбула.

Песня сочинена 1879 году и посвящена сородичу акына Калкабаю, который во время зимнего джута потерял весь свой скот и стал бедняком.

«СЫРТТАНУ» («СЫРТТАНҒА»). Песню записал Г. Орманов, перевел К. Алтайский. Дата записи не зафиксирована. Впервые опубликована в 1946 году.

История возникновения песни такова. В возрасте 34-35 лет Джамбул приезжает в г. Верный (Алматы) и проводит несколько дней в гостях среди представителей племени Найман (Средний жуз), гостивших у казахов Старшего жуза. Среди них находились известные старейшины, баи Маман, Есимбек и батыр Сырттан. Последний был беден и стремясь избавиться от бедности, отдает сыновей Барлыбека и Турлыбека учиться в городскую школу. Понимая цель батыра и желая подбодрить его, Джамбул посвящает Сырттану песню, в которой поддерживает его поступок.

«МАМБЕТУ» («МӘМБЕТКЕ»). Песня записана Г. Ормановым и переведена Д. Снегиным. Когда она записана

неизвестно. Впервые издана в 1946 году. В 1880 году Джамбул посещает аулы родов Ботпая, расположенные в округе Мерке. Перед отъездом домой он шесть дней гостит в доме богача Мамбета и поет песни. Удовлетворенный искусством акына богач дарит ему верблюда и еще восемь голов скота.

На следующий год, осенью, на перевале Кастек, что у подножия горы Суыктобе, было проведено собрание старейшин родов Шапырашты и Дулата, на которое прибывает и богач Мамбет. Он, желая испытать Джамбула, заезжает в юрту к нему. Видя убогость юрты и быта акына, богач Мамбет под придуманным предлогом быстро уезжает, отказавшись от почевки. Желая уязвить Джамбула, богач Мамбет сказал сородичам акына:

– Джамбула лучше видеть на разъездах, а не дома!

Услышав это, Джамбул назавтра же едет к месту собрания и, найдя там Мамбета, перед собравшимся людом поет эту песню.

«ПРИ ИЗБРАНИИ САТА» («СӘТ САЙЛАНАРДА»). Песня записана Г. Ормановым. Дата записи неизвестна. Переведена П. Кузнецовым. Первая публикация – 1946 год.

Песня спета в 1890 году на собрании людей Каргалы и Каскелена. Поводом для нее явилось недовольство жителей Узун Каргалинской волости, которые противились повторному избранию волостного управителя Сата Ниязбекова.

«ТЛЕМИСУ» («ТЛЕМИСКЕ»). Песню записал Г. Орманов, но дату записи не указал. Впервые она напечатана в сборнике 1946 года. На русский язык переведена А. Брагиным.

Песня посвящена акыну Тлемису по такому случаю. Летом 1896 года Джамбул едет в Кыргызстан. В пути, на летовке Султур, он останавливается в ауле батыра Ногайбая из рода Каскарау. Как-то утром батыр Кебекбай видит прыгающего на камне воробья и, обращаясь к акыну Тлемису, говорит:

– Почему эта бедняжка беспокойна?

– Она думает, подобно и Ногайбаю, над тем, как бы потяжелее унести, а что полегче – оставить! – отвечает, полушутя, Тлемис.

– Типун тебе на язык, Тлемис! (Букв.: «Пусть твой язык отрежется!») – говорит ему Ногайбай и отворачивается от него.

Довольный находчивостью Тлемиса Джамбул спел эту песню.

«АБЫШКА» («АБЫШКА»). Песня записана Г. Ормановым. Дата записи не установлена. Впервые она увидела свет в 1946

году. Русский перевод принадлежит А. Брагину. Осенью 1896 года Джамбул разъезжал по Кыргызстану. Об этом путешествии он позже вспоминал: «В поисках аула Мамбетали заехал в один киргизский аул. Шел дождь, и на улице никого не видно. Я крикнул: «Есть ли кто-нибудь?» Из юрты вышла какая-то девушка, посмотрела на меня и, сказав: – «Ой, это же старик!» – убежала обратно. Я быстро слез с коня, живо привязал его к стойке и торопливо вошел вслед за ней в юрту. Домашние встретили меня с холодком, но, услышав мое имя, немножко смягчились».

К вечеру, услышав о моем приезде, пришел Мамбетали, и мы долго там сидели, много пели и веселились.

А девушка, которая назвала меня «стариком», была, оказывается, засватана за 55-летнего мужчину, который в этот день был у них по обычаю «урын келу» («посещение невесты тайком»).

Я был задет, что девушка назвала меня «стариком», и в отместку ей спел эту песню».

Абышка – по-киргизски «старик».

«ПРО МАНКЕ» («МӨҢКЕ ТУРАЛЫ»). Песня записана Г. Ормановым и переведена на русский язык П. Кузнецовым. Время записи не указано. В первый раз напечатана в 1946 году.

Она сложена в 1900 году по следующему случаю. У реки Чемолган состоялся большой пир, и на этом тое у Джамбула украли коня. Он подозревает в краже человека по имени Каржау из рода Байтлес. С жалобой на него Джамбул обращается к волостному управителю рода Жангойлык Манке Смаилу. Но волостной управитель поддержал байтлесовцев, давших ему большие взятки. Возмущенный этим, Джамбул при народе импровизировал эту песню.

«ЗАВЕЩАНИЕ» («ӨСИЕТ»). Песню записал Г. Орманов, но дату записи не указал. Впервые издана она в 1946 году. Перевод на русский язык осуществил П. Кузнецов.

В 1901 году в горах Бутымуюз и Бесмойнак были устроены поминки по Самбету, знатному во всем Шапырашты человеку. На поминки съехались казахи из Верного, Аулие-Ата и Кыргызстана. Джамбул воспел на этом все заслуги Самбета перед сородичами и людьми других родов.

«Помню только эти строки», – говорил Джамбул литературному секретарю Г. Орманову, когда последний записывал текст песни.

«ШАЛТАБАЮ» («ШАЛТАБАЙҒА»). Запись песни произведена Г. Ормановым, но дата не указана. Впервые опубликована в 1946 году. Переведена на русский язык П. Кузнецовым.

Песня исполнена экспромтом в 1905 году, когда волостной управитель Шалтабай Кудайбергенов, став волостным, проигнорировал Джамбула. Акын обличил его двуличность и лицемерие.

Жамагат – народ, общество. Форма обращения к собравшимся людям.

«К КАЛИ» («ҚАЛИҒА»). Песня записана Г. Ормановым и переведена П. Кузнецовым. Дата записи неизвестна. Впервые напечатана в сборнике 1946 года. Поводом для песни послужила следующая ситуация.

Летом 1908 года Джамбул приезжает в аулы рода Сары-Уйсун, расположенные в песках Сарытаукум, гостит в ауле Алимкула-датки. На обратном пути он останавливается в ауле Кали Ордабаева, богатого человека, получившего гимназическое образование, но спесивого. Два дня проводит Джамбул у него. Убедившись в его надменном отношении к себе, Джамбул спел ему эту песню.

Байдабек – согласно генеалогическим преданиям предок родов Старшего жуза: Албана, Дулата, Шапырашты и др.

Сары байбише – старшая жена Байдабека.

«КОКИМУ» («КӨКІМҒЕ»). Песня записана Г. Ормановым. Дата записи неизвестна. Впервые опубликована в 1946 году. Переведена на русский язык А. Брагиным.

Она сложена в 1911 году. Коким Майкеулы, человек практичный и шустрый, острый на язык, в том году назначается старшиной рода Екей. До Джамбула доходят разговоры о том, что Коким при решении дел берет взятки... Возмущившись, акын спел старшине эту песню. Коким скончался в 1933 году.

«СОБАКА БАЯКАДЫРБАЯ» («КӘДІРБАЙДЫҢ ТӨБЕТІ»). Текст песни записал Г. Орманов. Когда записан, не установлено. Перевод принадлежит П. Кузнецову. Впервые напечатана в 1955 году в трехтомном «Собрании сочинений» Джамбула (Жамбыл Жабаев. Үш томдық шығармалар жинағы. Алматы, 1955, 1-т., 38-б.).

Время создания песни неизвестно. Судя по содержанию, видимо, она сложена перед самим баем Кадырбаем, который,

как это часто бывало в жизни состоятельных людей, собрал акынов и заказал им хвалебную песню о себе, о своих женах, детях и т.п. Джембул же вместо похвалы спел обличительную песню, где собаку ставит выше хозяина.

Шырағым – мой свет; от слова «шырақ» – свеча;

Хабарчи – вестник, глашатай, провозвестник.

Айран – простокваша.

Жыршы – сказитель, исполняющий эпические спевы.

Кесе – пиала.

Жыр – стих, песня; эпос.

Кюй – инструментальная музыка на разные темы.

Байпаки – валяные чулки.

Қоян – заяц.

«НА ВЫСТАВКЕ» («ӨСТЕПКЕДЕ»). Песня записана Г. Ормановым. Дата записи неизвестна. Впервые напечатана в 1946 году. На русский язык переведена дважды: П. Кузнецовым и А. Брагиным. В книгу включен перевод А. Брагина.

История возникновения песни такова. В 1913 году в честь 300-летия династии Романовых в г. Верном, как и всюду в Казахстане и России, была устроена большая выставка, на которую съехались, кроме приглашенных со всего Семиречья и Кыргызстана знатных людей и старейшин, многие акыны, певцы и кюйши-музыканты. Как всегда, на ней имели место различные увеселительные мероприятия, на которых демонстрировались народные игры и обычаи: айтыс акынов, борьба палуанов, состязание в музыке, скачки на конях и т.д., и т.п. Устроители выставки требовали, чтобы акыны пели песни, прославляющие дом Романовых, российских чиновников, служащих в Казахстане. Часть акынов выполнила это требование, а другая часть отказалась. Главой второй группы был самый старший по возрасту и самый популярный акын Джембул Джабаев, который вместо дифирамба спел обличительно-критическую песню.

«ЧЕРНЫЙ УКАЗ» («ПАТША ӘМІРІ ТАРЫЛДЫ»). Песня записана Г. Ормановым и переведена А. Жовтисом. Дата записи неизвестна. Она впервые напечатана в 1946 году.

Она сочинена по поводу восстания казахов племени Шапырашты в 1916 году против Указа царя Николая II о мобилизации казахов на тыловые работы. Джембул был в гуще этих событий и своей песней вдохновлял повстанцев.

Карабастау, Кулансаз – названия жайлау – летних пастбищ родов племени Шапырашты.

«ПЕСНЯ ГНЕВНОГО СЕРДЦА» («ЗІЛДІ БҰЙРЫҚ»). Кем и когда записан текст песни, неизвестно. Перевод принадлежит А. Жовтису. Впервые опубликована в одномтомном собрании сочинений Джамбула, изданном в 1940 году.

Джамбул сочинил ее в тот период, когда в июне 1916 года рабочие суконной фабрики в селе Каргалы и жители на жайлау Ушконыр восстали против призыва казахов на прифронтовые работы. В ней показывается весь ход восстания и жестокое его подавление карательным отрядом.

Бекболат и Байбосын – руководители восстания.

Ботпай, Каликул, Саттар – участники восстания.

Айтысы

«АЙТЫС САЙКУМЫС» («ЖАМБЫЛДЫҢ АЙКҮМІСПЕН АЙТЫСЫ»). Текст айтыса записан Г. Ормановым. Время записи не установлено. Впервые айтыс опубликован в сборнике 1946 года. Перевод осуществлен П. Кузнецовым.

Когда состоялся айтыс, неизвестно. Судя по содержанию, он состоялся после того, как Джамбул был насильно разлучен со своей возлюбленной девушкой Бурым, которую, по взаимной любви, он увозит в аул Сарыбая Айдосова, старейшины своего рода. Это было в 1872-1873 годах. По настоянию Сарыбая Джамбул возвращает Бурым в род ее умершего жениха.

В айтысе намекается также на незавидную судьбу девушки Айкумыс, которая оказалась просватанной за нелюбимого человека.

«ВСТРЕЧА С АКЫНОМ БАКТЫБАЕМ» («ЖАМБЫЛДЫҢ БАКТЫБАЙ АҚЫНМЕН ТАНЫСУЫ»). Текст айтыса записал Г. Орманов, но дату записи не указал. Впервые айтыс напечатан в сборнике 1946 года. Как показывает содержание, айтыс носил легкий характер, акыны не вдавались в большой спор.

Это событие произошло примерно в 1873 году, когда Джамбул разъезжал по аулам рода Жалаир. В одном из них в доме Кожакана он встречается с известным на все Семиречье акыном Бактыбаем Жолбарысулы (1835-1916).

Шопан, Шопан-ата – мифический предок-покровитель овец, святой.

Арыстан, Майке, Майкот, Кулмамбет, Кулуншак, Майлы-Кожа – знаменитые акыны, с которыми встречался Джамбул в разные годы.

«ДОЧЕРИ БОЛЕКА» («БӨЛЕКТИҢ ҚЫЗЫНЫҢ ЖАМБЫЛМЕН ҚАҒЫСУЫ»). Текст айтыса записан Г. Ормановым. Дата записи неизвестна. Впервые увидел свет в сборнике 1946 года. Русский перевод принадлежит П. Кузнецову.

В середине 1870 года Джамбул оказывается в горах Алтын-емел, где живут люди рода Жалаир. Побыв там долгое время, он возвращается домой. В пути он встречает кочевку богача Болека из рода Балгалы, видит богато одетую дочь Болека, подъезжает к ней и вступает с ней в айтыс-шутку. Девушка отвечает ему песней. Но айтыс прерывает мать девушки.

Кош – кочевка.

«ИЗ АЙТЫСА С АКЫНОМ САРЫ» («ЖАМБЫЛДЫҢ САРЫ АҚЫНМЕН ҚАҒЫСУЫ»). Текст айтыса зафиксирован Г. Ормановым. Время записи не указано. Впервые увидел свет в сборнике 1946 года. Перевод на русский язык осуществлен А. Жовтисом.

Встреча Джамбула с акыном Сары из рода Сары-Уйсун происходит летом 1875 года на жайлау Улкенсаз, в доме Сарыбая Айдосова. Джамбул по этому поводу рассказал своему литературному секретарю Г. Орманову следующее: «Когда наши аулы были на жайлау Улкенсаз, однажды в дом Сарыбая приехала группа людей. Среди них находился акын Сары, который специально прибыл, чтоб повидаться с Сарыбаем. После того, как гости поздоровались и расположились в юрте, акын Сары начал нападать словами на Сарыбая. Последний же, соблюдая приличие хозяина, молчал. Я не мог стерпеть такой выходки со стороны Сары и решительно запел песню, вызывая его на айтыс».

Сар-еке, Суй-еке – почтительно-вежливая форма собственных имен «Сарыбай» и «Суюнбай».

«АЙТЫС ДЖАМБУЛА С КУЛМАМБЕТОМ» («ҚҰЛМАМБЕТ ПЕН ЖАМБЫЛДЫҢ АЙТЫСЫ»). Текст айтыса записан известным акыном Садилом Керимбековым, который сдал его в рукописный фонд Института языка и литературы Академии наук республики. Однако от кого и когда записан текст, неизвестно. Впервые отрывок этого айтыса был напечатан в сб. «Қазақтың ескі әдебиет нұсқалары», составленном и

изданном С. Сейфуллиным в 1931 году. Полный текст айтыса публиковался в 1940 году в однотомном сборнике «Жамбыл шығармалары». Он включен во все последующие издания произведений великого акына. На русский язык айтыс переведен М. Тарловским.

История айтыса такова. Когда в 1940 году у Джамбула спросили про этот айтыс, он, оказывается, сказал: «Мне было 35 лет, когда я вступил в айтыс с Кулмамбетом». Следовательно, айтыс состоялся в 1881 году. На берегу реки Или была организована большая ярмарка, на которую, как обычно, приехали многие акыны, жыршы, сал-сері, шутники-комедианты, силачи. Среди них были прославленный акын Кулмамбет и довольно уже ставший популярный Джамбул. Один из устроителей ярмарки, знатный бай из племени Албан Старшего жуза Кудайберген, организовал у себя айтыс акынов, на котором Кулмамбет победил девять акынов и в состоянии эйфории потребовал пригласить Джамбула для состязания с ним. Кудайберген посылает гонца, и Джамбул прибывает. В то время Кулмамбету было за пятьдесят, и он, пользуясь правом старшего и окрыленный победой всех своих соперников, сходу набрасывается на Джамбула. Джамбул постепенно набирает силу своими острыми и весьма значимыми для общества словами, приводит его в чувство, а затем побеждает его.

О времени и месте проведения айтыса имеются разные мнения. Так, известный джамбуловед С. Садырбаев считает, что айтыс состоялся в 1897 году на летних стоянках албанцев. При этом он ссылается на слова Кулмамбета, который, нападая на Джамбула, называет его «петушком, кричащим время от времени», и говорит, что «кроме Суюнбая, никто ничего не стоит, а Суюнбай твой лежит больной». Напоминая о том, что Суюнбай от этой болезни скончался в 1897 году, С. Садырбаев утверждает, что айтыс мог состояться в этом году.

Однако, С. Садырбаев не учитывает того, что Суюнбай, наверное, болел в своей жизни не один раз. Вполне возможно, что он мог заболеть и в 1881 году, а затем выздороветь. К тому же, в 1940 году сам Джамбул прослушал весь текст айтыса, внес уточнения и сказал, что ему тогда было 35 лет. Это более логично, если учесть, что состязаться с Кулмамбетом – большая честь для молодого, 35-летнего акына. А в 1897 году Джамбулу было 51 год, и в таком возрасте вступать в айтыс с 72-летним Кулмамбетом не очень-то почетно. Считается, что Кулмамбет

родился в 1825/1826 году и умер в 1902/1903 году. Он происходит из рода Куланаян племени Албан. Правда, есть также и другие сведения, о чем С. Садырбаев пишет: «Бытуют рассказы о том, что предки Кулмамбета – выходцы из племени Аргын, переехавшие в старину из Сарыарки на Алатау и обосновавшиеся среди племени Албан». (См.: Жамбыл Жабаев. Екі томдық шығармалар жинағы. А., 1892. I-т., 320-6.).

Карасай – батыр, прославившийся в XVIII в. в боях с джунгарами. Он происходит из племени Шапырашты. Его имя впоследствии стало боевым кличем (уран) всего племени Шапырашты.

Токсеит, Ниязбек, Шойбек, Сат, Манке, Ногайбай – известные во всем Семиречье люди. Они были старшинами родов и управителями волости, биями и батырами, некоторые из них (Шойбек) совершали хадж и слыли в народе как благочестивые, знающие язык животных, личности.

Али – зять пророка Мухамеда, его сподвижник, командующий войсками пророка. Один из четырех первых мусульманских халифов, герой многих дастанов и религиозных сказаний, символ храбрости и преданности исламу.

Сеитбаттал – воин начальной поры ислама, сражавшийся на границах. Как талантливый военачальник стал образом идеального богатыря в мусульманских книгах, дастанах и сказаниях.

Кобыз – народный музыкальный смычковый инструмент, род скрипки. На нем играли преимущественно баксы (шаманы) и жырау древности.

Саурык, Суранши – батыры, участвовавшие в освободительной войне против кокандцев. Происходили из племени Шапырашты.

Утеген – батыр XVIII века, из племени Дулат. Известен как герой социально-утопических легенд об обетованной земле «Жидели, Байсын».

Сыпатай – батыр, живший в XVII-XIX вв. Из племени Дулат.

Желмая – мифологическая быстролетная верблюдица.

Кзылжар – старинное название г. Петропавловска, центра Северо-Казахстанской области.

Арка, Сары-Арка – название казахского мелкосопочника, охватывающего территорию между Иртышом и Аралом.

«АЙТЫС ДЖАМБУЛА С САРБАСОМ» («САРБАС ПЕН ЖАМБЫЛДЫҢ АЙТЫСЫ»). Текст айтыса впервые обна-

ружен видным ученым-фольклористом Е. Исмаиловым в экспедиционных материалах Академии наук и включен в однотомное собрание сочинений Джамбула, изданное в 1940 году (с. 52-72). Когда и кем сделана запись, пока не установлено. Айтыс опубликован во всех последующих изданиях произведений акына. Имеются два перевода на русский язык, один принадлежит П. Кузнецову, а второй – И. Сельвинскому. В настоящий том включен перевод П. Кузнецова.

Как полагают первые издатели текста, айтыс между Джамбулом и Сарбасом состоялся в 1895 году, в г. Верном (Алматы), в доме авторитетного в городе и во всем Верненском уезде богача Кожамберди, где гостили знатные люди Семиречья. Среди гостей был и акын Сарбас, выходец из рода Каскарау племени Дулат. Он пел и веселил гостей, был в приподнятом настроении и не забывал при случае похвастаться. Видя его бахвальство, сидящие здесь шапыраштинцы, желая испытать его, предлагают пригласить Джамбула и устроить айтыс. Хозяин и гости принимают это предложение и посылают за Джамбулом. Джамбула привозят из Узун-Агача и предлагают ему вступить в айтыс с Сарбасом, а в качестве приза победившему называют 150 рублей. Джамбул вступает в айтыс и побеждает.

Бек – знатный человек, аристократ, князь.

Сулу – красавица.

Екей – один из родов племени Шапырашты. Джамбул происходил из этого рода.

Мурза – щедрый; знатный человек.

Байбиче (байбише) – старшая (первая) жена в полигамной семье.

Тулпар – скакун.

Дау – великан.

Джетысу – Семиречье, общее название юго-восточных регионов Казахстана, куда входит территория от реки Лепсы до рек Чу и Таласа.

Кушбегн – кокандский наместник в период кокандского ига над частью Семиречья.

«АЙТЫС ДЖАМБУЛА С ДОСМАГАМБЕТОМ»
(«ЖАМБЫЛ МЕН ДОСМАҒАМБЕТ АҚЫННЫҢ АЙТЫСЫ»).
Текст айтыса записан в 1939 году литературным секретарем Джамбула поэтом Т. Жароковым и тогда молодым ученым-

фольклористом Е. Исмаиловым. Запись сделана от учеников и современников Джамбула, известных акынов-импровизаторов Умбетали Карибаева и Саядила Керимбекова. Впервые опубликован в однотомном издании произведений акына в 1940 году. Айтыс переводился на русский язык дважды, П. Кузнецовым и А. Роммом. В настоящем томе печатается перевод П. Кузнецова.

О времени, когда состоялся айтыс, точных данных нет. Высказываются различные суждения. В первых изданиях дата айтыса не указана. Публикаторы избранных произведений Джамбула на русском языке предполагают, что айтыс мог состояться в 1900 году. (Джамбул Джабаев. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958. С. 498). В двухтомном издании 1982 года С. Садырбаев считает, что айтыс состоялся в 1907 году. Думается, что предположение С. Садырбаева более верно, если учесть даты жизни и смерти акына Досмагамбета, прожившего всего 27 лет (1883-1910 гг.).

Айтыс происходил в доме некоего Кобисбая, который приходился Досмагамбету «нагашы» – родственником по линии матери и жил в горах Архарлы, что находятся на правой стороне реки Или. Молодой акын Досмагамбет из племени Жалаир, уже известный как акын-мулла, зимой гостил у своего дяди. По просьбе дяди Досмагамбет пел песни и веселил людей. Проезжавший через этот аул Джамбул слышит пение и заворачивает к дому Кобисбая. Хозяева встречают Джамбула радушно, и всю ночь он поет песни Кабана-жырау, Бухара-жырау, акына Кемпирбая, исполняет айтыс Суюнбая и Жантая. Утром Джамбул песней задевает Досмагамбета, а молодой акын, нисколько не робея, вступает в поэтическое состязание.

Асеке (Асан-Кайгы) – жырау XV века, был в оппозиции к хану Жанибеку, и это послужило основанием для социально-утопических легенд о поисках им благодатной земли «Жеруюк».

Бухар – жырау XVIII века. Был главным советником и идеологом хана Аблая, иногда высказывал свое несогласие с ним.

Шоже – акын XIX века. Известен как талантливый импровизатор, участник многих поэтических состязаний и великолепный сказитель эпических произведений.

Кейкуат – один из положительных героев эпоса «Алпамыс батыр», помогающий богатырю и его людям.

Шаир – певец-поэт.

Буза – хмельной напиток.

Хаджи – те, кто совершил паломничество в Мекку.

Торт тулек – четыре вида скота: овцы, лошади, верблюды и коровы.

Нар – одногорбый верблюд.

Адияр – господин. Так обращались к ханам и султанам.

«АЙТЫС ДЖАМБУЛА С ШАШУБАЕМ» («ЖАМБЫЛ МЕН ШАШУБАЙДЫҢ АЙТЫСЫ»). Текст айтыса записан Е. Исмаиловым в исполнении Умбетали Карибаева, Кенена Азербаева и самого Шашубая Кошкарбаева. Он впервые опубликован в 1940 году в одномтомном собрании сочинений акына. Время записи неизвестно. Айтыс на русский язык перевел П. Кузнецов. Текст айтыса напечатан также в сборнике произведений акына Шашубая. «Сөйле, Шашеке» 1941 года. Он включен во все последующие сборники сочинений Джамбула.

Считают, что айтыс между Джамбулом и Шашубаем состоялся в 1909 году в г. Верном (Алматы), в доме богатого торговца Байбулана, который пригласил к себе в гости знатных людей Шапырашты и нескольких чиновников-казахов, служивших в канцелярии губернатора. Был среди них и прославленный акын Шашубай, известный также как великолепный трюкач и виртуозный гармонист. В разгаре веселья он предложил пригласить самого именитого акына Семиречья Джамбула для песенного состязания. Джамбул приехал, и айтыс состоялся. В поэтических взаимных нападках они, не щадя, критиковали друг друга. Джамбул подверг хозяина дома Байбулана и уездного толмача Бахию жесточайшей критике. Те обиделись и учинили скандал. Вопрос о том, кто же победил, остается неясным. Каждая сторона утверждает, что победил свой акын. Тем не менее, судя по последней партии Джамбула, можно утверждать, что в айтысе выиграл Джамбул.

Булус (болыс) – волостной управитель.

Той – пир.

Турсук (торсык) – посуда, изготовленная из шкуры лошади (или вола) для хранения кумыса, молока и других жидкостей.

Тумак – зимний головной убор.

«УТЕГЕН-БАТЫР» («ӨТЕГЕН БАТЫР»). Известны два варианта дастана, записанные со слов Джамбула в разное время. Первый вариант был записан в 1937 году литературным секретарем акына, поэтом Т. Жароковым. Во всех изданиях, кроме двухтомного 1982 года, опубликован этот вариант. Впервые он напечатан в сборнике стихов Джамбула, выпущенном в свет в 1937 году («Жамбылдың өлеңдері». А., 1937). На русском языке увидел свет в том же 1937 году в журналах «Литературный Казахстан» (№7-8), «Красная Новь» (№12). Имеются два перевода. Один принадлежит К. Алтайскому, а второй – М. Алигер и М. Матусовскому. В настоящем томе публикуется перевод К. Алтайского.

Второй вариант дастана найден недавно С. Садырбаевым и опубликован им в двухтомном собрании сочинений Джамбула, изданном в 1982 году. Как пишет С. Садырбаев, после того как первый вариант был издан, Джамбул прослушал его, и захотел улучшить дастан. И когда литературные секретари были в отъезде, пригласил к себе близкого родственника Рахметжана Жолашарова и спел ему новый вариант дастана, который тот и записал.

«Два крупных упрямых рога» – согласно древним представлениям восточных народов, рога на голове человека являются признаком его исключительности.

Джейран – ангилопа.

Арыстан – лев; символ мужества и силы.

Коркут – легендарный певец-музыкант, который воспевается в народных сказаниях казахов, туркмен и турок; мудрец-советник правителей в «Книге дедем Коркута». У казахов он считается также патроном шаманов-баксы, первым создателем музыки и музыкального смычкового инструмента – кобыза. Как установлено в новейших исследованиях, казахские сказания о Коркуте представляют собою трансформированный миф, в котором сохранились архаические представления о космосе и культурном герое-первопредке, а Коркут является прообразом титанов-богоборцев.

Косем – вождь; вожак, предводитель.

Айдахар – дракон.

Таксыр – господин, почтительное обращение к знатым людям.

Гайып-ерен (қырық шілтен) – букв.: «сорок невидимых друзей»; в фольклоре – это обобщенный образ чудесного помощника, выручающего героя в трудные минуты.

Апжилан – букв.: «водяной змей»; мифологический образ противника героя.

Сурпа – мясной бульон.

Жезтырнак – букв.: «медные когти»; демоническое существо в образе красивой женщины, она обычно обитает в густых камышах или лесах, в безлюдных местах и старается известить героя.

Жидели-Байсын – легендарная благодатная страна, которую ищет для своих сородичей Утеген-батыр.

Кара-каска – букв.: «черная лысина»; животное (часто лошадь) черной масти с белой широкой полоской на лбу.

«СУРАНШИ-БАТЫР» («СҮРАНШЫ БАТЫР»). Текст публикуемого дастана записан со слов Джамбула в 1938 году его литературным секретарем Калмаканом Абдыкадыровым. Сокращенные варианты первой и второй глав дастана впервые напечатаны в журнале «Әдебиет майданы» в 1938 году (№7-8), а на следующий год изданы отдельной главой. Полный вариант второй главы был опубликован впервые в сборнике 1940 года. Полностью весь дастан увидел свет в собрании сочинений акына, изданном в 1946 году и с тех пор печатается во всех сборниках Джамбула. На русский язык дастан переведен П. Кузнецовым.

О Суранши-батыре до Джамбула пел его учитель Суюнбай Аронов. Джамбул на основании его песен и народных сказаний создал свой вариант дастана. Позже, в советское время он создал новую редакцию «Сураншы-батыра», расширив его введением и заключением.

Сураншы Акынбеков – старшина рода Ескожа племени Шапырашты. Родился в 1815 году и погиб при битве за Сайрам в июле 1864 года. Он был предводителем казахских отрядов, воевавших против кокандцев в 1852-1953, 1858, 1860 годах, затем со своими отрядами в 1864 году участвовал в походах русских войск на Коканд.

Орман (Орман хан) – Орман Ниязбеков (1792-1854), крупный киргизский феодал-манап. Был старшиной рода Сарыбағыш, а в 1831 году объявлен ханом киргиз. Он убит батыром Балбай из киргизского рода Бугы.

Кудияр (Худияр) – правитель Коканда (1832-1858), сын Кокандского хана кипчаковца Ширали, убитого во время дворцового переворота в 1845 году. В этом же году, после гибели Ширалы-хана, тринадцатилетнего Худияра, бывшего правителем Намангана, кипчаки подняли на белом войлоке и провозгласили ханом Коканда. Худияр сидел на престоле с 1845 по 1858 годы. Вступив на престол, он в 1852 году устроил избиение кипчаков, которые не смогли оказать ему сопротивление, а их предводитель Мусулманкул был казнен. В 1858 году Худияр-хан был свергнут с престола своим братом Малибеком при помощи кипчаков и киргизов. Сам Малибек (умер в 1862 году) в 1857-1858 гг. возглавлял карательные экспедиции кокандских войск против восставших казахов и киргизов.

Узун-кулак – слухи.

Алаша – палас.

Сырттан – волкодав.

Сункар – сокол.

Ишан – духовное лицо.

Керсен – большая деревянная чашка.

Намаз – молитвенный обряд, совершаемый правоверным мусульманином пять раз в день.

Кафир – иноверец, неверный.

Боз-каска – букв.: «светлая лысина»; животное серой масти с широкой белой полоской на лбу, приносимое по обычаю в жертву (чаще – баран).

Аксакал – букв.: «белобородый»; старец, старейшина; почтительное обращение к уважаемому старшему, чаще преклонного возраста, человеку.

Малта – осадок растворенного в бульоне (или в другой жидкости) курта – сушеного кислого молока.

Корамса (верно: корамса) – колчан.

Кади (вариант: казы) – судья, действующий по мусульманскому закону, шариату.

Кенесары – Кенесары Касымов (1802-1847), чингизид, внук хана Аблая, сын султана Касыма, хан Среднего и Младшего жузов, предводитель освободительного движения казахского народа против российской колонизации края в 1837-1847 гг.

Найза – пика, копьё.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Стихи и толгау

«АКТИВИСТАМ» («БЕЛСЕНДІЛЕРГЕ»). Песня записана литературным секретарем акына, известным поэтом Г. Ормановым в 1936 году. Впервые напечатана в собрании сочинений Джамбула, изданном в 1946 году. Она переведена на русский язык В. Копытиным.

Поводом для песни послужил следующий случай. В 1921 году было создано собрание местной организации союза «Косшы». Проводилось на большом зеленом поле Кайназар, что вблизи села Узун-Агач. Оно было организовано как праздник, с торжествами, поэтому на него были приглашены почетные гости из Алма-Аты и других близлежащих сел и деревень. Как обычно, на торжествах участвовали акынины жыршы. В одной из юрт местные активисты и почетные гости любовались искусством известных в округе акынов Кенена Азербаетова, Умбетали Карибаева и других более молодых певцов, а Джамбула не пригласили. Оскорбленный этим Джамбул подошел к юрте, открыл ее дверь и экспромтом спел эту песню. Слово «белсенділер» («активисты») было использовано акыном иронически.

«НА ТОРЖЕСТВЕ КАЗАХСТАНА» («ҚАЗАҚСТАН ТОЙЫНА»). Стихотворение записано в 1936 году Г. Ормановым. Оно, как говорил сам Джамбул, было большим, но акын смог вспомнить только это. Впервые напечатано в сборнике стихов акына в 1937 году и с тех пор публикуется во всех изданиях сочинений Джамбула.

Оно пропето как импровизационная песня акыном в 1924 году на торжествах в Алма-Ате по случаю празднования четвертой годовщины Казахской АССР (с 1936 года Казахская ССР).

Стихотворение переведено В. Копытиным и К. Алтайским. В настоящее издание включен перевод В. Копытина.

«БЕГ ВРЕМЕНИ» («ЗАМАНА АҒЫМЫ»). Песня впервые обнаружена в рукописных фондах Академии наук республики Есмагамбетом Исмаиловым, который затем, после уточнения текста самим Джамбулом, включил ее в сборник его произведений, изданный в 1940 году. С тех пор она публикуется во

всех собраниях сочинений акына. Перевел ее на русский язык А. Брагин.

Песня исполнена в 1927 году на собрании в Узун-Агаче, устроенном в честь раздела земли беднякам-крестьянам и посвящена десятой годовщине Октябрьской революции. Она представляет собою превосходный образец толгау – поэтических раздумий. Толгау – излюбленный жанр древних жырау. Джамбул, подобно им, размышляет о времени и своей эпохе, о жизни и ее смысле, вспоминает и обзирает историю. Все это характерно для поэзии жырау, о которых Джамбул упоминает в своем толгау: Бухар, Суюнбай, Шортанбай, Нысанбай, Досхожа, Дулат и Шернияз.

Бухар-жырау Калкаманулы (ок. 1688-1781) – выдающийся поэт-импровизатор, главный советник хана Аблая. Он – последний представитель классических типов жырау, являвшихся идеологами Казахского ханства и воспевавших идею этатизма.

Дулат Бабатайулы (1802-1871) – видный поэт, один из образованнейших людей своего времени.

Шернияз Жарылгасулы (1817-1881) – известный поэт-импровизатор, участник восстания под предводительством Исатая Тайманова.

Досхожа (ок. 1801-1866) – поэт-импровизатор, известный как певец и участник освободительного движения казахов под предводительством Кенесары Касымова; был бием.

Шортанбай Канайулы (1818-1881) – видный поэт-импровизатор.

Суюнбай Аронулы (1827-1895) – видный поэт-импровизатор, учитель и наставник Джамбула.

Нысанбай (1821-1870) – поэт-импровизатор, участник и певец восстания Кенесары Касымова.

Замана ағымы – течение времени.

Бек – князь; знатный человек.

Казан – большой котел для варки пищи.

Кедей – бедняк.

Джусан (жусан) – полынь.

Байгус (байгүс) – бедняк, нищий.

Бишара (вар. бейшара) – бедняга, несчастный, беспомощный.

Тор (төр) – место для почетных гостей.

Зякет (зекет) – вид налога по шариату.

Кушур (үшір) – вид мусульманского налога.

Кстау (қыстау) – зимняя стоянка.

Курпе (көрпе) – теплое одеяло.

Кун (қун) – стоимость, цена; плата за убитого человека.

Ага (ага) – старший брат; уважительное обращение к старшему человеку.

Сарсу (сарысу) – сыворотка кислого молока.

Кокшетау – гора в степях Центрального Казахстана.

Бетпак-Дала – букв.: «строптивая степь»; Голодная степь в Центральном Казахстане.

«СЛОВО К МОЛОДЕЖИ» («ЖАСТАР АЛДЫНДАҒЫ СӨЗ»). Песня неизвестно кем и когда записана. Она впервые увидела свет 17 июня 1934 года в газете «Лениншіл жас». Опубликована во всех сборниках акына. На русский язык перевел А. Брагин.

Песня пропета на первом республиканском слете мастеров искусства, состоявшемся в Алма-Ате 16-18 июня 1934 года, по просьбе гостей в первый день слета.

В песне упоминается имя Нуржана Наушабаева и приводится его четверостишие.

Нуржан Наушабаев (1859-1919) – известный поэт, автор нескольких поэтических книг.

Семь палат – первоначальное название г. Семипалатинска, построенного как укрепление в 1712 году.

«НА ДЖАЙЛЯУ» («ЖАЙЛАУ»). Кем записана песня, неизвестно. Не установлена и дата ее записи. Впервые она опубликована в декабре 1935 года в газете «Қазақ әдебиеті», а на русском языке в «Литературной газете» в том же году. Имеются два перевода: К. Алтайского и А. Жовтиса. В настоящем томе печатается перевод А. Жовтиса.

Песня сочинена Джамбулом при посещении летних пастбищ колхоза «Ерназар» к концу лета 1935 года. Этот колхоз позже переименован в колхоз им. Джамбула. Он на территории Джамбульского района Алматинской области. Там ныне расположены Дом-музей и Мавзолей Джамбула.

«В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА» («ЛЕНИН МАВЗОЛЕЙІНДЕ»). Песня записана литературным секретарем акына, поэтом Калмаканом Абдыкадыровым. Впервые увидела свет 27 мая

1936 года в газете «Социалистік Қазақстан» под названием «Мавзолей». Опубликована во всех последующих изданиях Джамбула. На русский язык переведена дважды: П. Кузнецовым и К. Алтайским. В настоящем томе печатается перевод П. Кузнецова.

Джамбул участвовал в Первой Декаде казахской литературы и искусства в Москве, проходившей с 17 по 27 мая 1936 года в г. Москве. 18 мая он посетил мавзолей Ленина и под впечатлением пережитого вечером сочинил эту песню.

Данышпан – гений, гениальный.

«ПЕСНЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОРДЕНА» («ОРДЕН АЛҒАНДА»). Песня записана тогдашним Наркомпросом Казахстана, а впоследствии репрессированным Темирбеком Жургеновым, одним из руководителей делегации Казахстана во время Декады 1936 года. В двухтомном издании 1982 года ошибочно указано, что запись сделана Абдильдой Тажибаевым. Песня впервые увидела свет в сборнике стихов Джамбула, изданном в 1937 году и публикуется с тех пор во всех его сборниках. Перевод на русский язык сделан К. Алтайским.

Во время Первой Декады, 26 мая 1936 года группа творческих деятелей Казахстана была награждена орденами и медалями СССР. Джамбул был награжден орденом Трудового Красного Знамени. При вручении ему ордена он пропел эту песню.

Аскер – воин, солдат.

«ГАСЕМУ ЛАХУТИ» («ГАСЕМ ЛАХУТИҒА»). Кем и когда произведена запись песни, не установлено. Она была напечатана в сборнике 1937 года и с тех пор включается во все издания произведений акына. Переведена К. Алтайским.

Песня сложена в мае 1936 года в ответ таджикскому поэту Абыгасему (Гасему) Лахути, который песней поздравил Джамбула с награждением орденом.

«ВЕЛИКИЙ ЗАКОН» («ҰЛЫ ЗАҢ»). Песня записана К. Абдыкадыровым, но дата записи неизвестна. Впервые увидела свет в сокращении 27 августа 1936 года в газете «Социалистік Қазақстан» под названием «Жамбылдың «Ерназар» колхозының митингісіндегі сөзі». («Слово Джамбула на митинге колхоза «Ерназар»). Публиковалась во всех изданиях произведений Джамбула. Перевел ее на русский язык П. Кузнецов.

Песня симпровизирована 26 августа 1936 года на митинге тружеников колхоза «Ерназар» (ныне колхоз им. Джамбула), посвященном обсуждению проекта Конституции СССР, который был обнародован 12 июня 1936 года. В итоге многомесячного обсуждения проект Конституции был принят 5 декабря 1936 года на Чрезвычайном Всесоюзном восьмом съезде Советов.

Первоначальное название в последующих изданиях заменено на название «Великий Сталинский закон» («Сталиндік ұлы заң»). Это было данью времени и тогдашней официальной идеологии государства. Эта идеология, как известно, и создала культ личности Сталина. После развенчания культа личности Сталина этому произведению было дано новое название «Великий закон» («Ұлы заң»), которое заимствовано из текста песни. Сам текст печатается в этом томе с сокращениями.

Куляш – Куляш Байсеитова (1912-1957), выдающаяся певица, одна из основоположников оперного искусства Казахстана. Она участвовала в Первой Декаде в Москве и была в 24 года удостоена вместе с К. Станиславским и Вл. Немировичем-Данченко звания «Народная артистка СССР».

«ПЕСНЯ О ПУШКИНЕ» («ПУШКИНГЕ»). Песню записал Калмакан Абдыкадыров, но дату записи не указал. Она опубликована во всех сборниках акына. Переведена на русский язык К. Алтайским.

Песня сложена в период, когда в стране шла подготовка к 100-летней годовщине со дня гибели великого А. С. Пушкина.

«К КРАСНОЙ АРМИИ» («ҚЫЗЫЛ ӘСКЕРГЕ»). Текст песни записан Калмаканом Абдыкадыровым, но дата записи неизвестна. Опубликована во всех сборниках акына. Впервые текст напечатан был 4 марта 1937 года в газете «Қазақ әдебиеті».

Песня была сложена Джамбулом в феврале 1937 года ко дню Советской Армии и Военно-Морского Флота. Она переведена К. Алтайским, а также Л. Шифферсом. В том включен перевод первого.

«СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА» («ОДАҚТАС РЕСПУБЛИКА»). Песню записал К. Абдыкадыров, но дату записи не указал. Впервые песня увидела свет 29 марта 1937 года в газете «Социалистік Қазақстан» под названием «Одақтас»

(«Союзная»). Включена во все последующие сборники акына. Переведена К. Алтайским.

В марте 1936 года состоялся X Всеказахстанский чрезвычайный съезд Советов, на котором было объявлено о преобразовании Казахской АССР в союзную республику и принята новая Конституция Казахской ССР. Джамбул сочинил песню в честь этого события.

«ПЕСНЯ О ЗЕРНЕ» («ЕГІС ЖЫРЫ»). Песня записана кем и когда, неизвестно. Впервые опубликована 15 апреля 1938 года в газете «Екпінді» («Ударник»), затем в трехтомном собрании сочинений Джамбула. (Жамбыл Жабаев. Үш томдық шығармалар жинары. А., 1955, 2 т., с. 98) – уточнена с текстом в рукописном фонде Академии наук. На русский язык переведена К. Алтайским.

Песня сочинена весной, в апреле, 1937 года, во время весеннего сева.

Караторгай – скворец.

«МАЙ» («МАЙ»). Песня посвящена 1 мая 1937 года. Предполагают, что она записана Гали Ормановым. Впервые напечатана в сборнике 1937 года.

На русский язык переведена К. Алтайским.

«ПЕСНЯ ЛЕТА» («ЖАЗ ЖЫРЫ»). Песня записана Г. Ормановым. Она первоначально называлась «Оседляйте моего коня, ребята» и под этим названием увидела свет в газетах, а затем печаталась под новым названием в сборнике стихов Джамбула, изданном в 1938 году. Вошла во все последующие издания сочинений акына. На русский язык ее переводили К. Алтайский и Л. Шифферс. В этот том включен перевод К. Алтайского.

Песня сложена акыном в мае 1937 года во время прогулок по колхозным полям.

«СУЛЕЙМАНУ СТАЛЬСКОМУ» («СҮЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙГЕ»). Кем записана песня, неизвестно. Впервые опубликована в газетах, а затем – в сборниках стихов Джамбула 1937, 1938, 1940, 1946, 1955, 1982 гг. На русский язык она переводилась М. Тарловским и К. Алтайским. В настоящий том включен перевод М. Тарловского. На русском языке песня впервые увидела свет 24 сентября 1937 года в газете «Правда».

Она сложена в мае 1937 года в честь 68-летия дагестанского ашуга Сулеймана Стальского, названного М. Горьким «Гомером XX века».

«АЛА-ТАУ» («АЛАТАУ»). Песня записана К. Абдыкадыровым и переведена К. Алтайским. Опубликовано во всех изданиях произведений Джамбула.

Она сложена в июне 1937 года во время поездки акына на летние пастбища колхозов Алма-Атинской области, расположенные в горах Алатау.

«ПЕСНЯ О КУМЫСЕ» («ҚЫМЫЗ»). Песня записана Г. Ормановым и издавалась во всех сборниках произведений Джамбула. Она переводилась на русский язык три раза К. Алтайским, С. Маршаком, А. Глобой. В томе печатается перевод К. Алтайского.

В июле 1937 года Джамбул был в гостях у отдыхающих санаторий «Каменское плато» и «Турксиб», которые находятся в горах вблизи Алматы. Беседа с отдыхающими, акын спел им эту песню.

«ИСПАНСКИМ БРАТЬЯМ» («ИСПАНДЫҚ ТУЫСҚАНДАРҒА»). Песня записана Г. Ормановым и была напечатана в журнале «Әдебиет майданы» в 1938 году (№5). Впоследствии публиковалась во всех сборниках акына. Перевод К. Алтайского.

Песня была сочинена в честь годовщины борьбы республиканцев против франкистов 18 июля 1937 года.

«КИТАЙСКОМУ НАРОДУ» («ҚЫТАЙ ХАЛҚЫНА»). Песня записана Г. Ормановым и напечатана в газете «Социалистік Қазақстан» 17 октября 1937 года под названием «Қытай». Включена во все издания джамбуловских сочинений с названием «Қытай халқына». На русский язык переведена К. Алтайским.

Поводом для создания этой песни послужило вероломное нападение японских милитаристов на Китай, которое произошло 7 июля 1937 года.

«ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ» («ХАЛЫҚТАР ТУЫСҚАНДЫҒЫ»). Кем записана песня, неизвестно. Она впервые напечатана 5 декабря 1937 года в газете «Социалистік Қазақстан». Впоследствии публиковалась во всех сборниках стихов акына. На русский язык перевел К. Алтайский.

О том, по какому случаю сложена эта песня, сведения разноречивы. В полном собрании сочинений Джамбула 1946 года утверждается, что песня сочинена в период кампании по выборам депутатов в Верховный Совет СССР. Опубликована в двухтомном издании 1982 года.

В трехтомном же издании произведений акына 1995 года отмечается, что эта песня спета в 1937 году накануне двадцатилетнего юбилея Октябрьской революции. Эти же сведения даются в русском издании избранных произведений Джамбула 1958 года.

«ПЕСНЯ О БОЛЬШОМ КАРАВАНЕ» («ҰЛЫ КӨШ»). Песня записана К. Абдыкадыровым и напечатана в газете «Социалистік Қазақстан» (6. XI. 1937). Издавалась во всех сборниках стихов акына. Имеются два перевода на русский язык: К. Алтайского и В. Шубина. В этот том включен перевод К. Алтайского.

Песня спета Джамбулом 5 ноября 1937 года на торжественном собрании членов колхоза «Ерназар», посвященном XX летию Октябрьской революции.

Жер-уюк (верно: Жеруюк) – легендарная обетованная страна, которую искал Асан-Кайгы.

Кошбасши («Көшбасшы») – букв.: «тот, кто предводительствует во время кочевки». Здесь в значении «предводитель», «глава», «лидер».

«ГИМНОКТЯБРЮ» («ОКТЯБРЬДІҢ ХХ ЖЫЛДЫҒЫНА»). Песня сложена 6 ноября 1937 года в честь двадцатилетнего юбилея Октябрьской революции и первоначально называлась «ХХ жылдық тойда» («На юбилее ХХ летия»). Под таким названием печаталась в сборниках акына 1938-1946 гг. В трехтомном издании 1955 года ей дано нынешнее название. Оно же дано в двухтомном собрании стихов акына 1982 года. Песня записана К. Абдыкадыровым, на русский язык переведена П. Кузнецовым.

«ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ» («ӨЛГЕНІҢ ЖОҚ СЕН ТІРІ»). Песня сложена по случаю кончины Сулеймана Стальского 23 ноября 1937 года. Записана К. Абдыкадыровым и напечатана 27 ноября в газете «Социалистік Қазақстан». Она вошла во все последующие собрания акына. На русский язык переведена К. Алтайским. Точный перевод песни: «Ты не умер, ты жив».

«ШОТА РУСТАВЕЛИ» («АҚЫН ШОТА РУСТАВЕЛИ»). Песня сложена в декабре 1937 года, перед отъездом в Грузию, куда акын был приглашен в качестве почетного гостя на торжества в честь 750-летия поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Она посвящена классику грузинской литературы Шоте Руставели. Записал ее К. Абдыкадыров. Впервые увидела свет 27 декабря 1937 года в газете «Қазақ әдебиеті» под названием «Ақын» («Поэт»). В последующих изданиях (1938, 1946) она печаталась под названием «Ақынға» («Поэту»). Современное название ей дано в трехтомном собрании сочинений акына, изданном в 1955 году. Оно повторилось в двухтомном издании 1982 года в переводе К. Алтайского.

«ПЕСНЯ О ЖИЗНИ» («ӨМІР ЖЫРЫ»). Песня симпривизирована на торжественном заседании пленума Союза писателей Грузии, посвященного 750-летию поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Пленум открылся 26 декабря 1937 года. Песня опубликована во всех изданиях акына. Записана Т. Жароковым. Ее переводили П. Кузнецов и Н. Сидоренко. В настоящий том включен перевод П. Кузнецова. Он был напечатан впервые в декабре 1937 года в газете «Заря Востока» (Грузия).

«ПЕСНЯ ОБ ИСКУССТВЕ» («ӨНЕРДІҢ ӨСУІ»). Песня спета под впечатлением посещения Джамбулом (1 марта 1938 года) Театра оперы и балета им. Абая и встречи с народной артисткой СССР К. Байсеитовой, а также с другими видными деятелями искусства республики. Она записана К. Абдыкадыровым и напечатана 22 марта 1938 года в газете «Қазақ әдебиеті». Она издана во всех сборниках произведений Джамбула. Имеются два ее перевода на русский язык: П. Кузнецова и И. Сельвинского. Здесь публикуется перевод П. Кузнецова.

Точное название песни: «Развитие искусства».

«БАТЫРАМ ПОЛЮСА» («ҰЛДАРЫМ-ПАПАНИН-ШЛЕРГЕ»). Песня сочинена в честь возвращения 15 марта 1938 года участников экспедиции на Северный полюс под руководством И.Ф. Папанина, девять месяцев дрейфовавших на льду. Она записана К. Абдыкадыровым и впервые опубликована 17 марта 1938 года в газете «Социалистік Қазақстан». Перевел на русский язык К. Алтайский.

Точный перевод: «Моим сыновьям-папанинцам». Первоначальное название песни было «Ұлыма» («Моему сыну»). Оно изменено в трехтомном издании сочинений акына 1955 года, оставлено так в двухтомном издании 1982 года.

«ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ» («БАҚЫТ ТУРАЛЫ ЖЫР»). В апреле 1938 года, беседуя со своими земляками-колхозниками, Джамбул поет эту песню. Кем она записана, неизвестно. Впервые напечатана в районной газете «Большевиктік жол» («Большевистский путь») 10 апреля 1938 года и включена в сборник стихов акына 1955 года, затем 1982 года. Русский перевод принадлежит К. Алтайскому.

«КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ» («БЕСІК ЖЫРЫ»). Песня пропета экспромтом во время посещения акыном детских садов и ясель района и записана Т. Жароковым. Впервые текст напечатан 6 апреля 1938 года в газете «Октябрь балалары» («Дети Октября»), затем включен в издания 1955 и 1982 гг. Перевод сделан К. Алтайским.

«КЛЯЧА И ТУЛПАР» («МӘСТЕК ПЕН ТҰЛПАР»). Песня импровизирована после того, как Джамбулу был преподнесен в качестве дара от правительства республики молодой жеребец. Произошло это событие 12 апреля 1938 года. Она записана К. Абдыкадыровым и напечатана 16 апреля того же года в газете «Социалистік Қазақстан». Впоследствии вошла во все издания акына. На русский язык ее переводили Я. Смеляков и К. Алтайский. Здесь печатается перевод Я. Смелякова.

«МОЕ СЧАСТЬЕ» («МЕНИҢ БАҚЫТЫМ»). В начале мая 1938 года, в канун празднования 75-летия его творчества, Джамбул вкратце рассказал свою историю. Это краткое воспоминание записано К. Абдыкадыровым и напечатано 20 мая 1938 года в газете «Социалистік Қазақстан». Оно включено во все издания акына, но с сокращениями и редактурой. На русский язык его перевел П. Кузнецов.

«Я НАРОДУ СЛУЖУ» («ТАҒЫ БІТТІ ЖАҢА КҮШ»). Песня спета на III республиканском слете мастеров народного искусства, посвященного 75-летию творческой деятельности Джамбула. Слет состоялся 17 мая 1938 года. Записал ее К. Абдыкадыров. Впервые печаталась 18 мая 1938 года в газете «Социалистік Қазақстан». Издавалась во всех сборниках акына.

Песня переведена на русский язык дважды: Д. Снегиным («Я народу служу») и Т. Стрешневой («Я почувствовал сил приток»). В том включен перевод Д. Снегина.

Точный перевод названия: «И снова силы прибавились».

Кене – Кенесары Касымов.

Май-тобе (Майтөбе) – летние пастбища в горах Алатау.

Тюре (төре) – прежде так называли потомков Чингис-хана, позже – чиновников.

«МОЯ ЖИЗНЬ» («МЕНИҢ ӨМІРІМ»). 10 июня 1938 года состоялась встреча Джамбула с избирателями, выдвинувшими его кандидатом в депутаты Верховного Совета Казахской ССР. На ней Джамбул выступил песней-рассказом о своей жизни. Текст его выступления записал К. Абдыкадыров. Впервые был напечатан 12 июня того же года в газете «Социалистік Қазақстан», публиковался во всех последующих изданиях акына. На русский язык перевел П. Кузнецов.

Таргын – герой одноименного богатырского эпоса.

«СЫНОВЬЯМ НАРОДА» («ХАЛЫҚ ҰЛДАРЫНА»). Песня сочинена после беседы Джамбула с командиром Н-ской части Советской Армии Борисом Ярковым, приехавшим в гости к акыну. Это произошло 15 июля 1938 года. Кем записана песня неизвестно. На казахском языке впервые опубликована в трехтомном сборнике 1955 года. До этого она печаталась на русском языке в переводе П. Кузнецова.

«ПУЛЯ ВРАГУ» («ЖАУҒА ОҚ»). В 1938 году, 29 июля японские войска вторглись на территорию СССР в районе оз. Хасан. Услышав это известие, Джамбул назаўтра же, 30 июля, сложил это стихотворение. Записал его Т. Жароков. Оно на казахском языке впервые напечатано в трехтомном сборнике акына 1955 года. До этого оно публиковалось на русском языке под названием «Орлы нашей Родины». Переводили его П. Кузнецов и Д. Снегин. В том включен перевод Д. Снегина.

«УЧЕНОМУ БРАТУ» («ҒАЛЫМ ІНІМ – АКАДЕМИК КЕЛ-ЛЕРГЕ»). В августе 1938 года известный ученый-биолог, академик Б.А. Келлер приехал в Алма-Ату. 22 августа московский гость посетил аул Джамбула. Во время беседы акын симпровизировал песню-посвящение ученому. Записал ее К. Абдыкадыров. Впервые увидела свет 23 августа в газете

«Лениншіл жас». Публиковалась во всех сборниках стихов Джамбула. Перевод принадлежит П. Кузнецову.

«ЗДОРОВЬЕ НАРОДА» («ДӘРІГЕРЛЕР СЪЕЗІНЕ»). Песня сложена 27 ноября 1938 года как послание участникам Первого съезда работников здравоохранения, который открывался 1 декабря 1938 года. Она записана одним из литературных секретарей акына Капаном Сатыбалдиным и напечатана 5 декабря того же года в газете «Социалистік Қазақстан». Переведена П. Кузнецовым.

«ЗА БОЛЬШОЙ УРОЖАЙ» («ЕГІС ЖЫРЫ»). Песня сочинена 29 января 1939 года, в начале подготовки к весеннему севу. Записана Т. Жароковым и напечатана в первый раз 9 февраля того же года в газете «Социалистік Қазақстан». Второй раз опубликована в трехтомном собрании сочинений акына 1955 года, а затем – в двухтомном издании 1982 года. На русский язык переведена П. Кузнецовым.

«БАТЫРАМ НАШЕЙ РОДИНЫ» («ОТАНЫМНЫҢ БАТЫРЛАРЫНА»). 3 января 1939 года в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР с текстом присяги воинов Советской Армии, моряков Военно-Морского Флота и летчиков военной авиации. Песня посвящена этому событию. Она записана Т. Жароковым и впервые напечатана 23 февраля 1939 года в газете «Социалистік Қазақстан» под названием «Біздің дәуіріміздің батырлары». Публиковалась во всех последующих сборниках акына. На русский язык переведена П. Кузнецовым.

«ТАРАС» («ТАРАС»). Песня сложена в честь 125-летнего юбилея Тараса Шевченко. Записана Т. Жароковым и впервые напечатана 9 марта 1939 года в газете «Социалистік Қазақстан». Впоследствии включена во все основные сборники стихов акына. На русский язык ее перевел П. Кузнецов.

Мангыстау – казахское название полуострова Мангышлака.

«СЪЕЗДУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ» («ЖЕҢІМПАЗДАР СЪЕЗІНЕ»). Песня сочинена в честь открытия XVIII съезда ВКП(б) 10 марта 1939 года. Записана Абдильдой Тажибаевым и напечатана в тот же день в газете «Социалистік Қазақстан». Публиковалась во всех последующих изданиях акына. На русский язык переведена П. Кузнецовым.

Темир-жол (темір жол) – железная дорога.

Топжарган – вышедший победителем.

«ВЕСНА» («ЕҢБЕК КӨКТЕМІ»). Песня сложена во время поездки Джамбула по колхозным полям в апреле 1939 года, когда шли посевные работы. Она записана К. Абдыкадыровым. Впервые казахский текст опубликован в трехтомном сборнике 1955 года. На русский язык ее перевел А. Глоба.

«ПРАЗДНИК ВЕСНЫ» («МАЙ ЖЫРЫ»). Песня спета в честь Первомайского праздника в 1939 году и напечатана 4 мая того же года в газете «Социалистік Қазақстан». Кем записана, неизвестно. На русский язык перевел П. Кузнецов.

Более точный перевод названия: «Майская песня».

«МАСТЕРАМ ЖИВОТНОВОДСТВА» («МАЛ ӨСІРУШІ-ЛЕРГЕ»). Песня исполнена акыном на четвертом республиканском съезде стахановцев-животноводов, который открылся 25 июня 1939 года в Алма-Ате. Она записана Т. Жароковым и под названием «Бақыт жыры» («Песня счастья») опубликовалась в газете «Социалистік Қазақстан» 1 сентября 1939 года.

Жент – лакомое кушанье, приготовленное из жареного проса с медом и сливочным маслом.

«КАЗНА НАРОДА» («ХАЛЫҚ ҚАЗЫНАСЫ»). В 1939 году 1 августа в Москве состоялось открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (позже ВДНХ). Накануне этого события, 28 июля, Джамбул посвятил ему свою поэтическую импровизацию. Записал ее Т. Жароков. Она была напечатана 1 августа в газете «Социалистік Қазақстан». Перевод принадлежит К. Алтайскому.

«ДУХИ» («ИІСТІ МАЙ»). 9 ноября 1939 года Джамбул собирался ехать в Алма-Ату для участия на республиканском слете акынов. Его опрыскали духами, и он экспромтом сочинил эту песню. Записал ее Г. Орманов. Впервые опубликована в Полном собрании сочинений акына 1946 года. На русский язык ее перевел П. Кузнецов.

«КЕКЛИК» («КЕКІЛІК ҰШЫП ДҮР ЕТТІ»). Дружеская шутка-песня, сложена 15 декабря 1939 года, когда Г. Орманов – литературный секретарь акына, вернулся с неудачной охоты. В первый раз напечатан в сборнике 1946 года. Перевод П. Кузнецова.

«ДОРОГА В СТЕПИ» («АРҚАНЫҢ АРҚАУЫ»). В феврале 1940 года было завершено строительство линии железной дороги «Акмола – Карталы». Джембул посвятил этому событию свою песню, которая была напечатана 8 февраля 1940 года в газете «Лениншіл жас» под названием «Арқаның арқауы». Затем она опубликована в трехтомном издании 1955 года. Кем она записана, неизвестно. Перевел ее на русский язык П. Кузнецов.

«БАТЫР В СТАЛЬНОЙ ШУБЕ» («БОЛАТ ТОНДЫ БАТЫР»). В 1940 году Красная Армия освободила Карельский перешеек от белофиннских войск, защитив тем самым Ленинград от их нападения. В честь этого события Джембул сочинил песню, и она была напечатана 23 февраля 1940 года в газете «Социалистік Қазақстан». Записали ее Т. Жароков и Г. Орманов. На русский язык переведена дважды: П. Кузнецовым и П. Шубиным. Здесь дан перевод П. Кузнецова.

Аскер – солдат, воин.

«ТЕЗЕКБАЮ» («ТЕЗЕКБАЙҒА»). В 1940 году, 8 марта по оплошности младшего сына акына Тезекбая погибает стригунок. Недовольный этим, Джембул обратился с песней к сыну. Текст песни записал Г. Орманов. Впервые он напечатан в сборнике 1946 года. Русский перевод П. Кузнецова.

«ПАРНЯМ, ОБУЧАЮЩИМ НЕОБУЗДАННЫХ КОНЕЙ» («АСАУ ҮЙРЕТКЕН ЖІГІТТЕРГЕ»). Весной, 1 апреля, 1940 года джигиты объездили двух стригунков Джембула. На одном из них был его литературный секретарь Г. Орманов. Удовлетворенный Джембул спел джигитам эту песню. Она записана Г. Ормановым и впервые напечатана в сборнике 1946 года. На русский язык перевел А. Брагин.

Бозбала – юноша, парень.

«ТАЖИБАЮ» («ТӘЖІБАЙҒА»). В 1940 году, весной, Джембул должен был ехать в Москву. 4 апреля он приехал в Алма-Ату и остановился в доме давнишнего приятеля – своего сверстника Тажибая, который славился не только гостеприимством, но и лекарскими способностями (ставил диагноз по пульсу и лечил восточнонародным способом). Довольный радушием хозяина Джембул посвятил ему песню. Записал ее Г. Орманов. В первый раз увидел свет в сборнике 1940 года. На русский язык перевел П. Кузнецов.

«БОГАТЫРЬ ПЕСНИ» («ЖЫР БАТЫРЫ»). Песня сложена во время участия Джамбула в работе пленума Союза писателей СССР, посвященного десятилетию со дня смерти В. Маяковского. Пленум проходил в апреле 1940 года в Москве. Впервые опубликована в трехтомном собрании сочинений акына 1955 года. В двухтомном издании 1982 года по неизвестной причине название песни изменено: «Маяковскийге» («Маяковскому»). Песня записана Т. Жароковым и переведена П. Кузнецовым.

«ВИДЕЛ Я РОДНОЙ КАЗАХСТАН» («БҰРЫНҒЫ ҚАЗАҚСТАН ТУРАЛЫ»). Песня сочинена после того, как Джамбул просмотрел кинофильм о прошлом Казахстана. Текст записал Т. Жароков. Впервые увидела свет в трехтомном собрании сочинений акына 1955 года. В двухтомном издании 1982 года название песни по неизвестной причине изменено: «Ол заманды мактаман» («Я не собираюсь прославлять эту эпоху»).

Песня переведена П. Кузнецовым.

Заман – эпоха; время.

«В ГОРАХ» («ТАУДА»). В июле 1940 года Джамбул переехал на летнюю стоянку в горы. Во время одной из прогулок он хотел подняться в гору, но сапоги сильно скользили, и уставший Джамбул отказался от своей затеи, сел отдохнуть и спел экспромтом эту песню. Ее записал сопровождавший Джамбула на прогулке Г. Орманов. Перевел П. Кузнецов. Впервые она опубликована в издании 1946 года.

«К ПОРТРЕТУ АБАЯ» («АБАЙДЫҢ СУРЕТІНЕ»). В августе 1940 года в Алма-Ате, в Союзе писателей Казахстана проходило торжественное собрание, посвященное 95-летию со дня рождения великого Абая. Джамбул участвовал на этом собрании. Во время собрания он увидел в библиотеке Союза писателей портрет Абая и, будучи под впечатлением всего сказанного о нем, сложил песню. Текст ее записал Т. Жароков, перевел на русский язык П. Кузнецов. Песня впервые увидела свет во втором номере альманаха «Майдан» («Фронт»), посвященном 100-летию со дня рождения Абая (1945). Публиковалась во всех изданиях акына.

Аргын – согласно народной генеалогии старшее и самое многочисленное племя казахов Среднего жуза.

Найман – по генеалогии второе по количеству людей племя казахов Среднего жуза.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» («ҚОШ КЕЛДІНДЕР!»). Песня спета Джамбулом 22 августа 1940 года во время посещения им школы своего аула. Записал ее текст Г. Орманов, а перевел на русский язык П. Кузнецов. Имеется также перевод А. Брагина. В этот том включен перевод первого.

Песня впервые была напечатана 1 сентября 1940 года в газете «Лениншіл жас» под названием «Қош келдіндер» («Добро пожаловать»). Однако в последующих изданиях это название произвольно изменено: «Шәкірт балаларға» («Детям-ученикам») – в журнале «Пионер» (1940, №11), в сборнике 1946 года; «Мектеп балаларына» («Школьным детям») – в трехтомном издании 1955 года и в двухтомном собрании сочинений акына 1982 года. В ранних изданиях имелись сокращения, которые исправлены в последующих (1955 и 1982). В этом томе казахское первоначальное название восстановлено.

«Я – ТОПОЛЬ СТОЛЕТНИЙ» («МЕН – БІР БИІК БӘЙТЕРЕК»). Песня сложена в честь двадцатилетнего юбилея Казахской ССР 1 ноября 1940 года. Записал ее Т. Жароков и на русский язык перевел П. Кузнецов. Впервые текст напечатан в трехтомном издании акына 1955 года.

Точный перевод названия: «Я – тополь высокий».

«БАРЛЫБАЕВУ» («БАРЛЫБАЙҒА»). Главному врачу поликлиники Совмина Казахской ССР Хабибу Барлыбаеву правительством республики была вменена в обязанность следить за здоровьем Джамбула. Однажды, 25 ноября 1940 года, Х. Барлыбаев приезжает к Джамбулу с целью обследования. Слегка недомогавший в это время акын, обращаясь к главврачу, спел эту песню. Она записана Г. Ормановым и переведена на русский язык П. Кузнецовым. Песня впервые напечатана в сборнике 1946 года. Но в последующих изданиях (1955 и 1982) название изменено по неизвестной причине. В этом томе дано первоначальное казахское название.

«СТАРОСТЬ» («КӘРЛІК»). Песня спета Джамбулом, когда он, собираясь ехать в Алма-Ату на сессию Верховного Совета Казахской ССР, посмотрел на себя в зеркало. Произошло это в феврале 1941 года. Записал песню Г. Орманов, а перевел ее П. Кузнецов. Впервые напечатана в сборнике 1946 года под этим названием. В последующих изданиях название песни изменено по неизвестной причине: «Сакалым темір күрек борға малған»

(«Борода моя – железная лопата, покрытая мелом»). Здесь казахское название дано по первой публикации 1946 года.

Батман – мера весов, равная двум и более пудам. В тексте наполненный мешок весом такой тяжести.

«ДОСТИГ Я, ШАГАЯ, ВЕРШИНЫ ГОРЫ» («ЖЕТИППІН ЖҮРЕ ҚЫР БАСЫНА»). Песня спета Рақымбаю Досымбекову, своему лечащему врачу, когда он приехал к Джамбулу. Запись сделана Г. Ормановым. Перевод П. Кузнецова. Впервые она опубликована в полном Собрании сочинений акына 1946 года.

«ПЕСНЯ БЛАГОДАРНОСТИ» («АЛҒЫС»). В марте 1941 года Джамбул был удостоен Сталинской премии второй степени. Услышав радостную весть, акын импровизировал эту песню. Записал ее Г. Орманов. На русский язык перевел П. Кузнецов. Впервые увидела свет 19 марта 1941 года в газете «Социалистік Қазақстан», а затем во всех последующих сборниках акына.

«ГИМН ВЕСНЕ И ПЕРВОМАЮ» («КӨКТЕМ МЕН МАЙ ДАҢҚЫ»). Песня посвящена празднику Первого мая 1941 года и напечатана 1 мая в газете «Социалистік Қазақстан». Она записана Т. Жароковым и переведена П. Кузнецовым. Включена во все сборники акына.

«БОГАТСТВО ЗЕМЛИ» («ЖЕР БАЙЛЫҒЫ»). Песня исполнена во время посещения полей колхоза, носящего его имя, 7 июля 1941 года и напечатана в газете «Социалистік Қазақстан» 12 июня. Публиковалась в изданиях 1955 и 1982 годов. Запись принадлежит Т. Жарокову, а перевод К. Алтайскому.

«ЛЕНТЯЯМ» («ЖАЛҚАУЛАРҒА»). По своему обыкновению Джамбул посещает в мае-июне 1941 года колхозные поля и пастбища и во время одной из таких поездок слагает эту песню. Впервые она увидела свет 12 июня того же года в газете «Социалистік Қазақстан». Записал ее Т. Жароков, перевел К. Алтайский.

«КУЛАНСАЗ – НАША ЛЕТОВКА» («ЖАЙЛАУЫМЫЗ – ҚҰЛАНСАЗ»). Кулансаз – издавна была летней стоянкой рода Екей, откуда родом Джамбул. В период коллективизации жайлау был отведен колхозу «Ерназар» (позже – им. Джамбула). Акын часто ездил туда, совершил поездку и в июне 1941 года. Тогда и сложил он эту песню. Она была записана Т. Жароковым

и напечатана 22 июня в газете «Социалистік Қазақстан». Издавалась затем в сборниках 1955 и 1982 годов. На русский язык переведена К. Алтайским.

«ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ!» («ЛЕНИНГРАДТЫК ӨРЕНІМ»). Песня сложена в двух вариантах. В первый раз ее записал Т. Жароков, во второй раз – Г. Орманов. Сведения об истории сочинения и первой публикации ее разноречивы. Большинство исследователей творчества Джамбула считает, что песня в первом варианте была сложена в сентябре 1941 года, она записана Т. Жароковым и опубликована одновременно 5 сентября 1941 года, в газетах «Социалистік Қазақстан», «Правда», «Комсомольская правда», в переводе М. Тарловского. Сам же Т. Жароков в своих воспоминаниях пишет, что Джамбул сочинил эту песню «в тяжкую зиму 1942 года». Какое из этих утверждений верно? Очевидно, Т. Жароков, опубликовавший «Воспоминания о Джамбуле» в 1956 году (см.: Творчество Джамбула. Алма-Ата, 1956. С. 111-115), допустил неточность в отношении даты рождения песни «Ленинградцы, дети мои!».

Следует заметить, что в разных изданиях акына даются разные тексты песни. Так, в полном собрании сочинений 1946 года печатается вариант, записанный Г. Ормановым, который, кстати, получил наибольшее распространение, войдя в учебники и хрестоматии по казахской литературе для школ и вузов. Этот вариант известен также и на русском языке. В трехтомном же издании 1955 года публикуется текст, записанный Т. Жароковым как первый вариант и напечатанный 5 сентября 1941 года. В двухтомное собрание сочинений 1982 года включены оба варианта.

Песня в свое время облетела весь мир. Текст ее был напечатан во многих газетах страны и неоднократно передавался по радио. Расклеенные на стенах домов Ленинграда плакаты со словами и портретом Джамбула вдохновляли и поддерживали жителей и защитников осажденного города.

«МОСКВЕ» («МОСКВАҒА»). Песня сложена в период, когда немецко-фашистские войска стали угрожать в сентябре 1941 года непосредственно Москве. Она записана Т. Жароковым и напечатана 28 сентября того же года в газетах «Социалистік Қазақстан» и «Казахстанская правда». На русский язык перевел

М. Тарловский. Текст песни публиковался во всех сборниках акына. В русском томе (1958) примечания к ней неточны.

«ВЫСТОИТ ПЛЕМЯ БОГАТЫРЕЙ» («АТТАН, БАТЫР ҰРПАҒЫМ»). Песня создана в честь XXIV летия Октябрьской революции. Записана Т. Жароковым и напечатана 7 ноября 1941 года в газете «Социалистік Қазақстан». Вошла во все последующие сборники акына. Русский перевод принадлежит М. Тарловскому.

Точный перевод названия – «В поход, мое богатырское племя».

«СОВЕТСКИМ ГВАРДЕЙЦАМ» («КЕҢЕС ГВАРДЕЕЦТЕРІНЕ»). Песня сочинена при известии о том, что 316 стрелковая дивизия, сформированная в Казахстане под командованием генерала И.В. Панфилова, после жестоких героических битв с врагами в Подмоскowie была переименована в ноябре 1941 года в 8 гвардейскую дивизию. Она записана Т. Жароковым и напечатана в газетах «Социалистік Қазақстан», «Казахстанская правда» 23 ноября 1943 года. Публиковалась во всех основных сборниках акына. На русский язык перевел М. Тарловский. Здесь восстановлено первоначальное казахское название песни.

«В НОВОГОДНИЙ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ЧАС» («ЖАҢА ЖЫЛДЫҢ КЕЗЕҢІ»). Песня исполнена в честь наступления Нового, 1942 года. Неизвестно, кем записана. Напечатана в газете «Социалистік Қазақстан» 1 января 1942 года. В последующем издана в сборниках 1955 и 1982 годов. На русский язык переведена М. Тарловским.

Точный перевод названия – «Время нового года».

«СОВЕТСКИМ ВОИНАМ» («СОВЕТ ЖАУЫНГЕРЛЕРІНЕ»). Стихотворение посвящено 24-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского флота. Его записал Т. Жароков. Опубликовано 23 февраля 1942 года в газете «Социалистік Қазақстан». Текст впоследствии издан в 1955 и 1982 годах. Русский перевод М. Тарловского.

«СЫНАМ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ» («СҮЙІКТІ ОТАНЫМНЫҢ ҰЛДАРЫНА»). В годы Великой Отечественной войны Джамбул постоянно получал письма от воинов, воевавших на разных фронтах. Одно из таких писем пришло накануне первомайских праздников 1942 года от солдата

Дуйсекея Сеитова и его командира Бориса Сахарова. Они писали: «Великан поэзии Джамбул-ата! Мы, сыны казахского и русского народов, готовимся на фронте к полному уничтожению фашистов. Присылайте нам свои могучие песни. Ваши песни помогают нам!» Джамбул ответил им песней-посланием. Оно записано Г. Ормановым. Отрывок его под названием «Майданға хат» («Письмо на фронт») впервые был напечатан в марте 1942 года в газете «Социалистік Қазақстан», а затем в сборнике 1946 года. 30 апреля 1942 года в газете «Советтік Карағанды» и были объединены и напечатаны под общим названием «Сыновьям любимой родины» три стихотворения акына: «Майданға хат» («Письмо фронту»), «Жаз жыры» («Летняя песня») и «Жаз тілі» («Летняя речь»). Этот объединенный текст был издан в трехтомном собрании сочинений 1955 года и включен в русское издание 1958 года в переводе М. Тарловского. В 1982 году он издан в двухтомном сборнике произведений Джамбула.

«ДЕВУШКА НА СТАЛЬНОМ ТУЛПАРЕ» («ТЕМІР ТҰЛПАР МІНГЕН ҚЫЗ»). Песня сложена весной 1942 года и посвящена девушкам и молодым женщинам, овладевшим вместо ушедших на фронт мужчин специальностями трактористов и комбайнеров. Записал ее Г. Орманов. Она была опубликована в июне того же года в отрывках в газетах «Социалистік Қазақстан», «Казахстанская правда», «Комсомольская правда». 28 июня была полностью напечатана в газете «Оңтүстік Қазақстан» под названием «Тракторист қыздарға» («Девушкам-трактористам»). Вошла во все основные сборники акына с сокращениями. Полный текст восстановлен в издании 1955 года. Русский перевод принадлежит М. Тарловскому.

«ДРУЖБА НАРОДОВ» («КАҺАРМАН ХАЛЫҚ ДОС-ТЫҒЫ»). В 1942 году началось освобождение Украины от немецких захватчиков. Воины-казахи, участвовавшие в боях за освобождение, вступив на украинскую землю, целовали ее, как свою родную. Оценив это как проявление чувства патриотизма и дружбы народов, Джамбул сочинил песню. Записал ее Г. Орманов. Она впервые была напечатана в газете «Социалистік Қазақстан» 9 августа 1942 года. Позже издана в сборниках 1955 и 1982 годов. Перевод на русский язык осуществлен М. Тарловским.

Точный перевод названия – «Дружба героических народов».

«ПРИКАЗ РОДИНЫ» («ОТАН ӘМІРІ»). Летом 1942 года фашистские захватчики дошли до Кавказа. За каждый перевал и бугор шли ожесточенные бои. Джамбул посвятил свою песню воинам, воевавшим на кавказских землях. Песню записал Г. Орманов. Она печаталась в первый раз в газете «Социалистік Қазақстан» 6 сентября 1942 года и публиковалась во всех последующих изданиях акына. На русский язык перевела А. Адалис.

«НЕСОКРУШИМАЯ КРЕПОСТЬ» («АЛЫНБАС ҚАМАЛ»). Песня сложена в дни жесточайших боев за Сталинград в 1942 году. Записана Г. Ормановым. Впервые увидела свет 9 октября в газете «Социалистік Қазақстан». Печаталась во всех изданиях акына. Перевод М. Тарловского.

«ПРОВОДЫ» («АТТАНДЫРУ»). Летом 1942 года на фронт был призван старший сын акына Алгадай. Джамбул обратился к нему с песней-напугствием. Записал Г. Орманов. Впервые песня была напечатана в собрании сочинений 1946 года. Затем публиковалась во всех сборниках акына. Перевод на русский язык сделан Д. Снегиным.

«НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ» («ЖАҢА ЖЫЛ СӘЛЕМІ»). Песня сочинена 29 декабря 1942 года в честь наступающего Нового, 1943 года. Она 1 января 1943 года одновременно печаталась в газетах «Социалистік Қазақстан» и «Комсомольская правда». Запись текста сделана Г. Ормановым, а русский перевод – Д. Бродским. Песня вошла во все сборники акына.

«ОТВЕТ СЫНУ» («БАЛАМА ХАТ»). В октябре 1942 года пришло письмо от Алгадая. В письме он писал: «Отцу нашему Джамбулу! Наши командиры, считая Вас дрожайшим отцом, обращаются к Вам с письмом. Как получите наше письмо, немедленно напишите ответ с уничтожающими врага словами. Ваши песни оказывают нам большую помощь...». Пришло также письмо от командиров Алгадая. Ответом на письма сына и его командира была эта песня Джамбула. Ее записал Г. Орманов. Она вначале была напечатана 17 января 1943 года, затем публиковалась в сборниках 1955 и 1982 годов. Перевод принадлежит М. Тарловскому.

Точный перевод названия – «Письмо моему сыну».

«КЛЯТВА ПОД ЗНАМЕНОМ» («ТУ АСТЫНДА БЕРГЕН АНТ»). В апреле 1943 года за достижения в развитии животноводства Казахстану было вручено переходящее Красное Знамя Государственного Комитета обороны СССР. В честь этого события Джамбул сложил песню-клятву от имени трудящихся республики. Ее записал Г. Орманов. Она была напечатана 20 апреля того же года в газетах «Социалистік Қазақстан» и «Казахстанская правда». На русский язык перевел М. Тарловский. Песня вошла во все издания акына, но с измененным названием «Ту астындаға ант» (1955).

«СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК НАШ НЕДАЛЕК» («ТОЙ КҮНІ ТАЯУ»). В феврале 1943 года Советская Армия перешла в наступление на всех фронтах Великой Отечественной войны и освободила большое количество сел, деревень и городов, захваченных немцами в начале войны. Воодушевленный этим Джамбул сочинил песню. Ее записал Г. Орманов и она была опубликована в газете «Қызыл әскер» («Красный воин»), выходившей в Алма-Ате. Печаталась во всех сборниках акына. На русский язык переведена М. Тарловским.

«БОЕВЫМ СТРАНИЦАМ» («ҚЫЗЫЛ ЖҰЛДЫЗ» ГАЗЕТІНЕ»). Песня сложена в честь юбилея газеты «Красная звезда», издававшейся Народным Комиссариатом Обороны СССР. Записана Г. Ормановым, была переведена на русский язык М. Тарловским и напечатана в газете «Красная звезда», а казахский текст – во фронтовых газетах. Полный текст на казахском языке был также опубликован в сборнике 1946 года под названием «Қызыл жұлдызға құттықтау» («Поздравление «Красной звезде»), затем в последующих изданиях акына.

Точный перевод названия – «Газете «Красная Звезда».

«МЫСЛИ ОБ АЛГАДАЕ» («АЛФАДАЙ ТУРАЛЫ ӘРБІР ОЙ»). Старший сын Джамбула – Алгадай был призван на фронт летом 1942 года и сражался на Сталинградском фронте. Постоянно переписывался с отцом. Летом 1943 года Алгадай погиб смертью храбрых. По казахскому обычаю весть о гибели сына сообщила акыну Государственная комиссия, возглавляемая тогдашним Председателем Президиума Верховного Совета Казахской ССР Абдисаматом Казакбаевым. Джамбул сильно скорбел, но мужественно вынес свое горе. Песню эту он спел Кенену Азербаету, который по обычаю специально

приехал к своему учителю выразить соболезнование и утешить его. В исполнении Кенена она записана Г. Ормановым. Впервые опубликована в Полном собрании сочинений акына в 1946 году. Впоследствии печаталась во всех сборниках Джамбула. На русский язык переведена Д. Снегиным.

«ЛАСКА ДЕДА» («АТАНЫҢ ӘЛДИ»). Летом 1942 года старший сын Джамбула – Алгадай был призван на фронт. Через 7 дней после его отъезда родился у него сын, которого дед назвал Куаныш (Радость). Летом, в июле, 1944 года ребенок заболел и лечился в городской больнице в Алма-Ате. Выздоровевшего малыша привезли домой, и Джамбул, взяв его на руки и спел песню, обращаясь к внуку, найдя в нем утешение и отраду.

Песню записал Г. Орманов. Впервые она опубликована в сборнике 1946 года. Печаталась в последующих изданиях акына. На русский язык ее перевел А. Брагин.

«ОБРАЩЕНИЕ К АКЫНАМ» («АҚЫНДАРҒА АРНАУ»). В декабре 1943 года в Алматы был организован республиканский айтыс акынов. Проходил он в театре оперы и балета. Как самый уважаемый и старейший акын Джамбул открыл айтыс песней-обращением к своим соратникам. Песня записана Г. Ормановым и впервые напечатана была 5 и 9 декабря того же года в газетах «Социалистік Қазақстан» и «Казахстанская правда». На русский язык ее перевел А. Хазип.

Среди акынов, участвовавших в айтысе, были известные поэты-импровизаторы Орынбай Таймапов, Шашубай Кошкарбаев, Нартай Бегежанов, Нурлыбек Баймуратов, Кенен Азербаяев, Маясар Жапаков, Куат Терибаев, Жаксыбай Жантобетов и другие.

«ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО» («СОҢҒЫ СӨЗ»). В декабре 1944 года Джамбул болеет и 27 декабря начал собираться в больницу, ехать в Алма-Ату. Собравшиеся родственники хотели поддержать его, но он отказался и попробовал встать сам без их помощи. Однако подняться сам не смог. Тогда он, обращаясь к окружающим, спел эту песню. Записал ее Г. Орманов. Впервые она была напечатана в полном собрании сочинений Джамбула, изданном в 1946 году и с тех пор публикуется во всех сборниках акына. Русский перевод принадлежит А. Брагину.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	5
<i>С.А. Каскабасов. ЖАМБЫЛ: Его время и поэзия</i>	7

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1859-1917)

Стихи и песни

Жалоба.....	24
Отцу.....	25
Сарыбаю.....	26
Акыну Жапысу.....	27
Табунщик.....	28
Девушка Кемшат.....	29
Вечное создание красоты.....	30
Погоня.....	31
Шабдену.....	32
Доля бедняка.....	33
Сырттану.....	34
Мамбету.....	35
При избрании Сата.....	36
Тлемису.....	37
Абышка.....	38
Про Манке.....	39
Завещание.....	40
Шалтабаю.....	41

К Кали.....	42
Кокиму.....	43
Собака бая Кадырбая.....	44
На выставке.....	48
Черный указ.....	49
Песня гневного сердца.....	51

Айтысы

Айтыс с Айкумыс.....	54
Встреча с акыном Бактыбаем.....	57
Дочери Болека.....	60
Из айтыса с акыном Сары.....	62
Айтыс Джамбула с Кулмамбетом.....	64
Айтыс Джамбула с Сарбасом.....	80
Айтыс Джамбула с Досмагамбетом.....	110
Айтыс Джамбула с Шашубаем.....	130

Дастаны

Утеген-батыр.....	141
Суранши-батыр.....	173

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАНИЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ (1921-1945)

Стихи и толгау

Активистам.....	214
Бег времени.....	215
Слово к молодежи.....	242
На джайляу.....	245
В мавзолее Ленина.....	246
Песня при получении ордена.....	248
Гасему Лахути.....	249
Великий закон.....	251
Песня о Пушкине.....	253
К Красной армии.....	254
Союзная республика.....	256
Песня о зерне.....	257
Май.....	258

Песня лета.....	260
Алатау.....	262
Песня о кумысе.....	264
Испанским братьям.....	266
Китайскому народу.....	268
Песня о братстве народов.....	270
Песня о большом караване.....	273
Гимн Октябрю.....	276
Прощальная песня.....	278
Шота Руставели.....	280
Песня об Орынборе.....	281
Песня о жизни.....	284
Песня об искусстве.....	288
Батырам полюса.....	290
Песня о счастье.....	292
Колыбельная песня.....	293
Кляча и тулпар.....	295
Мое счастье.....	299
Я народу служу.....	302
Моя жизнь.....	305
Сыновья народа.....	312
Пуля врагу.....	313
Орлы нашей Родины.....	316
Ученому брату.....	318
Здоровье народа.....	319
За большой урожай.....	320
Батырам нашей Родины.....	322
Тарас.....	325
Съезду победителей.....	327
Весна.....	330
Праздник весны.....	331
Мастерам животноводства.....	333
Казна народа.....	336
Духи.....	339
Кеклик.....	340
Дорога в степи.....	341
Батыр в стальной шубе.....	342
Тезекбаю.....	345
Съезду большевиков.....	346
Парням, обучающим необузданных коней.....	349

Тажибаю.....	350
Богатырь песни.....	351
Рождение жизни.....	354
Видел я родной Казахстан.....	359
В горах.....	361
К портрету Абая.....	362
Добро пожаловать.....	363
Я – тополь столетний.....	364
Барлыбаеву.....	365
Старость.....	366
Достиг я, шагая, вершины горы.....	367
Песни благодарности.....	368
Гимн весне и первомаю.....	369
Богатство земли.....	371
Лентяям.....	372
Кулансаз – наша летовка.....	373
Ленинградцы, дети мои!.....	374
Москве.....	379
Выстоит племя богатырей.....	384
Советским гвардейцам.....	386
В новогодний торжественный час.....	388
Советским воинам.....	390
Сынам любимой Родины.....	392
Девушка на стальном тулпаре.....	394
Дружба народов.....	397
Приказ Родины.....	399
Несокрушимая крепость.....	402
Проводы.....	404
Новогодний привет.....	405
Ответ сыну.....	406
Клятва под знаменем.....	408
Светлый праздник наш недалек.....	411
Мысли об Алгадае.....	412
Ласка деда.....	414
Обращение к акынам.....	415
Последнее слово.....	418
КОММЕНТАРИИ.....	419

Литературно-художественное издание

Серия

“БИБЛИОТЕКА КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ”

Жамбыл Жабаев

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Технический редактор *С. Бейсенова*

Компьютерная верстка *А. Кадикеновой*

Корректор *Г. Мухамадиева*

Разработка суперобложки

дизайнцентра издательства «Аударма»

ISBN 9965-18-309-0

9 789965 183096

ИБ №309

Подписано в печать 24.08 2010 г. Формат 84x108 ¹/₃₂.

Гарнитура . “NewBaskervilleСТТ”. Печать офсетная. Усл.-печ. л. - 24,36

Уч.-изд. л. - 22,00 Тираж 3000 экз. Заказ № 865.

Издательство “Аударма”

010009, г. Астана, ул. Г. Мусрепова, 5/1, ВП-2

ТОО РПИК «Дәуір», 050009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.

Тел.: 394-39-22, 394-39-34, 394-39-42,

E-mail: rpik-daur81@mail.ru, rpik-daur2@mail.ru

